

Н.Н. Александров

**МЕТОД
СИСТЕМОКИНЕТИКИ**

Москва, 2012

КНИГА 1

СТАТИКА

Н.Н. Александров

Москва, 2012

МЕТОД

СИСТЕМОКИНЕТИКИ

Александров Н.Н.

Метод системокинетики. Книга первая: Статика. – М.: Издательство Академии Тринитаризма, 2012. – 152 с.

В работе с широких общенаучных позиций рассматривается совокупность основных методов науки. На основе исторического анализа представляется авторская методология системного, генетического и кинетического подходов к исследованию – метод общей системокинетики, что означает единство статического и динамического понимания системы.

Первая книга посвящена системной статике. Следующая – динамике систем.

Для широкого круга читателей.

Редакционная коллегия:

А.И. Субетто, доктор философских наук, доктор экономических наук, кандидат технических наук (науч. редактор);

Н.А. Селезнева, доктор технических наук;

Т.В. Зырянова, кандидат педагогических наук (отв. редактор).

© Александров Н.Н., 2012.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть I. О МЕТОДЕ

1.1. О СПОСОБЕ МОЕЙ РАБОТЫ И ОСОБЕННОСТЯХ МОЕГО МЫШЛЕНИЯ

Концепция

1.2. О МНОЖЕСТВЕ ОНТОЛОГИЙ

В поисках новой онтологии

Механическая и машинная картины мира

Органическая картина мира

Историю чего мы изучаем?

1.3. ПАРАДИГМА – МЕТАПАРАДИГМА – МЕНТАЛЬНАЯ КАРТИНА

Парадигма и метапарадигма

Неклассическая метанаука XX века и выход науки за свои пределы

Менталитет и парадигма. Ментальные и парадигмальные циклы

1.4. ИНСТРУМЕНТАРИЙ КЛАССИЧЕСКОЙ НАУКИ

1.5. ИНТЕГРАТИВНЫЕ ПОДХОДЫ XX ВЕКА. ОТ КЛАССИЧЕСКОЙ НАУКИ – К ИДЕЯМ СИСТЕМНОСТИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Циклическая картина мира и циклогенетика

Системогенетический подход

Принцип деятельности

1.6. ИТОГО: КЛАССИЧЕСКАЯ И НЕКЛАССИЧЕСКАЯ НАУКА

Заключение

Еще несколько слов целостных точках зрения в науке

Часть II. О МЕТОДЕ И ИНСТРУМЕНТАХ

2.1. МНОЖЕСТВЕННОСТЬ ОТОБРАЖЕНИЙ ЕДИНОГО И КОНФИГУРАТОР

«Ромашка» А.Ф. Лосева, или принцип множественности

Полиэкранность

Конфигуратор

2.2. В ПОИСКАХ ЯЗЫКА

О понятии «архетип»

Архетипы – универсалии – инварианты

2.3. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ПОНЯТИЙ В ЧЕТЫРЕХ ЯЗЫКАХ

О понятиях

О наших понятиях и языках

2.4. СИСТЕМНОСТЬ И ЧИСЛО

Язык геометрии и иконическое отображение

Архетипы, выраженные через простые фигуры

Числа, фигуры и объемные тела как единый язык отображения

Моно- и поли-

Единица как архетип целого

Пара как архетип противоречия

Тройка как архетип иерархичности

Четверка как архетип состава системы

2.5. ПРИЕМ СУПЕРПОЗИЦИОННОГО ЭКРАНА

Принцип суперпозиции

Онтогенетический суперпозиционный экран

Онтологическое суперпозиционирование

Перекрестный перенос внутри суперпозиционной схемы

Генетическая проверка онтологических схем

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Из истории развития системогенетических идей

БИБЛИОГРАФИЯ

Часть 1.
О МЕТОДЕ

Часть I. О МЕТОДЕ

1.1. О СПОСОБЕ МОЕЙ РАБОТЫ И ОСОБЕННОСТЯХ МОЕГО МЫШЛЕНИЯ

Мое мировоззрение целостно. При всем тяготении к архаической простоте, это очень развитая целостность. Эту сложную целостность я осваиваю по частям, заходя всегда с разных сторон. И каждый такой заход тоже отличается достаточным разнообразием. Поэтому я могу переписывать любой свой текст до бесконечности, отчего всегда побаиваюсь бальзаковской ситуации “Неведомого шедевра”.

Почему-то я мыслю целостно и непрерывно, но пишу иначе: дискретно. Мои критики вообще говорят, что я пишу тезисно. 500 страниц тезисов в каждой книге – это нечто. Но доля правды в этом утверждении есть.

Я пишу тезисно, поскольку считаю: остальное и так понятно и желающий сам продолжит. А непонятно, нечего и читать. Но всегда есть надежда, что появится желающий понять.

Пишу я, скажем так, модулями, в какой-то мере самозавершенными блоками или композициями. Теперь блоков-композиций этих стало так много, что я вспоминаю о ранее сделаном с некоторым трудом. Итог удивляет меня самого: свои ранние книги мне просто хочется скомпоновать заново из более отшлифованных поздних блоков-модулей. Наверное, это будут уже другие книги, но к тому все идет. Мысли эти возникают не потому, что я стремлюсь еще чего-то понять, а поскольку уже понятое приходится целенаправленно транслировать, и при этом возникает желание все перекомпоновать. Происходит такая естественная “трамбовка” материала с введением в него нового и выведением устаревшего. Недавно мне стало понятно, что я пишу гипертекст: он сам собой превращается в систему текстов, составляя и единство, и множество текстов.

И я осознал, что через серию книг вообще-то пишу что-то вроде своей энциклопедии, выполняю работу нового Дидро. Ввожу в мир некое новое мировоззрение, которое уже живет во мне. Или это я давно им живу и весьма успешно, пока без сбоев, развиваю из него свой инструментарий. Поэтому я очень люблю читать новые лекционные курсы из незнакомых областей, весьма далеких от всего, что делал раньше. В этом случае нужно сделать сборку содержания и тем самым проверяется, насколько универсален мой набор инструментов.

Трудно объяснить, как в гипертексте одно сцепляется с другим. В том методе, который я использую, все сцепляется со всем и это, если хотите, особый тип дизайна. В этом есть и свои минусы: одно без другого иногда трудно понять. И тот **принцип полиэкранности**, о котором у нас пойдет речь, имеет к этому непосредственное отношение.

Что касается книг, тут все иначе. В них “блоки” сцепляет очередная тема; по отношению к ней и создается содержательный конструкт и выразительная композиция модулей. Здесь срабатывает традиционная логика изложения, подразумевающая развертывание и сшивку материала в композицию. Поэтому в книгах изложение искусственно-непрерывное, а качество понимания – накаливаемое.

При этом я осознаю, что не все из набора важных для меня блоков нужно моему читателю в его интересе к теме. Потом может понадобится и другое, но в акте чтения читателя интересует собственно эта тема. И интересует почему-то, это его дело, почему. А мне надо постараться дать ему именно это.

Мне всегда ужасно хочется написать 100-120 страниц по одной теме, но до сих пор редко получалось. И виной тому сцепления блоков, которое я раньше не различал. Теперь различил. Они непрерывно требуют от меня восстановления большой целостности и не принимают искусственной отдельности своего существования. Война общего и единичного – вот суть гипертекстов.

Читая других, я вижу у них ту же проблему. Выжимку в тезисы или статью сделать легче всего. А вот при развертке в лекциях это все начинает такую внутреннюю переключку, что иногда невозможно удерживать.

Гипертекст бесконечен, как сама жизнь. А для современного человека нужна краткость и завершенность. И поэтому я недавно твердо решил попробовать работать завершенными разделами и обозначать их в этом качестве. В моем гипертексте многое из написанного можно понять из контекста. Хотя, может быть, я и ошибаюсь: это я так привык думать, т.к. сам так работаю.

Поскольку я много чего написал и понял про композицию, я знаю, что противоречу основному закону – закону образной целостности. При работе свободно компоновемыми блоками текст лишается художественного единства – в традиционном понимании. Но в новой реальности “клипового сознания” и композиционные законы должны были измениться. Текст пишется не для “ценителей эстетического” из прошлого, а для использования в практике, в настоящем. Деятельность – это его конечное назначение.

Когда я читаю лекции, все происходит легко и здорово. Я обожаю это делать, поскольку с легким удивлением слушаю себя со стороны. Сборка по конкретному поводу происходит легко и пластично, иногда небольшие отличия аудитории делают лекцию на одну и ту же тему абсолютно непохожей на аналогичные лекции в прошлом. И я обычно добиваюсь такой композиции, при которой слушатели уходят с чувством подъема и восторга – с необходимым и возможным “катарсисом”. Я это осознаю, когда они уходя благодарят. А бывает это не всегда.

Концепция

Мы употребляем термин “концепция” (от лат. *conceptio* – понимание, система), в трех смыслах: а) как определенный способ трактовки (ракурс понимания); б) как основную точку зрения (рамку); в) как руководящую идею, ведущий замысел, конструктивный принцип деятельности (норму). Точка зрения в мышлении и норма в деятельности разнесены, но взаимосвязаны; а трактовка – это уже особенность общения, трансляции и коммуникации.

По сути, за всеми этими словами всегда скрывается некое саморазворачивающееся ядро. Поскольку это замысел, в управленческом смысле мы имеем в “концепции” предельно плотно упакованное в знаки описание задуманного. Детализируя концепцию, мы получаем ее развертку в текст или в деятельность. Таким образом, концепция обладает свойством разворачиваться, запускает этот особый процесс. Кроме того, она имеет свойство управлять деятельностью, поскольку содержит в себе наши цели.

Поскольку мы далее много будем рассуждать о целях, надо как-то со своими определиться. Вот поэтому я себя и спрашиваю изначально: какая цель движет мною, когда я применяю и разворачиваю концепцию ментосферы? Ответ во многом и для меня неожиданный: ментосфера хочет быть выражена, опознана нами. А я – всего лишь ее инструмент. И, наверное, не единственный.

“Ментосферизм” – это новая онтология, она вызывает у меня интерес и почему-то совпадает со всем, что я делал раньше. Чужь какая-то получается: хочет ментосфера, цели ее, а пишу я и интересно мне. Но это, увы, правда. И никак иначе это свое желание создавать тексты я объяснить себе не могу. Поскольку, прикасаясь ко всему другому, чувствую холод, а к этому – тепло. Это означает “предназначение”.

Концепция содержит цель и тем держит целое. Целое неизбежно разворачивается, поскольку единое всегда предполагает существование во множественном. Из одних и тех же целей, но по-разному упорядоченных,

образуются разные итоговые вектора целей. Поэтому то, что получится у меня и у других – это будет разное. Понимание цели самой ментосферы возникнет в совокупности всех наших текстов.

Для движения к цели, надо определить, где мы находимся и что мы по ней имеем сейчас. Этот традиционный научный шаг. Проблемы ментосферы до этого не существовало. А то, что касается ее аспектов и подходов, я когда-то описал их по мере сил – их немеряно. С тех пор ничего кардинально не изменилось.

По какой дороге идти в выражении? Мы выбрали гипертекст, где каждый заверченный кусок текста имеет свое локальное целое в большом целом. Поэтому в конце есть такая задача, как взаимное согласование и увязка частей в общее.

В жизни процесс формирования концепции – процесс циклический и многошаговый. В текстах все должно быть иначе. И если вы в текстах обнаружите следы многочисленных возвратов (вроде бы об одном), то это следы циклов самонаведения цели.

1.2. О МНОЖЕСТВЕ ОНТОЛОГИЙ

В поисках новой онтологии

Как-то утром я проснулся, и обнаружил, что живу в мире совершенно другом, чем вчера. Я так долго пробовал войти в новую онтологию, что в результате однажды оказался в ней. При этом переходе человек ничего не ощущает, как и самого перехода. Чтобы понять это, надо выйти и постоять над ситуацией. А попробуйте-ка. Да потом еще возвращаться.

Очевидно, количество моих усилий перешло в новое качество понимания мира. И теперь я буду пробовать говорить оттуда, чтобы донести – что именно я понял и как это произошло. Поскольку ничего важнее этого для меня теперь нет. А для вас, надеюсь, это будет интересно, как интересны приключения в чужом мире.

Пробовать я буду потому, что надо же еще научиться жить в этой новой онтологии. И потому я имею право на ошибки и заблуждения. Это причина тех кажущихся непоследовательностей и даже кружений в тексте, который вы читаете.

Мы пишем этот текст, все еще находясь в поисках новой онтологии или по крайней мере – с желанием адекватно выразить то содержание, с которым по случаю удалось соприкоснуться. Почему нас не устраивает натуральная онтология классической науки Нового времени, и системно-деятельностная онтология XX века? Они ачеловечны. А я человек и мне хочется поискать в этом мире нечто для себя. И в этом стремлении трудно оставаться объективным, хотя мы будем всячески стараться.

Я пишу в попытке обозначить ясно целое под названием “ментосфера”. И связанную с этим картину мира, то бишь особую онтологию.

Начнем с ключевого для нас вопроса о “картинке” или “картине мира”.

Считается, что термин “картина мира” достаточно молод. Он был введен Л. Витгенштейном в «Логико-философском трактате», хотя в гуманитарной сфере ведет свое происхождение от работ Лео Вайсгербера примерно того же времени. Не знаю, как в момент становления, но сегодня этот термин невероятно размыт, поскольку он “размазался” по множеству наук и вошел в ряд “бродячих терминов” в науке и около нее. Его постигла та же участь, что и “менталитет”, “пассионарность”, “парадигма” и многие другие популярные слова XX века.

Рассматривать картины мира я собираюсь через свою историю: через картинку мира во мне. Хотя бы потому, что у меня в библиотеке набралось большое количество трактовок “картин мира”. Я уже не выражаю желания слить их в нечто единое и редуцировать до посинения, как того хотелось раньше: я не веря в необходимость этой работы. А делать с ними что-то нужно – и нужно мне, исходя из моих целей. Вот я и рассматриваю эту тему как набор “картинок” моего собственного пути познания. Такая сшивка истории ничем не хуже любой другой, особенно если речь идет о рассказе.

Однажды, лет эдак в 16, я спросил себя – а частью чего я, собственно, являюсь? И какой именно частью? Чтобы ответить на такой вопрос через сорок лет, мне и понадобилось войти в новую онтологию. Это был длинный путь “прохождения сквозь другое” и “опираясь на чужое”, а потом построения, построения и еще раз построения и отбрасывания гипотез и конструктов. И суть не том, что это поучительный путь, суть в сумме, из которой уже ничего просто так не выбрасывается. Я понимаю, что это мои “подпорки мысли”, но тешу себя надеждой, что они могут пригодиться и другим путешественникам по неизведанному.

Механическая и машинная картины мира

Как и все мы в середине XX века в СССР, я жил и радовался, ощущая себя частью мудрой и прекрасной Природы. Я и сейчас многое бы отдал, чтобы вернуть это детско-юношеское мировосприятие. Но это уже невозможно, поскольку оно не принадлежит мне и его сияющая гармоническая окраска иллюзорна, как картинки из моей “Родной речи”.

Часы не один век завораживают людей. У меня они вызывают сложнейшие чувства и поток мыслей с того момента, когда я разобрал свой первый будильник. Я увидел чудо стройной сложности и испытал величайший детский восторг. Потом я прочел, что то же самое было с юным Ньютоном, который строил модели часов и мельниц. И не удивительно, что целый этап истории науки был прожит на этом поклонении Мировым Часам. Но такая Природа, рассмотренная как механизм, столь интересная когда-то своей утонченной и архаичной простотой, с годами стала восприниматься как данность. И “механическая картина мира”, как считается, ушла в прошлое. Хотя на самом деле она жива и поныне, как и все картины мира: речь может идти только об актуальности ее в обществе, а именно – доминировании в менталитете.

Мир как идущие Часы Бога – метафора этой зримой картины.

Те, кто считают ее примитивной, сильно ошибаются. Ведь по сути, здесь мир предстает как техническое устройство невероятной степени сложности. И это абсолютно другое воззрение, чем древнегреческий философский “натурализм”. Никак не могу понять, почему их смешивают и даже пытаются вывести одно из другого. Но сейчас мне важнее другое: у этой картины мира есть как бы “продолжение в ином”.

Вот что странно: механизм и Мир как Механизм – это одно. А машина и Мир как Машина – уже совсем другое. И третье состоит в том, что машина и механизм входят частями в некое единое целое. Хочется понять, какое именно целое. О том, что это целое есть, я помню из опыта учебы: нам в авиационном институте читали “теорию машин и механизмов” – ТММ (и студенты расшифровывали эту аббревиатуру с жестоким юмором: “Там Моя Могила”).

Машина много чего предполагает, и мы будем это обсуждать. Вне машины мы можем предположить “проектировщика” с его неизвестными нам целями. Второе – это состав и особое устройство, законы функционирования, устойчивые рабочие циклы частей этой машины и т.д. Наука принципиально занимается только вторым вопросом, а вопросом о причине или проектировщике вроде как никто больше не занимается. Раньше это было занятием философов, но в последние века и они хитроумно обходят эти вопросы как слишком скользкие.

При том, что явно различимы ранняя механическая и более поздняя машинная картины мира, они в определенном смысле есть целое. Понять и описать механизм мира и построить машину – это разные стороны одного акта. В первом случае я наблюдаю мир и оперирую с ним в мысли, а во втором я примеряю на себя мундир инженера, создателя машин, и эти самые знания служат мне иначе. И в этом смысле проектировщик непременно примеряет на себя роль Бога, поскольку проектирование машин происходит на самом деле из ничего и на познание только косвенно опирается. И есть ли между исследователем и изобретателем связь в истории – это еще вопрос.

Хотя, что характерно, все евроамериканские ученые в романах и фильмах только и делают, что изобретают нечто невообразимое: я помню, как много раз перечитывал в юности “Человека-невидимку” и “Машину времени”. Но теперь я понимаю, что все научные и технические фантасты – Жюль Верн, Уэллс, Беляев и т.д. – работники идеологического фронта. Они утверждали своим искусством ту картинку мира, которую требовал доминирующий тип менталитета. Легенда про Архимеда тоже подтверждает эту жесткую новоевропейскую взаимосвязанность науки и техники. Поэтому она и вошла в учебники – как притча идеологического назначения.

На самом же деле множество самых плодотворных идей может неостребованно пролежать веками и не найти подобного “применения”. А работа Герона Александрийского показывает, что создание машин могло начаться в любой точке истории, безотносительно к науке. Это особый род свободной игры, которую запрягли как лошадь в повозку только в эпоху капитализма, а потом и социализма. Жутковатое противоречие между принципиальной свободой игры и несвободой цивилизации отражено у А.И. Солженицына “В круге первом”.

Проектный прорыв инженерии XIX-XX веков дал возможность оформиться современному всепоглощающему технократизму.

В XX веке уже можно было наблюдать, как машинная идеология применяется по отношению к природе, людям и к обществу. Причем, настолько успешно, что технократы почти победили в развитых странах на этих трех фронтах. Их победа вполне может стать пирровой, поскольку человек – не только машина. И общество – тоже.

Технократизм – эта только “рамка” особого типа онтологии, это особый взгляд на мир как на машину. Он вроде бы дает власть имущим рычаги управляемости обществом и человеком, но при этом постепенно лишает людей и общество жизненной энергии – это почувствовал еще Кафка, а дальше зазвучали колокола множества ученых начала XX века, говорящих о массовом человеке и дегуманизации культуры. Прогноз тоже был дан

историей: заключенные концлагерей, прошедшие полное “машинное” перевоспитание, умирали от потери интереса к жизни. Это очень важное предостережение, которого технократы упорно не слышат, хотя они вроде как живые люди. Технократы и с этим хотят справиться машинно: путем подмены всего ранее бывшего “естественного” на “искусственное”. Абсурдно звучит: искусственный интерес к жизни; но это чистая правда современного манипулятивного общества.

Если мы предполагаем, что Мир как Машина – это одна сторона медали, то где создавший ее Креатор-Проектировщик, невидимая сторона той же картины мира? Ведь орел и решка – все равно одна монета.

Органическая картина мира

Вслед за “механической картиной мира” в науке Нового времени открылась не менее волнующая возможность трактовки Природы как живого существа, как организма, а позже – как популяции (особого невидимого организма). Обозримый мир галактик, мир живого и даже мир людей как бы убеждают в этой возможности своими фрагментами, а остальное – экстраполяция. Органический (“организменный” или “организмический”) подход занимал и науку в ее истории, и меня в моей истории познания, довольно долго. Что касается науки, в ней этот подход все еще живет и плодоносит, но не доминирует во всей своей полноте. И в нем, кстати, то и дело возникает идея Креатора, породившего мир-организм, то в личной, то в безличной форме.

Предшествующая абиотическая картина мира наследуется в картине мира живого. Не так давно я понял, что организм и популяция могут трактоваться из физико-химической онтологии. Организм и популяция это и вещество, и поле (веполь, как принято в ТРИЗ). И этот тип аналогии способен кое-что объяснить в такой области как биосоциальное единство.

Предел возможностей есть и у этой картины мира. Но если я правильно понимаю, науки и философии на основе этой парадигмы еще нет. Речь не о

биологии и биосоциологии, а об онтологии Мира-организма. Есть и были попытки ее создания, и мы все знаем об иерархии систем: биосфера, виды, особи. Но все пока осталось на уровне фрагментов универсума (Гей-Земля Лавлока как живой организм и т.п.).

И, следовательно, мы этими идеями, самой постановкой вопроса, можем открыть новый парадигмальный цикл.

Знающий читатель мне по этому вопросу много чего может предъявить из истории. Но прошу отметить в протоколе: я о другом.

Я исхожу из личной истории познания и припоминаю ее яркие этапы – мои картинки мира.

Первое, что я понял в рамках органического подхода, – я являюсь частью гигантского существа. Образование убеждало меня, что это существо – человечество. Хотя на самом деле это может быть, и нечто большее, или вообще другое.

Про Человечество и культ Великого Существа писал О. Конт. Про нечто большее – русские космисты (куда я отношу не только философов) и т.д. Но для меня важно, что я когда-то понял это сам, и только потом прочитал о подобных идеях у других. Я понял это для себя довольно поздно на основе увлечения научной фантастикой. А в науке, если говорить о ее актуальной жизни в обществе, все должно приходить вовремя или уж лучше – не приходить вовсе. При этом вспоминается А. Эйнштейн, который признавал, что он задержался в развитии и потому стал осмыслять очевидные для всех вещи в довольно позднем возрасте.

Так получилось, что я начал размышлять над темой “организма и популяции” тогда, когда для всех моих сверстников это стало трюизмом. Все про это давно узнали и успешно забыли еще в ранней институтской юности. А я только начал размышлять – после пятидесяти.

Но знать – это одно, а понимать – другое. Я понял, что в нашем знании о “популяции” есть некая прореха. Чтобы предположить, почему

популярные общности удерживаются как целое, мало констатации (так есть), нужна гипотеза.

В связи с этим я понял, что у Человечества есть две особенности. Во-первых, человечество в определенном отношении бесплотно. Точнее, “актуальная часть” его плоти живет для нас в настоящем; а на самом-то деле его плоть есть и в прошлом, и в будущем (по отношению к нам, короткоживущим клеткам этого суперорганизма).

Во-вторых, Человечество для нас еще не родилось, хотя его историю мы изучали в школах и институтах.

Из этих двух особенностей мне стала понятна идея воскрешения всех у Н. Федорова. А раньше я не понимал этой идеи, она казалась мне вычурной выдумкой. На самом деле Федоров говорит о моменте, когда временные масштабы человека и человечества синхронизируются – и тогда “воскреснут все”. Удивительно напоминает сцену Второго Пришествия.

Почти бесплотность человечества делает до некоторой степени бессмысленным применение “органического подхода” по отношению к нему. Считать человечеством популяцию “хомо сапиенс” – явно недостаточное допущение. Человечество есть нечто большее и вообще – иное, чем органическая популяция. А дальше зияет пустота: мощь органической парадигмы, в отличие от имеющей продолжение механической, на этом как бы кончается. И пустоту эту не заполняет ни психология, ни социология, хотя они на это некогда претендовали. Перед нами зияют подступы к чему-то большему, но нам пока “нечем взять” эту высоту.

Я хочу зафиксировать, что если у механической картины мира есть качественно иное продолжение в картине “мир как машина”, то у органической картины мира такого продолжения пока нет, нет как онтологии. Поскольку и сама органическая картина мира пока “недоразвитая”. Если бы она была достаточно развита, мы бы имели другую технику. И металлы не отливали бы, а выращивали.

Вопрос, который хочется поставить: а что иное, кроме идей организма и машины мы сегодня имеем? Является ли общество продолжением, более развитым и сложным организмом? Можно ли свести общество к идее “популя”, как это иногда делают. Какая здесь новая картина мира, и новая ли она?

Мы ничего не знаем ни про само общество, ни про его происхождение и разворачивание, чтобы ответить на эти вопросы с уверенностью. А неуверенно хочется сказать на это, как обычно отвечают аспиранты: но есть же “история” общества, ее преподают. Это точно!

Вот к истории мы далее и обратимся.

Историю чего мы изучаем?

“Иди-иди лошадь, – сказал Остап. Не твоего ума это дело!”

Е. Ильф и А. Петров

Вопрос, вынесенный в заглавие, я всегда задаю историкам. “Историки” как особый класс людей делятся по преимуществу на преподавателей и исследователей. Про педагогов я промолчу: их дело транслировать, и не их дело, *что* транслировать. Остаются исследователи.

Они ненадолго столбенеют от этого вопроса, после чего либо посылают подальше, либо начинают сыпать чужими определениями. Эта реакция меня всегда удивляла: она является признаком того, что этот вопрос у них (в науке истории) или задавался очень давно и в совершенно ином состоянии их науки, или вообще не имеет к этой науке отношения.

Для историков мой дурацкий вопрос всегда был “самоочевиден”, поэтому с ответом у них почему-то всегда возникали проблемы. Я подозреваю, что историки этого ответа просто не имеют. И я так думаю – не их это дело.

В Новом времени было понятно, что объект науки формируется уровнем выше, в философии. Поэтому образованные историки отсылают к

философии истории. О ней мы когда-то писали, но как ни странно, в ней тоже нет ответа на интересующий нас вопрос. Философия истории может поведать нам, какие *варианты истории* возможны, исходя из разных онтологий или разных концепций разных философов. Но “истории чего?”, этот изучает другой раздел философии. Как это странно, однако.

Когда я преподавал философию истории, я усвоил, что на самом деле историки к философии истории не имеют ни малейшего отношения и даже презирают ее элитарные наклонности как научное барство. “Трясти надо”, а не концепты строить – вот лозунг классического историка-исследователя. Подобных историков француз М. Блок точно назвал “сундуками для фактов”.

Таких настырных, как я, историки отсылают к *социальной философии*; что звучит как “пошел ты к социологам”.

Но я сам социальный философ – книжку про это написал, толстую, две диссертации написал. И потому говорю честно, я не знаю окончательного ответа на вопрос “историю чего мы изучаем?” Социальная философия как целое не содержит единого ответа: ее объект каждый философ очерчивает, как хочет. Представляете, каково студентам? И еще эта множественность в постмодерне сама по себе становится самоценностью. Поэтому ситуация следующая: вроде бы слова есть, а целого нет. Есть много-много трактовок. А у меня исконно русское желание видеть целое, хотя я сознаю всю его архаичность.

Теперь о методологии этого дела.

Мы уже упоминали о парадоксе науки XX века под названием “**полиэкранность**”. Множество трактовок имеют право на существование и более того, они ценны своей уникальностью, как ценны любые проявления культуры. Но дальше мне надо принимать одну из онтологий: либо это будет монизм *натуральный*, либо *деятельностный*. Работая с натуральным монизмом, я использую его “*системный подход*”, подход, приводящий меня к целому под названием “*система*”. Работа с деятельностным подходом требует от меня постановки цели, и это есть кристаллизатор иного типа монизма:

концептуальная сборка происходит в этом варианте вокруг цели и по поводу цели. Полиэкранный множественность точек зрения теперь выступает в качестве моего ресурса, из которого я собираю свое **понятие-конфигуратор** (в ядре которого маячит мощный магнит цели).

Что меня искренне удивляет, так это совершенное нежелание историков построить простейшую системную модель общества и поработать в ней с помощью своих процессуальных инструментов. Со стороны социологов это некогда проделал П.А. Сорокин, за что честь ему и хвала. Но у Сорокина есть единственный недостаток: его циклическая теория помещена в одном системном уровне (плюс ее раскрытие в подсистемах уже без привлечения цикличности). По крайней мере, циклы у него – только системные. Отсюда ряд парадоксов и ложных проблем, с которыми постоянно сталкиваются историки.

Характерный пример ложной проблемы такого рода есть у Тойнби (Тойнби А. Дж. Постигание истории. – М., 1991.).

Его “попытка применить понятие эволюции к человеческой истории” не удалась, да и не могла удалась. Поскольку берет он не системный или надсистемный уровень, а *подсистемы* – цивилизации. И рассматривает, как они “эволюционируют”, не задаваясь при этом вопросом, а применимо ли на этом уровне такое понятие, как эволюция. И там действительно “представители одного и того же вида обществ, оказавшись в одинаковых условиях, совершенно по-разному реагируют на испытания – так называемый вызов истории”. Доказательству этой истины он посвятил 12 толстых томов.

Я так думаю, что Тойнби попал в ловушку идеологии позитивизма. На нижнем уровне есть что изучать, что руками пощупать, факты – вся археология его обслуживает. А верхние уровни – поганая метафизика и спекуляции; заниматься этим ученому-историку в его время позитивной науки было просто неприлично.

А ведь здесь разобраться можно достаточно просто. И аналогом служит биогенетика (или техногенетика). Это все равно, что взять кучу особей (или

видов) и утверждать, что между ними нет ничего эволюционного общего, каждый приспосабливается к вызовам среды сам по себе, создавая уникальную организованность и превращая функции в морфологию. Между тем закономерность эволюции, ее программа, вполне могут находиться уровнями выше. Надо выйти туда и оттуда смотреть на эту конкретику этой суеты отдельностей. Когда мы соединим все цивилизации как разновидности морфологии (организованности материала), становится видна мера целого – сценарий истории.

Тойнби говорит о морфологическом разнообразии, кто ж против. Но это разнообразие вполне накрывается единой ментальной шапкой. И она имеет ряд уровней вверх. Если рассматривать ее, эту шапку, то и программу истории можно увидеть. И даже до новой онтологии можно дойти.

За исключением разве что Н. Конрада и Б. Поршнева, у большинства историков XX века предмет истории либо вообще не рассматривается, либо переводится в разряд логических дискуссий. Поэтому историки выкручиваются, как, впрочем, и все предметники вообще: например, нет ничего сложнее для лингвистов, чем ответ на вопрос “что такое лингвистика и в чем ее предмет”? И потому историков ругать за отсутствие метапредставления истории также не следует.

Иногда мне кажется, что историки и социологи заняты тем, что попеременно дают друг другу работу.

Любимая модель социологии – иерархическая. С ее помощью обществоведы направляют нас от человека, – зримого и осязаемого, – ко все более незримым и неосязаемым *группам* разных размеров и устойчивости, к совершенно бесплотным сообществам и обществам и уже как предел – к совершенно абстрактному Человечеству. На данной модельной основе у историков и появилось много-много промежуточных историй – этносов, народов, государств, стран и т.п. Но не появилось ни одной обобщающей *истории человечества*, хотя эволюционисты конца XIX века всячески за нее ратовали и много чего замечательного по данному поводу написали.

Это обидно. Это все равно, что вам расскажут об истории возникновения каких-то отдельных клеток и органов, из которых вы состоите, а вы-то хотите знать историю *себя как целого, себя как неповторимой личности*. А вам говорят – нет, этого как раз не можем. Очень похоже на нашу медицину, где специалисты каждый лечит свой орган, а за человека в целом никто не отвечает. Как у Райкина – к пуговицам претензии есть?

История человечества, вы когда-нибудь слышали о такой науке в XX веке? Максимум что есть – это “всеобщая история”, где на поверку – всегда одни части чего-то очень большого. Но “всеобщее” в любом варианте не есть сумма частей, как и человечество не есть сумма людей или обществ. И потом количество прорех в этой истории несопоставимо с тем, что мы про нее знаем. Наше незнание превышает 96 %. Тот же Тойнби откровенно говорит, что западные историки намеренно игнорируют историю Востока.

Вот пример: наши магазины наконец-то заполнены книгами Л.Н. Гумилева, представляющего миру совершенно неизвестную западному и советскому миру историю ЛесоСтепи и срединной Азии – не менее, и даже более насыщенную, чем история западная и прозападная, в том числе и наша. А что мы тогда учили в школе, если в истории возможны такие вот гигантские дыры? Ясное дело: политически корректный миф. И все другие в мире тоже его учат, каждый свой. Например, американские школьники ничего не слышали о нашем участии во Второй мировой войне.

И здесь я убеждаюсь, что история всегда обслуживает политику и работает на идеологию. Оттого-то Аристотель и относил историю к роду литературы. Но это как раз тот деятельностный ракурс, о котором мы говорили: множественность точек зрения служит материалом для сборки под определенную цель. Это хорошо видно уже у Геродота: собирая противоречащие друг другу воспоминания, к тому же с огромными прорехами, он пишет идеологическую работу, объединяющую греков и затем

античный мир в особую общность. Его история имела долговременное политическое действие и не потеряла его доныне.

Конечно, к ученым-историкам это, собственно, имеет косвенное отношение. Не они ответственны за использование истории в качестве идеологии. К тому же им немало крови в последние годы попортил продолжатель линии Н. Морозова – А.Т. Фоменко и компания (*Фоменко А.Т. Глобальная хронология.* – М.: Изд-во МГУ, 1993. – 408 с.). Это был если и не удар по основаниям европейского историзма, то весьма раздражающий фактор. Поэтому историки так превозносят того современного автора, который смог “дать отпор”, то бишь – вернуть статус кво этой ученой братии.

* * *

Возникает впечатление, что в этом вопросе мы копаем не с того конца. Чтобы восстановить целое, нужно именно это и делать. По крайней мере, задавать вопросы отсюда и пробовать на них отвечать.

Чтобы говорить о конечном этапе истории человеческих сообществ, нужны гипотезы, а не трюизм Фукуямы про конец истории. Несколько различаются, но едины по своей основе гипотезы космизма и глобализма. Их единство состоит в том, что сегодня мы стоим на пороге планетарного объединения этих социальных образований (и составляющих их людей) во что-то единое, в наш Солярис. Это целое более высокого, надсистемного (по отношению к *обществам*), уровня. Может быть, это и будет Человечество в его конечном виде. Или – в начальном виде, смотря откуда смотреть.

Суть вопроса: а что есть в данном случае Целое? Суперпопуль. Когда я обратился к литературе, то оказалось, что эта тема интересовала ученых в последний раз в середине XX века. Тогда последний раз обсуждалось “человечество” как понятие. Этот отложенный разговор нужно возратить.

Биолог вам тут же подскажет: нам проще, наша “Биосфера” уже есть, она родилась. А у вас сложность в том, что “Человечества” пока нет. Оно

рождается и этот процесс еще будет длиться. Примерно так, как это описывается в “Феномене человека” П. Тейяра де Шардена. И это почему-то всех устраивает. Кроме меня.

Да все так: именно мы, сегодняшние люди Земли, присутствуем при родах Человечества. Интересно, присутствовал ли какой-нибудь организм при родах биосферы?

Но мне так кажется, что и биосфера, и человечество – не более чем понятия, или “надсистемные формы мыслимости”. А “становится” человечество или уже стало – это вопрос другой, хотя методологически очень важный.

* * *

Один из способов написания настоящей истории нашего суперпопуля-человечества – попробовать писать ее из будущего, когда человечество “уже есть” и живет в ряду себе подобных. Других, конечно, но однородных с ним суперпопулей.

Я в детстве читал про это в “Туманности Андромеды” И. Ефремова и “Солярисе” С. Лема. Это была романтическая экстраполяция в будущее мироощущения времен оттепели и начала освоения космоса. Отпечатались в нас эта образная конструкция глубже, чем нам кажется, хотя жить нам теперь приходится в совершенно другой эстетике.

Жаль, что идею Ефремова испортили ходульным советским фильмом, но зато нам повезло с творением Лема, попавшим в руки А. Тарковского. Будь я поприколистей, поставил бы “Туманность” сейчас, как кинофутурист. Из серии “Предчувствие космоса”, но с обращенностью не в прошлое, а в будущее. Примерно так и поступил Ф. Бондарчук с «Обитаемым островом», но у него вышел просто звездный боевик. Но, боюсь, повторится история со вторым “Солярисом”, из которого скроили мылодрамму. Масштаб и пафос – они легко уничтожаются, когда выворачиваются наизнанку. Ирония – лучшее оружие против пафоса, но следует помнить, что в истории они равноправны.

Но разве только фантастика дает возможность смотреть из позиции будущего, когда человечество “уже есть” и живет в ряду себе подобных? Не только. Бывают и “научные утопии” и даже глобальные проекты такого масштаба. Здесь можно найти великолепный своим бескорыстием набор идей русского космизма и не менее впечатляющий своим корыстолюбием набор идей и проектов западного глобализма.

Реакция на большие идеи в нашем времени резко отрицательная. Но этот наш период не вечен, а идеи эти еще сослужат свою службу в ближайшем будущем. Я это знаю точно, поскольку исследовал циклы общества.

* * *

Что-то заставляет меня отвечать на второй важнейший вопрос – а *какого рода* оно, Человечество? И вообще, может Человечество здесь и вовсе ни при чем? Может мы этим словом прикрываем наше незнание о чем-то совершенно другом?

И в этот момент в моей голове что-то щелкает. Не может быть!

Как раз может. В этом разреженном пространстве незнания, в этом смутном понимании чего-то там о Человечестве и его истории фигурирует крайне мало идей и моделей. А вдруг мы безвольно приняли за основу первую попавшуюся гипотезу, чей-то скоропалительный проект, утопию или имидж и тиражируем их за неимением других. Проверить эти идеи мы никак не можем – масштаб объекта не тот. Методологический инструментарий науки и даже философии тоже пока что явно не такого масштаба, чтобы оперировать историей как целым и “человечествами” – нашим среди многих космических суперпопулей. Хотя что-то нас к этому явно подвигает: телевизор вот уже лет двадцать сплошь о пришельцах и параллельных мирах толкует. А раз в коммуникации что-то варится и явно идет массированная подготовка “общественного сознания”, то следует ожидать, что нынешние киносказки скоро станут былью. Но реальность от этих сказок будет

отличаться так же, как реальность концлагерей от советских и нацистских киногероев в белых одеяниях.

Общество в его предельно широкой рамке – человечество. Это не машина и не организм, хотя через эти понятия мы пока только и можем построить первичное представление об обществе.

А что это? Для ответа на этот вопрос у нас отсутствуют методы. Посмотрим хотя бы, что есть в наличии.

* * *

Подведем итоги. В картинах мира мы обнаружили не слишком большое разнообразие. Если переводить это на технический уровень, у нас не так много инструментов для работы.

1.3. ПАРАДИГМА – МЕТАПАРАДИГМА – МЕНТАЛЬНАЯ КАРТИНА

Прием полиэкрана позволяет осознать рядоположенность разного. Если мы его применяем, то для нас важно только одно: из какой онтологической “картинки” мы исходим и в каком подходе мы ведем свои рассуждения? Какую “рамку” держим, подразумевая полиэкранное целое?

Мы держим рамку ментальную. И у нас в работе задана базовая схема, позволяющая эту рамку определить и затем удерживать.

Если использовать принцип полиэкрана, во-первых, их нужно иметь отчетливое представление о наборе онтологий. И во-вторых, их надо отличить от научных “парадигм”. С этого и начнем.

Парадигма и метапарадигма

Представим два предельно больших исторических цикла, на протяжении которых существует наука. Это – Новое время и XX век. Обозначим их как:

- цикл классической науки, опиравшейся на *естественную* ментальность Нового времени (XVII – XIX вв.),

- и цикл неклассической науки XX века, опирающейся на иную ментальность – системную и деятельностную.

Рис. 1. Два цикла науки и их содержание.

Осмысляя процессы в классической науке (из рамки “социологии науки” и науковедения), Томас Кун в середине XX века установил, что те или иные взгляды в науке всегда включены в ту или иную научную “парадигму”. Сегодня “парадигма” трактуется в широком диапазоне и означает ключевой набор идей и представлений, устойчивую совокупность взглядов и научного инструментария, определяющих развитие науки на протяжении определенного цикла. Здесь главные слова – “набор идей” и “цикл”: *набор идей в науке, проживающий свой цикл.*

Отнесение к тем или иным “парадигмам” в науке выступает наиболее общим способом упорядочения многих составляющих самой науки. Парадигмы являются общенаучным проявлением *монизма*, т.е. несут на себе системную *функцию удержания целого*. И в этом отношении они совпадают с функциональным определением системы как целого. Парадигмы в широком смысле можно трактовать как проявление системо-кинетической методологии. Поскольку парадигма есть целое (статика – целое) и парадигма есть цикл жизни этого целого. Куновская “парадигма” покрывает науку, иногда даже группу наук; по смыслу это цикл жизни определенного ядра идей в науке.

В этом смысле парадигма по инварианту совпадает с циклами инноваций, которые рассматривали Н.Д. Кондратьев, Й. Шумпетер и другие. По сути, это и есть “инновационный цикл” в науке.

Неклассическая метанаука XX века и выход науки за свои пределы

В середине XX века в науке произошли существенные изменения. Во-первых, классическая “наука умерла” – по признанию самих ученых. Как, кстати, и многое другое из разряда “классического”: одновременно и даже раньше была констатирована “смерть искусства”, когда его поглотила форма средств массовой коммуникации. Это просто означает, что сменилось общество и, соответственно, все в нем.

Во-вторых, в методах исследования произошла сдвигка вверх по уровню общности. Многие, из того, что было достигнуто в предметных науках, было впервые выведено на уровень общенаучный и стало применяться повсеместно. И, что очень важно, не только в науке, но и в аналитике – особой деятельности, обслуживающей в кооперации управление и проектирование. Здесь следует указать, что универсализация инструментария и выход за пределы происходит и в искусстве (так родились модернизм, дизайн, брендинг и т.д.), и во всех прочих видах деятельности, хотя это может быть менее заметно.

Закон, открытый нами, гласит, что в XX веке происходит повсеместное перекрестное опыление и синтез инструментария всех видов деятельности. На этой волне появляется даже особый тип рефлексии, способов конструирования и повышения эффективности деятельности, который имел немало разновидностей – от прагматизма и НОТ до СМД-методологии. В этом направлении появился особый предмет – деятельность, и в нем был осознан особый тип знания: знание о деятельности. Если назвать это “деятельностной платформой”, то мы сузим само это явление до науки и познания, а оно значительно шире. Поэтому констатируем, что это *новая онтология – деятельностьная*. И мы поговорим о ней особо, она того заслуживает.

Вынесение из разных наук на общенаучный уровень инструментария осуществлялось именно в рамках этой деятельностной онтологии, постепенно сменяющей натуральную. Это неизбежно порождало попытки выйти на инварианты уже в этой особой сфере – в сфере инструментов (в том

числе познания и аналитики). На этой волне возникли популярные в XX веке “платформы” и “движения”. Например, “системное движение”, “генетическая платформа” и т.д. Их синтезом стала системогенетика, относящая себя к *“интегративным научным комплексам”*. У платформ, движений и комплексов сохраняется парадигмальная функция, но уже по отношению ко всем наукам. Различие с обычной научной “парадигмой” здесь в уровне.

Куновская “парадигма” покрывает науку (или даже группу наук), а “движение”, “платформа”, “интегративный научный комплекс” – *термины общенаучные* и нередко выходящие за пределы науки. Эти термины и стоящие за ними образования – “подход”, “платформа”, “комплекс” и т.д., мы называем для ясности **метапарадигмами**.

Куновская парадигма относится в основном к классической “предметной” науке Нового времени. А метапарадигмальность – к надпредметным интегративным образованиям в науке XX века, что иногда и называют “неклассической наукой”. Вариант их соотношения иерархический: они различаются уровнями. Следующий из этого вывод состоит в том, что наука XX века перешла в своей инструментарии на более высокий уровень общности, чем классическая натуральная предметная наука. И вышла за свои пределы. В связи с чем и умерла как особое общественное явление. Такой вот парадокс, но касается он не только науки: искусство тоже умирает в своей первоначальной роли, превращая нашу жизнь в более красочную и гармоничную, и т.д.

* * *

Философия удерживала онтологическое целое натурального менталитета, а по отношению к наукам выполняла особую мета-роль: она формировала объекты и предметы науки.

Неклассическая метанаука возникает внутри другого менталитета и эту связку уничтожает: она сама начала выполнять те функции, которые для классической науки выполняла философия. Отсюда все эти подходы, платформы и комплексы, которые обслуживают эту метанауку.

На самом же деле мы имеем нечто совсем иное и внутри, в методах исследовательской работы в рамках этой неклассической науки. Основным способом работы здесь теперь является *конфигурирование*. Мы поговорим о нем подробнее, хотя сразу можно сказать главное: это проектная сборка многого. А собирают нечто всегда “под цель”.

Если посмотреть на это инструментально, то системогенетический подход и методология Гегеля инструментально изоморфны. Я постарался показать это в своей докторской диссертации и ряде работ. Более того, метанаука XX века строит свои онтологии целенаправленно, т.е. проектно, хорошо осознавая, что "единство всей науки заключается лишь в ее методе, а не в ее материале" (К. Пирсон). Это новое явление – метапарадигмы – получает свое *особое место в познании: между философией и наукой*. И очень часто конкретные разновидности “философии” XX века ничем не отличаются от метапарадигм. Особенно, если они строят свою онтологию.

Констатируем: в науке XX века сместилась вверх “системная рамка”. ***На системном уровне находятся теперь метапарадигмы.*** Следовательно, уровень в иерархии повысился и в эволюционирующем познании начали функционировать более длинные (чем парадигмальные) метапарадигмальные циклы.

Менталитет и парадигма. Ментальные и парадигмальные циклы

Парадигма есть набор идей, проживающих свой цикл в науке.

Признание парадигмы циклом позволяет выстраивать аналогии в отношении “ментального цикла”. При этом мы помним, что *парадигма* отнесена исключительно к науке и выражена инструментально, а **менталитет пронизывает все общество**. Понятие “менталитет” – метанаучного уровня, а “парадигма” – строго науковедческий термин.

Тем самым мы не признаем в качестве конечной никакие “предметные” трактовки менталитета ни в одной из наук, включая обществоведение, культурологию, психологию и даже философию. Для нас это понятие

метауровня, которое, во-первых, имеет полиэкранную отраженность (и это следует из базовой схемы), а во-вторых, – это понятие, “снимающее” в себе множество частных точек зрения.

Ментальные циклы проявлены в жизни общества. Парадигмальные циклы обнаруживают себя только в рамках науки. Но наука, как известно, включена в общество, является его элементом. Это и дает нам основание для сближения и соотнесения ментальных и парадигмальных циклов. Первый вариант соотнесения прост: они различаются уровнями. С учетом сказанного выше обобщим и уточним контекст:

- ментальные циклы принадлежат надсистеме;
- метапарадигмальные циклы принадлежат системе (общество = деятельность);
- парадигмальные циклы принадлежат подсистеме науки.

Это дает возможность сгруппировать три уровня циклики. Мы можем рассмотреть циклы культуры как целого – и циклы науки как части культуры. Таким образом, удерживается ментально-парадигмальное целое, в котором есть *единая модель мира и устойчивый набор содержащихся в них взглядов*.

Сначала представим, как вообще выглядит набор ментальных формационных циклов. Речь пойдет о содержании ментальных формаций. Каждая из формаций проживает свой цикл и имеет собственное *ядро мировоззрения*.

Ментальная картина мира, как мы неоднократно писали, отличается от рациональной рефлексии по ее поводу. Это различие ментосферы и ноосферы. Поэтому **классическая философия действительно рефлектирует только одну картину мира: свою собственную, натуральную картину мира Нового времени**. Все прочее – это ее реконструкции истории, которые являются незаконными экстраполяциями. Они не позволяют открыть ни теологическую, ни мифологическую, ни анима-картину мира первобытности. И попытки отнести возникновение философии (в ее “работающем” виде) к античности – это тоже незаконная экстраполяция, хотя и понятная

политически: “всем хочется удлинить свою историю”, и это основной прием евроцентризма, если верить Фоменко.

Кроме того, философия методологически бессильна и по отношению к проектной (искусственной) картине мира XX века, хотя вроде бы сама эта картина возникала благодаря философии прагматизма, эмпириомонизма и т.д. Но “неклассическая философия”, или “философия XX века”, – это явление иное по своему назначению, чем философия классическая, обслуживающая натуральный менталитет. В Новом времени философия доминировала и принадлежала к действующим институтам общества, в XX веке она приобрела тот же элитарно-декоративный статус (феномен арт-деко), что и классическая музыка: это поле утонченного развлечения для рафинированных интеллектуалов. Воздействие этой философии на практику, как это было возможно во времена Гегеля и Маркса, сегодня примерно равно нулю. Еще Г. Гессе выразил эту ситуацию в “Игре в бисер” и его метафора пришлось очень по нутру интеллектуалам XX века.

Хотя на самом деле все обстоит не совсем так. Если мы переместимся на высший уровень интеллектуальных работ, то обнаружим там настоящие и никому не видимые бои и даже войны на выживание. Суть дела сегодня в том, что вся система общества, включая экономику, проектная. И держится она на особом потоке инноваций, скорость которого зависит от интеллектуального потенциала страны или группы объединившихся для этого стран. Западные учебники и их перепевки по инновационному менеджменту пытаются внушить нам, что это имеет отношение к науке и НТР, НИОКРу и ОКРу. На самом деле поток современных инноваций к этой сфере уже не имеет особого отношения, только косвенное. Генерирование и употребление потоков идей во всех сферах деятельности – вот где идет настоящая война.

1.4. ИНСТРУМЕНТАРИЙ КЛАССИЧЕСКОЙ НАУКИ

Внутри каждого из циклов находим ряд парадигм, исторический набор особых подходов и их особых методов, а значит, и инструментов.

Считается, что предметная наука Нового времени сформировала **четыре подхода**, соответствовавшие четырем предметам: 1) механический; 2) органический; 3) психологический (якобы, антропологический); 4) социологический. Два последних возникают на границе Нового времени и XX века и строго говоря, не порождают собственных онтологий. Но “подход” это одно, а онтология – другое.

Именно в такой последовательности названные парадигмы расположены в истории науки. Классифицируя науки, сходным образом их трактовал О. Конт.

В классической науке Универсум как целое рассматривается с точки зрения четырех онтологий. Этому вроде бы соответствуют четыре раздела натуральной философии (а далее, в XX веке, на этом основании вводятся четыре типа систем):

- а) неживое, или абиотический мир, – философия физики и химии;
- б) живое, или биотический мир, – философия живого мира (биологии);
- в) человек – философская антропология;
- г) социальное, мир общества, – социальная философия.

Типы а и б образуют “натуральную философию”. Одной ногой в ней стоит и человек – как живое, как биоид.

Можно отобразить это понимание в общем виде. Получится “матрица”, или “типологическая четверка”, предельно большие таксономические типы.

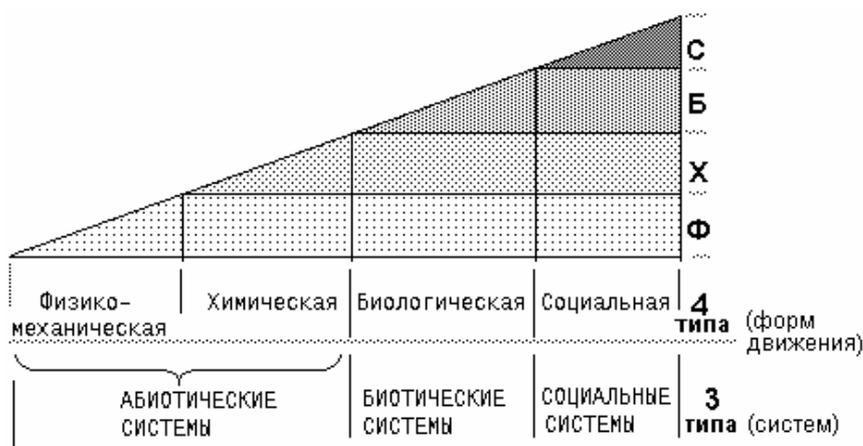

Рис. 2. Ступенчатая диаграмма систем и форм движения.

Предмет есть идеально отраженный объект, на который направляется наша деятельность. Таких предметов у нас в наиболее крупных типах четыре, и это – уровни строения универсума со своими масштабами: неживое (космос); живое (растения и животные); человек; общество (человеческий и технический социумы, культура и цивилизация).

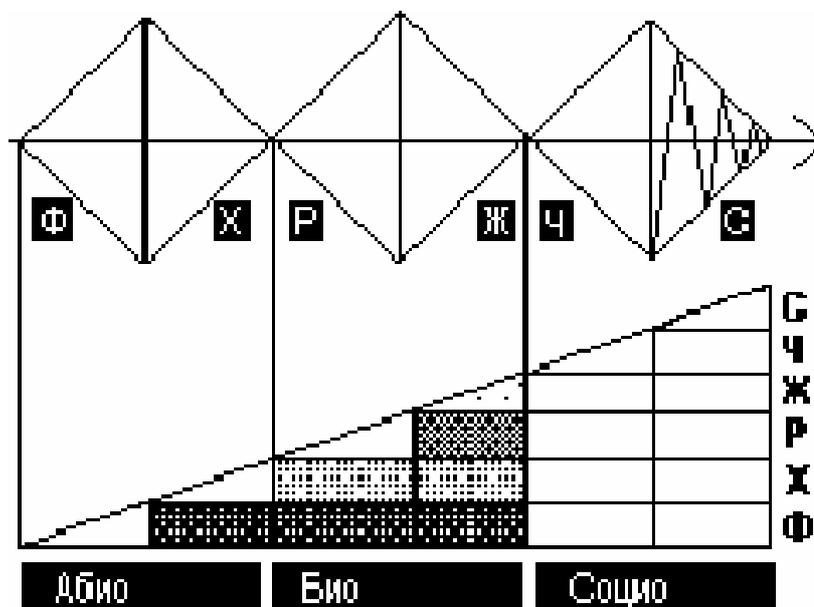

Рис. 3. Основные предметы в типах.

Иногда обозначают пятый – искусственно-технический – подход. Мотивируя тем, что техника существует как особый объект. Но техника – часть общества. По нашему мнению, по исходным установкам ИТ-подход принадлежит не к наукам, а к метапарадигмам XX века.

“Технический подход” действительно есть и это главный инструмент в руках технократов. Но поскольку весь основной мир техники и такая группа наук, как “технические науки”, технознание и техногенетика, расцвели уже после жизни Конта, этот предмет некому было ввести в перечень наук по типам. А те, кто его ввел, поступили незаконно, хотя бы потому, что не решили проблему соотношения трех понятий: общества, техники и людей.

“Психологический” подход в этом ряду узковат – если говорить об объекте, а заявлен человек, то речь должна идти о *человековедении*. Тогда под номером “3” мы имеем предельно широко понимаемый *антрополо-*

гический подход. По поводу особого антропологического метода, а тем более антропной онтологии, однозначности в науке нет. Да и соответствует ли психологический (антропологический) подход миру человека, это большой вопрос, поскольку человек прежде всего социален.

А “социологический” подход, напротив, слишком широк для отдельного человека. Если он и соответствует миру общества, то не очень ясно – в каком ракурсе: разве что в ракурсе культурном и ракурсе “человеческого социума”. А куда девать ноосферно-технический подход, соответствующий миру “технического социума”? Мегамашина из людей, цивилизация – это тоже общество. В этом, как нам представляется, и состоит кризис нашего обществоведения: нежелание признать рациональную машинность равноправным способом организованности общества, наряду с культурой.

Остается среди классики только механический подход, соответствующий абиотическому миру, и органический – соответствующий биотическому миру.

Получается, что все это разные и разноуровневые подходы, в них применяются разные методы. И не все имеют свои “идеальные объекты”, хотя в философии все эти объекты не раз пытались сконструировать. Мы даже можем пока предположить как условность, что у всех этих наук есть свои объекты. И вот для чего.

В инструментальном плане взаимоотношения между методом и объектом выглядят значительно сложнее, чем однозначное соответствие: практически любой перечисленный метод так или иначе применялся ко всем условным объектам. Отмеченное обстоятельство дает возможность построить матрицу “метод – объект” науки.

Табл. 1. Соотношение методов и объектов в науке.

МЕТОДЫ		ОБЪЕКТЫ				
		Механический	Органический	Психологический	Социологический	Искусственно-технический
Природа	абиотическая					
	биотическая					
Человек	(психика)					
Общество	человеческий социум					
	технический социум					

Основные исследовательские подходы следуют из приведенного набора. Можно вывести их типологию и обозначить.

1. Объект в естественной парадигме (как принадлежность нового уровня природы):

а) механическая аналогия (Объект как механизм);

б) органическая аналогия (Объект как организм).

2. Объект в (отсутствующей) антропной парадигме.

Психологический ракурс исследования Объекта (Объект как проявленность психического мира).

3. Объект в обществоведческом подходе:

а) в социологическом подходе;

б) в техническом подходе.

Несколько слов следует сказать о техническом подходе, спроецированном на социальные объекты.

Взгляд на общество как на машину был высказан в свое время А.А. Богдановым, но говоря шире – он витал в воздухе его эпохи. Цивилизация тоже в определенном смысле может трактоваться как “мегамашина” из людей, по Л. Мамфорду. Однако вряд ли мы примем ее лишь за “техническую систему”, хотя по всем признакам это уже был нормальный

искусственно-технический взгляд на общество. Но “техническая мера социума не покрывает социальную его меру” (А.М. Пищик).

Я различаю две программы, управляющие обществом – Ноосферно-Техническую (машинную) и Ментосферно-Человеческую (культурную). У них один объект: это общество. Следовательно, общество имеет два конкурента управления. Вопрос об их равноправии и исторической динамике – основной.

Исходя из такого понимания, “психику” общества можно представить как двух-полушарную, выделяя ПП и ЛП процессы и признаки. Хотя здесь вообще-то надо определиться, о чем идет речь? Психика кого? Ведь в ней участвует и ноосфера, и ментосфера. Причем, как мы выясним, ноо-сторона поглощает, становится сильнее ментосферной. И тогда суть вопроса: а имеет ли отношение ноосфера к “психическому”. Очень похоже, что не имеет, поскольку она по проявлениям машинная. И сегодня она *машинно имитирует* все ранее бывшее в ментосфере. Отсюда “симулякры”, и даже название нашей эпохи: цивилизация симулякров.

В современном знании встречается противопоставление двух программ наследования: социально-антропной и научно-технической, что очень приблизительно описывает ситуацию: дело не в науке или технике. Вспоминается из 60-х: “Что-то физики в почете, что-то лирики в загоне”, и вывод: “дело в мировом законе”. Их конфликт выражается сегодня в феноменах капиталократии (технократии), технотронного фашизма и т.п.

1.5. ИНТЕГРАТИВНЫЕ ПОДХОДЫ XX ВЕКА ОТ КЛАССИЧЕСКОЙ НАУКИ – К ИДЕЯМ СИСТЕМНОСТИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Всякая наука имеет свой предмет. Причем, задается он уровнем выше, например, в философии.

Наука основана на аналитическом расчленении, и уже потом – на попытках конфигурирования некоего целого в данный момент истории.

Таксономические шаги аналитики и “систематизация” в этом смысле находятся на разных плоскостях.

Системность не есть восстановление целого из разобранного, она с целого начинается. В противовес анализу в ней хочется увидеть синтез. Но целое и синтез – все-таки разные ракурсы. Целое живет как знание о целом, минуя анализ и синтез. А “восстановление синтетического целого” – это особая и вторичная операция.

Принятый в 60-х аргумент: в больших системах невозможно провести полную аналитику (при миллиардах и более компонентов). Поэтому, якобы, и возникает особое знание о системе. И оно не об объекте, а о наших целях и способах их достижения по отношению к системе. А *цели* и *способы* – это уже точка зрения деятельностная. Так что к 60-м годам мы имеем системно-деятельностную онтологию.

Поэтому здесь уже всюду фигурирует *идея управляемости*, высказанная еще А.А. Богдановым, но наибольшую актуальность для технократов она приобрела в облики кибернетики Н. Винера. Отметим, заодно, что кибернетика сегодня исчезла со сцены актуальной науки, а популярность “Тектологии” Богданова только растет.

Практический запрос, который формулируют эмпириомонизм и прагматизм: “А что я с этим знанием могу делать, как употребить в деятельности?” И тогда я должен само знание сформировать “технически” – под употребление в практике.

Как я теперь понимаю, никаких “объектов” науки нет. Есть наши знания об объектах, и только их совокупность и удерживает это место под названием “объект”. Отсюда – идеальные объекты. Это то, чем занимается наука.

Накладывая их на практику, мы совершаем уже второе действие.

Знание об объекте – по сути, о прошлом, которое уже есть, – суть Е-науки (предметной). Делать с ним я ничего не могу, но это – память

общества. Поэтому могу только “учитывать” некие достоверные параметры, ограничения и т.д. в деятельности. Но ограничения по поводу чего? По поводу компонентов деятельности.

А как построить саму деятельность? И тут на первое место выходит инженерия, на которую молились в начале XX века все. Противопоставление доходит до тупости. Например, Т. Эдисон был то ли необразованный человек, то ли принципиально отбрасывающий это накопленное знание, не использовавший эту коллективную память. Он тупо перебирал все варианты материалов, например, для нити лампы накаливания или угольного микрофона. Хотя накопленное знание в науке точно говорило, что 99 % этих действий можно было и не делать. Но он верил только практике, только непосредственному эксперименту. Дело не в отбрасывании знаний – без них никто не может обойтись, дело в позиции: а вдруг практика откроет то, чего не может учесть никакая теория. Опыт, вот новое божество инженерии и изобретательства.

Нужно понять только, опыт чего. Опыт деятельности. Вот ключевое словосочетание.

Познание мира, фиксируемое предметно и в форме идеальных моделей, позволяло что-то такое получать на практике, что привело к появлению индустриальной цивилизации. Раньше я считал, что это «проснулась» техника, и начала эволюционировать. Теперь я думаю, что это обеспечивало ментально-онтологическую картину в коллективном сознании западного общества.

Это была “ментальная парадигма” Нового времени: мир как Природа. Категория Природы не существовало до начала Нового времени, она была выброшена яркими авторами конца XVI - начала XVII веков и раскручена искусственно. Остальное было описано философами, как развертка этой исходной картинки “Мир как Природа”.

И я так думаю, идея ноосферы была завершением всего этого здания. Точкой. Поскольку идея ноосферы – натуральная. Возникшее в недрах

идеологии Просвещения сочетание Прогресса и идеи Разума требовало собственной субстанции. И когда В.И. Вернадский так впечатляюще описал субстанцию Биосферы, ему бросились помогать, чтобы докрутить ее до Ноосферы. При всей своей плодовитости, Вернадский не написал книги под названием “Ноосфера”, он посвятил этому не более чем пару статей – похоже на вежливость по отношению к очень активным западным коллегам, которые очень хотели застолбить новый участок.

Мы, кстати, доказываем совершенно обратное утверждениям Леруа и Пьера Тейяра де Шардена: ноосфера не возникает из биосферы, а существует в истории параллельно с ней как ее прямая противоположность – вторая сила. И субстанцией для ноосферы является технический социум (Техносфера), возникающий из неживого и – пока частично – живого вещества. Способ организации общества при посредстве ноосферы – это мегамашина, описанная Л. Мэмфордом. Таков симбиоз НОО-ТЕХНО.

А из Биосферы культурой был порожден человеческий социум. Биосфера, явно обладающая сознанием, образует связку с Ментосферой, и этот особый симбиоз БИО-МЕНТО мы и рассмотрели в наших книгах.

Что касается идеи деятельности, она изначально построена на рациональной рефлексии. И является очередным выражением рационализма.

* * *

Если мы обратимся к интегративным подходам XX века, то это **системный, кинетический (генетический) и деятельностный** подходы, которые относят к “неклассической науке”, а точнее платформам XX века. Они имеют множество разновидностей, а также синтезы в виде системогенетического и системодеятельностного подхода. Варианты этих подходов существенно различаются, причем самым любопытным образом.

О **системном подходе** мы достаточно наговорили в наших книгах (они есть на моем сайте и блоге). Скажем только, что с нашей сегодняшней точки зрения он имеет два проявления: системный подход, синтезирующий натуральный менталитет (системность и кинетика, статика и динамика) и

системо-деятельностный подход, где впереди поставлена деятельность – он позволяет различать актуальное и потенциальное и описание системности в нем процессуальное.

Натуральную парадигматику в XX веке покрывает платформа системогенетики, хотя сегодня я бы назвал ее системо-кинетикой. Она включает не только системный, но и **генетический подход**, о котором мы поговорим в особом ракурсе.

Циклическая картина мира и циклогенетика

В неоднозначных отношениях к системному и системогенетическому подходам находится *теория циклов*. По ряду позиций его употребления в западной традиции это скорее язык, чем особая онтология, гласящая, что мир может быть увиден через призму циклов. Данная онтология восходит к категории Дао. И хотя это слово стало как бы маркером древнекитайской философии, сегодня категория Дао принадлежит к общечеловеческому набору категорий, о чем пишет В. Казначеев. В новоевропейской философии этому немало способствовали “философия жизни” и экзистенциализм. В нашем случае Дао – это *путь, понимаемый как цикл*.

Данная категория хорошо состыковывается с системной онтологией. Возникает путь, понимаемый как *“цикл жизни системы”*. И поскольку после успешной статической разборки мира в Новом времени должен был последовать разбор его динамики, то циклическая системная картина мира эту потребность удовлетворила.

Мы не собираемся ее здесь разбирать еще раз, поскольку практически все наши книги этому посвящены с разных сторон. Отметим только, что в рамках очень широкой системно-циклической картины есть особая зона, где процессам придается *генетическая характеристика* (о различиях мы говорили в публикациях на АТ). Здесь возникает **циклогенетика**, в данном варианте – системно-цикло-генетика.

Именно о ней идет речь в системогенетике, хотя иногда их соединяют в таком выражении как “системогенетика и теория циклов”, что несколько тавтологично: а если не теория циклов, то какой еще язык описывает генетику? Ведь даже модель ДНК – циклическая. Подробнее – ниже.

Системогенетический подход и системокинетика

О системогенетической линии следует говорить хотя бы потому, что она во многом наследует классическую науку и является ее пролонгацией в XX веке: это – время доминирования искусственных объектов, в котором *объяснение* мира, в его детерминизме, утратило свою актуальность и стали значимыми пределы доступной свободы и *проектирование* искусственных систем. Системогенетический подход крайне важен, поскольку в нем “снимается” предшествующий этап развития науки: механицизм (в системности) и органицизм (в генетизме). Кстати, именно достижения генетики затмевают тот факт, что генетическое развертывание есть только одна сторона импульса, а говорить следует о кинетике. Например, о генезисе живого на Земле и истории общества, и это разные типы кинетики. Отсюда ряд характерных ошибок, когда понятие “генезис” применяют к обществу.

Мы рассматриваем свой ракурс тех же проблем. Системная **кинетика** (от *греч.* kinetikos – двигательный, приводящий в движение) – это учение, объединяющее в себе статику системы и ее динамику. В отличие от **генетики**, (от *греч.* genesis – происхождение), которая трактует проблемы наследственности и изменчивости систем, возможности управления .

Идеи классической науки **в области исследования процессов** привели к появлению многих разновидностей теории эволюции и попыткам построить единую эволюционную теорию (Синтетическую Теорию Эволюции, СТЭ). В XX веке эволюционизм как надсистемно ориентированный подход дополнился всеобщим генетическим подходом: возникла эволюционная генетика.

Об их различии следует поговорить отдельно.

Системная генетика трактуется предельно широко, поскольку уже по определению распространяема на любой тип систем. Это действительно так, но с учетом крайней условности самого выдвижения типов систем о котором мы говорили.

Например, с позиции *социогенетики* мы только и можем обсуждать *механизм реализации программы социального наследования*, воспроизводство общества, его социальной сущности. Но “материалом” социального программирования служит человек, реализующий к тому же программу эволюционирования техносферы, а это уже другая онтология. В социогенетике общественная генетика осмыслена в сопоставлении с другими типами генетик: *абиогенетикой*, *биогенетикой*, *техногенетикой* и *антропогенетикой*. Но *техногенетика* и *социогенетика* (если она трактует жизнь человеческого социума) при этом должны быть накрыты “генетикой общества” – по П. Сорокину. Мы же этого пока не наблюдаем – их разводят, но обратно не сводят.

Следует отметить, что одна из самых грандиозных попыток построения такой генетической картины изнутри обществоведения – интегративная социология Питирима Сорокина – осталась монументом, о котором все с уважением упоминают, но никто никогда не пользовался инструментально. И транслируются из этого неподъемного труда (1000 стр. с лишним) два-три очень простых положения, особенно в потоке малограмотных рефератов, заполонивших интернет. Если их свести к одной из наших парных схем, то это пара по отношению к циклу, приводящая к характеристикам трехфазовости.

С позиции *техногенетики* можно видеть, как обеспечивается наследование не только в человеческом социуме, но и в техническом, инновационная суть которой всегда связывается с рациональным познанием. Но изнутри *техногенетики* невозможно объяснить поток инноваций, его можно только констатировать в естественном преломлении, что и делается. А это тупик, поскольку программа лежит снаружи.

Мы достаточно много раз рассматривали научно-техническую ветку в развитии общества. Здесь точнее было бы говорить о связке мышления и деятельности, ноосферы и техносферы, иначе эта ветка будет выглядеть исторически неравномерной. Техногенез в связи с наукой активизировался локально, причем только в один известный нам период: в западноевропейском обществе Нового времени (хотя потоки открытий и изобретений в античности и в средних веках тоже имели место). Материалом в этом типе генезиса является вещество природы, которое превращается в технические системы (начиная от палки и заканчивая космическими кораблями). Именно технические системы и машины являются несущими основаниями общества. На начальных этапах истории в качестве таких же технических систем выступал сам человек. Ну и так далее, о чем мы еще поговорим.

Системогенетический подход позволяет избирать в качестве системы что угодно. При этом сохраняется весь его исследовательский арсенал, а он становится прикладным и разновидностей его может быть сколь угодно много. Перечисленные выше типы всего лишь привязаны к выделенным условным “объектам” науки, в результате чего рождаются абиогенетика, биогенетика, антропогенетика, социогенетика, техногенетика. А сам по себе этот подход – настоящий инструментальный подход.

ПРИНЦИП ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Наряду с системностью и генетикой в XX веке сформировалась деятельностьная платформа. Хотя есть сомнения, стоит ли ее так называть, поскольку в ее рамках зародилась новая онтология. Она претендует на наибольшую объяснительную мощь, поэтому к ней и обращались весь XX век многие, в том числе и ученые-предметники. Перечислим наиболее известные синтезы:

– психолого-деятельностная, с явной социальной доминантой – А.Н. Леонтьев, с личностной – С.Л. Рубинштейн;

- техно-деятельностная и социально-деятельностная – А.А. Богданов, А.К. Гастев,
- деятельностная, с личностной доминантой – прагматизм Д. Дьюи и др.
- деятельностная, с машинно-технической доминантой – Г.П. Щедровицкий, О.И. Генисаретский.

В середине века стало понятно, что это надпредметная онтология. И тогда деятельность стали называть принципом. Ее пытались в этом чистом виде осмыслить прежде всего аксиологически ориентированные философы (М.С. Каган, Л.А. Зеленев и др.). Особый случай – системомыследеятельностная методология Г.П. Щедровицкого, которая требует отдельного разбора. Но по типу это “инструментальная” точка зрения, отвечающая на вопрос “как?”. За ней стоит искусственно-техническая картина мира, опирающаяся на рафинированный рационализм.

Как можно понять из нашей базовой схемы, деятельность стягивает на себя все “объекты”, оказавшиеся бесхозными в рамках классической натуральной науки. Так, социальное и техническое входят в состав общественного, а деятельность связывает общество и личность. Поэтому мы говорим о динамическом сочетании их всех в деятельности, что иногда трактуют как стягивание двух парадигм в одну.

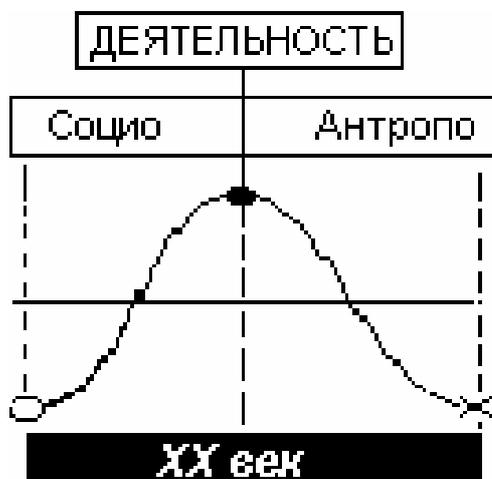

Рис. 4. Неклассические парадигмы, относящиеся к принципу деятельности.

Отметим, что принцип деятельности не только не исключает системного подхода, но напротив, образует с ним системно-деятельностные синтезы. Например, это философский и общенаучный синтез, предпринятый в системно-деятельностном подходе Л.А. Зеленова, в значительной степени продолжившего линию М.С. Кагана.

Что касается *соотношения принципа деятельности и кинетического (генетического) подхода*, здесь возможности только намечены. Пока кинетика в рамках деятельностных синтезов представлена небогата, значительно беднее, чем позволяет уже существующий циклический аппарат.

Из полного набора сочетаний системного, кинетического и деятельностного рождается представление о “неклассичности” познания XX века:

Табл. 2. Неклассичность XX века и ее разновидности.

НЕКЛАССИЧЕСКАЯ НАУКА XX ВЕКА

Основные подходы	Мир как			
	естественное		искусственное	
ПАРАДИГМЫ	Системная	Генетическая	Деятельностная	
Разновидности			Общество	Личность
			Социо	Техно

Важно отметить, что даже попарные сочетания трех подходов – платформ имеют по два варианта. Фиксируя связи, важно четко понимать, какой ракурс преобладает в связке, – от этого нередко зависит исследовательский аппарат. Поэтому системо-деятельностный и деятельностно-системный – разные подходы.

Развертывание основных разновидностей неклассических подходов XX века дополняется многочисленными смешанными подходами (не всегда правомерными), что порождает очень пеструю общую картину, где могут быть намечены все наиболее известные *аспектные взгляды*.

Стоит отметить, что в ядре всех этих платформ, в начале XX века стоят работы, в которых все они синкретически не разведены. Например, “Тектология” А.А. Богданова и по сей день шире всего набора этих

платформ, хотя многие ее положения сегодня “уточнены” или “выглядят почти наивно”, но со временем именно они оказываются шире всех трактовок.

В ряду претендентов на платформы в XX веке побывали и кибернетика (которая как-то “рассосалась” после сильного шума по ее поводу), и синергетика. Считать синергетику общенаучной платформой не позволяет только одно: будучи оригинальным мировоззрением (близким к натуральному), она не имеет достаточно развитых инструментов, которые можно было бы заимствовать. О синергетике охотно упоминают, и даже получают с ее помощью Нобелевские премии, но этот ее недостаток не устраним.

Ряд понятий из синергетики мы применили в нашей циклогнетике.

Принцип деятельности и проектность

Наука, субстрат которой – знание, а цель – познание, принадлежит человечеству. Она открывает *закономерности, законы*, устойчивые *детерминанты* и дает на этой основе *прогнозы*. Важнейшая черта науки – ее аналитический характер. Важнейшие выходы ее: модели и прогнозы.

Условное деление наук по объектам, к которому мы обращались, является наиболее крупным с позиций философии. У науки в широком смысле два предельно больших объекта – естественный мир и общество (как деятельность), и один “пограничный” объект: человек, который то претендует на самость, то растворяется в обществе, то биологизируется.

До недавнего времени любое дифференцирование наук и синтез их ветвей (если не считать выделение ряда междисциплинарных) происходило в этих, объектных, рамках. Это было возможным постольку, поскольку философия вплоть до середины XX века обеспечивала наднаучный уровень удержания целого. Но появление и внутренний синтез метанаучных платформ изменили эту ситуацию. Будучи наднаучными, эти платформы вовсе не были предназначены для нового конструирования идеальных объектов. Они прекрасно справлялись с задачами методологического

синтеза, возделенного *переноса методов*, но тем самым замыкали науку в рамках все тех же группировок объектов или их комбинаторики. И поле скоро было вычерпано. В середине XX века о кризисе науки не говорил разве что ленивый.

Наука способствовала быстрому развитию техники – научно-техническая революция (НТР) была успешной до тех пор, пока конструирование технических устройств выглядело как экспериментальное приложение знаний, т.е. в рамках классического менталитета Нового времени, сопутствующей ему просветительской пассионарности, с применением экспериментального метода. Суть состояла в целевом оперировании Природой: она *изучалась* и на этой основе *использовалась* в целях людей. В ценностном плане это обозначается у нас как **связка Истины и Пользы**. Процесс связывания Истины и Пользы в истории шел и раньше, но до запуска научно-технической революции (НТР) он не имел столь взрывного характера, потому что познание и польза существовали во многом раздельно. Изменения, происшедшие прежде всего в европейском менталитете в самом начале Нового времени, связали рациональное познание и производство, что привело к построению индустриальной цивилизации и последующим “волнам” НТР. На самом деле здесь заработали уже другие механизмы, и мы о них немного говорили. Это прежде всего превращение инноваций в особое производство.

В XX веке ситуация изменилась в связи с тем, что чрезвычайно актуализировалось инженерное *конструирование* и появилось широко понимаемое *проектирование*. Эти направления деятельности **не аналитические, а синтетические**, они используют аналитические достижения науки, не являясь наукой, а нередко могут обходиться без науки. Если “конструирование” поначалу имело дело только с техникой, а затем осваивало и другие объекты, то “проектирование” изначально заявило о себе как тотальное, как принципиально *не привязанное ни к какому объекту и не связанное генетически ни с каким конкретным предметом*.

На место приоритетных возможностей науки (познание и эксперимент) пришли **возможности, содержащиеся внутри деятельности**. И, хоть сайентизм в качестве мировоззрения преобладал до середины XX века (пока не стал “религией”), проектно-деятельностный подход все больше демонстрирует собственный потенциал, не связанный напрямую с наукой. Данный момент истории важен потому, что он имеет решающее значение для понимания сути настоящего времени.

Разбор “проектного подхода” (подхода к чему?) следует сделать отдельно. Пока же мы ограничимся только некоторыми важными моментами.

Напомним о трактовке “шага развития” в деятельностном подходе. Упраздняя значение настоящего, человек ставит **цель** в будущем и теперь это – его единственная реальность. Как к ней идти? Через **целесообразную** деятельность. Для меня здесь ключевая проблема только в одном: откуда к нам приходят цели? СМД-подход на этот вопрос отвечать отказывается: “цель она или есть, или ее нет”, и вся недолга. Что характерно, перед смертью Г.П. Щедровицкий начинает говорить как раз об этом недостатке СМД, чем вызывает бурю непонимания и негодования порожденных им же самим правоверных методологов. Они неморальные инструменталиты, а тут им о каких-то целях, морали и т.д.

Проектирование рассматривается как особая разновидность деятельности, позволяющая реализовать **цели** “Я”. Кроме про-ектирования есть и ряд других про-деятельностей.

Важно следующее: за понятием “Я” может стоять и отдельный человек, с его личными целями, и некий групповой субъект (здесь иерархия: от пары личностей – до государства и выше). Отсюда – принципиальный прагматизм проектирования, открыто продекларированный в философии Д. Дьюи. Поскольку *деятельность целесообразна*, активность человека в ней проявлена иначе, чем у всего живого, существовавшего до него: человек действует *сообразно цели*. А цели человека социализированы уже в силу его биосоциальности. И далее, в логике рационалистов, остается только

применить операции программирования (построить дерево целей), сделать проект организации деятельности и запустить машину из людей и технических устройств, контролируя исполнение плана.

Из сказанного выше ясно, что наука и проектирование различаются их разной ролью в деятельности, особенно – в отношении к будущему.

Наука есть знание об “объективных” детерминантах (кавычки тут – поскольку всякая объективность в деятельностной онтологии иллюзорна). **В пределе наука дает *прогноз развития*** и это – ее основная инструментальная ценность в процессе процессуальном, во взаимоотношениях со временем. Наука может создавать знание, употребляемое в деятельности инструментально. Но это тоже особая тема, многократно обыгранная.

Конструирование, лежащее в основании проектирования – синтетическая разновидность *будущетворения*. Это означает, например, что проектирование кое в чем уже конкурирует с менталитетом: прагматическая ориентация реализуется как технология и техника *деятельности*, результаты здесь – *проект и программа* деятельности. По мере того, как СМК охватывают все большие аудитории, искусственно созданные программы – разновидность “семиотических машин” – начинают конкурировать с естественными ментальными программами по силе своего воздействия на огромные массы людей.

Чтобы удерживать общество, в котором значительная часть членов работает проектно, понадобилась особая форма управленческой деятельности – менеджмент.

В проектно-прагматическом подходе детерминанты и прогнозы науки, если они достаточно точно установлены, могут выступать в качестве проектных (программных) ограничений или “граничных и прочих условий”. Достоверность научного знания достигается многократностью их проверки.

Однако в реальности на деятельность такое знание влияет лишь косвенно: человек может знать прогноз, но это еще не значит, что он будет

учитывать его в деятельности, – иначе человечество не подошло бы вплотную к экологической катастрофе.

Преобразование знания в мотив деятельности, увы, не носит автоматического характера – иначе половина правовых ограничений была бы просто не нужна человечеству.

Такое различие понадобилось потому, что **“проектный” и “деятельностный” подходы** (на самом деле он один) **вообще не имеют отношения к научным парадигмам**. Это уже инерция, идущая от амбиций науки, сходящей с исторической арены – по крайней мере, как ментальная картина мира наука устарела. И преподавать КСЕ в институтах – означает себя же и консервировать в прошлом.

Заблуждение базируется на том, что в менталитете XX века проектно-деятельностная точка зрения выполняла ту же функцию, какую в прошлом выполняли научная картина мира и научные парадигмы: это была определенная устойчивая **точка зрения на мир**, имеющая в своем распоряжении собственный *набор идеальных инструментов*. Новая точка зрения тоже опирается на знание, только знание это уже не объектное: это – **знание о деятельности**. В освещении Д. Дьюи и его продолжателей оно инструментальное – позволяет человеку реализовывать его цели с помощью проектирования и прочих типов специально организованной деятельности.

Деятельность человека орудийна и может быть ценностно рассмотрена в пространстве между Истиной и Пользой.

Если следовать психологии, в человеке деятельность имеет основания в виде его потенциальных *способностей*, что можно представить в развертке его *знаний и умений*. Эта **линия технологизации орудийной деятельности, повышающая ее эффективность**, существует и развивается вполне самостоятельно. Связка знания и пользы базируется на техническом абиотическом субстрате, и она обратным образом делает человека своим орудием, превращая его в придаток техники и технологии.

Собственно, так было всегда в истории, но не с той степенью интенсивности, которая была достигнута в XX веке. На фоне современных скоростей даже “научная система выжимания пота” Тейлора и иже с ним выглядит невинной забавой неторопливого и архаичного общества.

Проектирование связано с потенциалом деятельности и рождено внутри ее парадигматики. Деятельность регулируется “нормами”, априори социальными, и это ядро особой “культуры” искусственного, ее технологическая суть. До XX века культурное нормирование деятельности было скрыто в освященных традицией обрядах и ритуалах, т.е. носило “естественный” с виду характер – оно регулировалось менталитетом процессуально через целевые установки. Проникновение инструментального рационализма в технологию деятельности превратило и культурные нормы в искусственно управляемые. Мало заметная сменяемость традиционных форм нормирования уступила место ускоряющемуся их проектированию. Накопление опыта, происходившее в истории “естественным” образом, было рационализировано.

Причина такого странного противоречия – в том, что деятельность человека *целесообразна*, а цели человека проявляются не в потенциале его способностей, а в актуальном наборе его *потребностей*. Прежде в истории **основным социальным регулятором формирования потребностей была глобальная ментальная программа**, а многомерность менталитета обеспечивала историческую непрерывность развития общества. Разрыв начинается с момента, когда человек эпохи демократии реально становится “атомарным”, его зависимость от социума иногда доходит почти до нулевой отметки. **Свои личные цели в деятельности он начинает ставить на первое место, а технологизация обеспечивает невиданную скорость их достижения.**

Во всех областях бытия появляются *симулякры*, замещающие все бывшее ранее – без исключения. Так искусственные, спроектированные, рационализированные нормы замещают в западной культуре XX века ранее

существовавшие регуляторы менталитета, работавшие как неподвластные человеку естественные нормы и мотивы. Например, *писанные правовые нормы* на Западе практически полностью подменили мораль. Но ведь еще Кант отметил, что в моральной сфере есть нечто, неподвластное людскому разуму и не ограниченное его сиюминутной практичностью. Говоря системным языком, это – надсистемные регуляторы, находящиеся выше уровня личности и общества (например, Бог). Из культуры Нового времени по мере ее рационализации они постепенно изживались. А там, где это невозможно было сделать, искусственно блокировались или заменялись.

Для обеспечения социальной устойчивости в “проектном” обществе XX века понадобилось множество компенсаторов, и они все более и более рационализировались. Понимая это, Дьюи поставил данный процесс в американском обществе “на поток”, но точно так же поступили и другие рационалистические проектировщики “общественных машин”: Сталин, Гитлер, Муссолини и др. То, что сделали они, резко отличалось от западного демократического варианта в единственном – в целеполагании. Это – наиболее важный момент всего XX века: **если деятельность можно эффективно технологизировать, то формулируемые цели могут принадлежать разным субъектам:** и личности (как декларировали создатели западных демократий), и отдельным группам (например, партиям) и большим сообществам (например, религиозным). Русские космисты впервые заговорили *о целях человечества*, и сегодня именно они дают ориентир, способный повлиять на будущее и изменить ход истории.

Теперь вернемся к главному, ради чего, собственно, эта тема и была затронута. Цели человека в проектном подходе, в прагматизме Дьюи и инструментализме его последователей не обсуждаются – из них исходят. Данный момент и порождает расхождение в инструментальном понимании культуры как набора регламентирующих норм деятельности: регламентация – процесс искусственный, но откуда берутся цели?

Мотивационную основу деятельности многократно пытались установить в коллективной (групповой) психологии и в социологии групп. Одними из первых обратили на нее внимание Э. Дюркгейм (коллективные установки), В. Бехтерев (групповые мотивы поведения), К. Юнг (архетипы коллективного бессознательного). Тому же посвящены такие синтезы, как “психология народов” и “историческая психология”. Развернувшись на этой основе “ментальные исследования” французов блестяще решали проблемы реконструкции культуры прошлого и определения движущих мотивов деятельности людей прошлого. Но подобная постановка вопроса в отношении настоящего и будущего требует построения обществоведческой теории, из которой можно было бы получить прогноз. Большинство же ментальных исследований ограничивается герменевтикой, являющейся стержнем экзистенциализма и постмодернизма, выступающей там в качестве метода. Но сойти в будущее эти “ментальные исследователи” отказывались. В итоге продвинулась вперед герменевтика и расцвел когнитивизм, который иначе как рационально кастрированной ментальностью не назовешь.

Однако достижение понимания и построение детерминант и прогнозов – разные продукты. что характерно, для инструментализма этот подход вообще излишен: прогнозы детерминируют то, что можно спроектировать волевым образом. А теории А. Тоффлера и других исследователей дополняют эту однолинейность глобальными прогнозами на основе единственной линии развития – технологической по основаниям и технократической по ориентации.

Убрать противоречие между искусственной технологически-рациональной западной линией, с доминантой *регламентации* деятельности, и естественно-ментальной, с доминантой *ментальной мотивации* деятельности, можно лишь обращением к надсистемному уровню – к уровню человечества как минимум. В нем преобладает *детерминация* деятельности, которая сейчас отображается наукой и проектной аналитикой. В мотивационной сфере такая детерминация превращается в совокупность “глобальных

императивов”. Этот путь – искусственный. И в данном отношении все проекты типа “ноосферного общества”, “образовательного общества” и т.п. сталкиваются прежде всего на ментально-мотивационном поле. Генерация людей, впитавших мотивы личного обогащения, будет насмерть стоять против всех ноосферных и прочих ограничений – такие люди превосходно понимают, что в любом варианте обогащения они “изымают” что-то у человечества или, иначе говоря, идут против Бога и людей в личных целях.

Вывод из данного рассуждения таков: по отношению к деятельности технологическая линия (знания и нормы) задает **детерминацию и регламентацию**, а ментальная – и только она одна – обеспечивает **мотивацию**. Если кто-то утверждает обратное (“рационально поставьте цели”), он подсовывает вам очередной симулякр.

Модернизм (постмодернизм), экзистенциализм, прагматизм, инструментализм, проективизм, конструктивизм, рационализм, деятельностный подход предстают в нашем описании как нечто единое в том самом ментально-парадигмальном смысле, который мы уже сформулировали (*единая модель мира, устойчивый набор содержащихся в них взглядов*). Повторим: это – рационально трактуемое “мировоззрение”, что уже есть симулякр. А раз так, за этим всегда стоят чьи-то групповые цели.

В XX веке внимание обращено **на процессы**, а не на объекты, как было в классической науке. Парадигма, которую образуют все эти “измы”, не научная, как у Т. Куна (сложившаяся внутри научной школы), а **ментальная** – демонстрирующая совокупность взглядов людей XX века как жителей большого ментального цикла. Это – новая ментальная формация, в которой мы продолжаем жить и сейчас, вплоть до 2020 года.

Итого: классическая и неклассическая наука

Все сказанное по поводу общенаучных архетипов имеет отношение к любой из основных парадигм (и к смешанным типам – тоже). Поэтому связь между архетипами (метод) и парадигмами можно свести в матрицу,

раскрывающую типы исследовательских методов. Полное исследование общенаучного уровня, с нашей точки зрения, должно содержать следующие направления:

Табл. 3. Соотношение архетипов и парадигм в науке.

Парадигмы Архетипы		КЛАССИЧЕСКАЯ НАУКА				НЕКЛАССИЧЕСКАЯ НАУКА		
		Механическая	Органическая	Социологическая	Антропная	естественное	искусственное	
		Системная	Генетическая	Деятельностная				
◆	Цикл							
+	Противоречие							
▲	Иерархия							
■	Состав							

Предлагаемая матрица охватывает практически все наиболее часто встречающиеся в литературе парадигмальные подходы и содержащиеся в них методы исследования. Но принципиально вопрос стоит, в общем-то, не в ее заполнении до полноты перечнем теорий и их аспектов. В конкретном случае речь всегда идет о выборе необходимого и обоснованного для каких-то целей современного пути исследования.

Последняя наша констатация состоит в том, что в XX веке по сути есть только один общий подход: системо-кинетико-деятельностный. Он известен в смесях: системогенетика и системо-деятельностный подход. Но это, как говорил барон Мюнхаузен в известной пьесе, еще не все.

Классическая – неклассическая - постнеклассическая наука

Считается, что с 1970-х гг. **неклассическая наука**, которая на рубеже XIX и XX в. сменила классическую, возникшую в Новое время, в свою очередь сменяется **постнеклассической наукой**. Как известно, **постнеклассическая наука исследует не только сложные, сложно организованные системы, но и сверхсложные системы, открытые и способные к самоорганизации. Понятие Мир-Системы, о которой сказано дальше, как раз является одной из таких сверхсложных систем.** Также стоит отметить, что в постнеклассической науке на смену таким постулатам классической науки, как простота, устойчивость, детерминированность, выдвигаются постулаты сложности, вероятности, неустойчи-

вости. **Синергетика является в этом плане одним из самых ярких примеров постнеклассической науки.**

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Еще несколько слов целостных точках зрения в науке

Следует оговорить, что всякое разворачивание исходно еще и из определенной точки зрения, в философии и науке их насчитывают несколько, по четыре.

Можно наблюдать, как каждая парадигма в истории объясняет мир, исходя из методологии исследования своего предмета. Так появляются: “Человек-машина”, социодарвинизм, искусственный интеллект и прочие незаконнорожденные мыслительные конструкции, полученные методом перекрестного опыления.

Чтобы выбраться из непрерывного “переодевания” в чужие одежды, наука не однажды пыталась оставить истину обнаженной. Этим вроде издавна занималась философия, но она в XX веке настолько скрестилась с идеологией, рьяно служа политике, что иметь с ней дело науке больше уже не хотелось. Появилась даже научная редукция философского знания, которая попыталась заменить собой философию. И мы ею сейчас оперируем.

На этой волне родились также межнаучные интегративные комплексы, в основе которых лежала идея инвариантов. Они не философские, и это важно, они – общенаучные и межнаучные.

Начнем с последних, ближайших к нам по времени, попыток построить такие комплексы. И говорить мы будем о нашей теме: будущее и человек.

В системных терминах “человек и общество”, человеко-общество (“человейник”) – это наша точка отсчета, система, *мир*. Тогда абиотическая и биотическая природа – подсистема этой системы, а нечто над нами (например, человечество) – ее надсистема. Соответственно, это – микромир и макромир. В подобном системно-иерархическом освещении вопрос о будущем решается просто: природе принадлежит *прошлое*, системе –

настоящее, а надсистеме – *будущее*. Пояснять подробно не будем, поскольку этому посвящены другие наши книги.

В науке постулирование трех миров общепринято. Да и не только в науке – вспомним величайший роман М.А. Булгакова.

В *системной* картинке мир иерархичен, и времена в нем привязаны к иерархии. Модусы времени здесь *связаны по вертикали*.

С *экзистенциальной* точки зрения, самое важное состоит в “нахождении в процессе” жизни. Отобразить такое понимание сложнее, поскольку нужно смотреть релятивно, изнутри движущегося. С системогенетической точки зрения, сама жизнь, протекание, процессуирование предполагает *три временных модуса, связанных по горизонтали* (вектором Т). Хотя изнутри процесса это можно и не рефлексировать, а просто “жить мгновением” – тут нас всегда подстерегает ловушка Мефистофеля: как только мы произнесем: “Остановись, мгновенье, ты прекрасно!” Тем самым мы выдаем, что наше будущее нам откуда-то известно, но мы его для себя не хотим. Это – человеческая проблема, неразрешимая для экзистенциализма.

Если же мы возьмем для экзистенциального анализа не человека, а к примеру, *естественный мир*, мы получим красочно одушевленный А. Бергсоном мир природы, находящийся в эволюционном порыве. На самом деле в нем будущее лишь условно присутствует как внешняя программа эволюции, которая руководит “поведением” природных объектов (тянет их в потоке), но не рефлексивируется ими. Недаром “Творческой эволюции” предшествовала “Материя и память” – нужно же было что-то решить со временем.

Понятен и следующий шаг – точка зрения П. Тейяра де Шардена: будущее, помещенное в формирующуюся ноосферу. Но кое-что в нем настораживает.

Человек как животное не отличается от природных объектов и для подавляющего большинства людей фраза “несет меня течение” отражает естественное состояние. А вот *общественный человек* (модуль человеческого

социума) не только переживает и проживает, но и впервые *рефлектирует* программу эволюции, внешнюю и для человека, и для социума.

Кроме самых смутных гипотез и пророчеств, нам ничего не известно о том, как существует категория будущего в *надсистеме*, в мире над нами. По очень простой причине: мир, который находится над нами, в системном смысле уже живет в будущем. Рассуждать о нем примерно то же, что одноклеточной амебе, колышущейся в первоокеане, отрефлектировать программу развития человечества.

Дерзость человека состоит в том, что он-таки пытается подобную операцию проделать. И вот почему: если мы понимаем логику невозможности, мы тем самым понимаем нечто большее, чем можем постигнуть и проверить по опыту.

Средневековые монахи, например, оставили немало любопытных попыток описать не только состав, но и эволюцию “горнего мира”. Для классической науки это не предмет исследования, для экзистенциальной философии – правомерная попытка интерпретации чего-то надсистемного. “Интерпретации чего?” – спросит ученый. Интерпретации того, логику жизни чего мы можем предположить. И даже если это мыслимый объект (идеальное, как ноосфера или Точка Омега), он имеет свою “логику жизни”.

Для меня, находящегося в процессе жизни, и верх и низ системного мира обладают одинаковым статусом – *их нет в моем настоящем*, в текущем. Поэтому понимать я могу и то, что в системном смысле живет в прошлом, и то, что – в будущем, причем примерно одинаково. Но в любом случае это будет моя интерпретация и в ней я не имею границ, кроме тех, которые сам поставлю. В этом странном пространстве между небом и землей я разговариваю о них как бы сам с собой. Как говорится, бывает! Но откуда-то я же знаю эту логику того, чего не могу знать. Мои гипотезы относительно природы оправдались в созданном мною мире второй природы. Из этого я заключаю (что не обязательно верно), что и вверху все примерно так же, как внизу: микрокосм и макрокосм – инвариантны.

Я додумался до этого не сам, я додумался до этого как общественное существо. Как общественные существа мы ограничены. Отрефлектируем хотя бы эти свои исторические ограничения. Мы можем это сделать? Не более, чем все остальное.

А. Бергсон писал на переходе от естественной картины мира к экзистенциальной. Ничего иного в пространстве мысли не было, и он, как любой мыслитель, реализовывал возможный синтез наличного в менталитете.

Мы живем в полосе, когда экзистенция коснулась и мира природы, и мира человеческого, и человеко-общества, и мира истории. Настал момент перехода от этого – к иному, чему мы не знаем названия. Отсюда – невиданный интерес ко всем формам взгляда в будущее.

Теперь попробуем сделать то же, что сделал Бергсон, но поменять предмет: экзистенциально описать не естественный мир, а мир с позиции создателя (грубо говоря, проектировщика) нашей человеко-общественной эволюции. Хотя бы, поскольку это нам ближе.

С позиции классической науки это априори невозможно. И сопутствуют тому сто тысяч “потому что”.

С позиции философии, возможно все. И правы всегда те, кто переступает через любую невозможность.

Главное для науки: в качестве закона возможно описать только то, что многократно повторялось (было зафиксировано в прошлом). На данном основании можно давать вероятностный прогноз (тренд). Тупик здесь очевиден: циклическая экстраполяция прогностика грубо механистична, она способна говорить только о стационарно существующей системе, работающей как часы: как правило, это – естественные системы. А в эволюции, как мы только что видели, выбор происходит один раз: речь идет о веерах вариантов и выборе из них в конце цикла (бифуркация). Один раз возникла Вселенная. Один раз возникла жизнь. Один раз – разум. Где здесь повторяемость? А эволюция – налицо: в неживом, в живом, в социальном.

Модель импульсов на основе конических циклов это учитывает. И в этом смысле системогенетика пока впереди всех.

Все достижения XX века – это введение в подобную модель иерархии и показателя “ускорения и замедления” процессов. Но даже такой аппарат не распространяется на эволюцию за пределами познанного. Кто из футурологов сегодня способен дать *прогноз послечеловеческого состояния мира*, нового этапа эволюции? Максимум, что может наука – это обозначить точку перехода от человеко-общества к иному состоянию мира. Это продемонстрировал, например, Тейяр де Шарден, с его “точкой Омега”. Мы тоже попытались проделать это, но – иначе.

За зоной знания начинается зона незнания, великая зона молчания, где сотовые телефоны “человеиника” больше не работают. Но человек – существо творящее, он способен иногда перепрыгивать через пропасти незнания, а также строить невидимые мосты и идти по ним вперед. Его ведет вера, преодолевающая страх, порожденный прошлым знанием.

Именно этому переходу и посвящена наша книга.

Будущее – наша субстанция, сгущая которую, мы можем идти над мирами. По воде и по воздуху, а также по огню. Преисполнимся же веры!

Часть 2.

**О МЕТОДЕ
И ИНСТРУМЕНТАХ**

Часть II. О МЕТОДЕ И ИНСТРУМЕНТАХ

Введение

Для начала расскажу об одном своем друге-авиамodelисте. Не знаю даже, остались ли в сегодняшнем дне профессионалы такого класса, наверное они уже другие, поскольку в советские времена в дефиците было практически все, а сейчас практически все доступно. Так вот, он строил точную копию Ил-14, к тому же летающую, радиоуправляемую. А был он архискрупулезный товарищ, даже занавесочки на окнах своей модели сделал из того же материала, что был на настоящем самолете. И решил он на каком-то этапе воспроизвести на своей модели всю гидравлику, все эти трубки, краники, манометры как они были у самолета в натуре, только в соответствующем масштабе. Представьте самолетную трубку толщиной в палец, уменьшенную в сто раз – это уже нечто едва видимое. А внутреннее отверстие в этой трубке можно увидеть уже только под микроскопом. Даже давление в системе он хотел поначалу сохранить, те же атмосферы, но не получалось: жидкость в этих микронных трубках повела себя непонятно.

Рис. 5. Макет самолета ИЛ 14.

Учтите, летающая модель – это нечто “настольное” только по масштабу, но летать должно как настоящее. Все системы должны работать в полете, в том числе и гидравлика. А поскольку мой друг был человек очень и очень упорный, он сделал специальную оснастку, чтобы ею сделать оснастку поменьше. А потом этой оснасткой еще раз проделал то же самое – в сторону уменьшения – и получил оснастку “третьего рода”. И уже ею – под микроскопом – он и сверлил, и нарезал резьбы, и проделывал все прочее, совершенно невероятное, для построения своей микронной гидравлической системы. Еще немного, и наш Левша добрался бы до нанотехнологий. В ходе этой попытки он много чего понял, но не это в данном случае важно.

Случай этот интересен как особый инструментальный пример с трехкратным применением масштабного принципа и сменой инструментария. Важно, что на каждом шаге он обнаруживал, что имеет дело с другими природными законами по поводу вроде бы знакомых веществ и полей. И конечную конструкцию ему пришлось практически создавать заново: почти ничего из нашего большого мира в том микромире не работало, «как надо».

* * *

Изучая общество или человечество, мы находимся в аналогичной ситуации, только движемся наоборот: идем снизу вверх. Будучи человеком, хотим понять логику Соляриса. Поэтому с обратной стороны – от нас к большему и общему, – приходится строить нашу мыслимость о мире, который на несколько порядков размерно больше нас самих, не говоря уж о его принципиально иной сложности. И к тому же – мы сами часть этого мира. Такого рода предельные задачки всегда порождали новые гипотезы а иногда – и новые инструменты мысли. Случаев таких в истории очень немного и не все они достоверны, поскольку все это реконструкции. Думаю, ничего другого, кроме наших реконструкций, в истории-то и нет.

Считается, что Гермес Триждывеличайший ввел принцип “Как наверху, так и внизу”. У древних греков он трактовался как тождественность

(инвариантность) микрокосма макрокосму. В системном мире приходится предполагать, что надсистема, система и подсистема подчиняются этому же принципу – а как же иначе познавать? У А.Л. Чижевского на его книге «Земное эхо солнечных бурь» есть такая S-образная кривая, напоминающая такую же S в знаке Дао: она зримо показывает как в системе-мире замыкается надмир (надсистема, макро) и подмир (подсистемы, микро). И проходит через мозг Человека (система, мир, мезо).

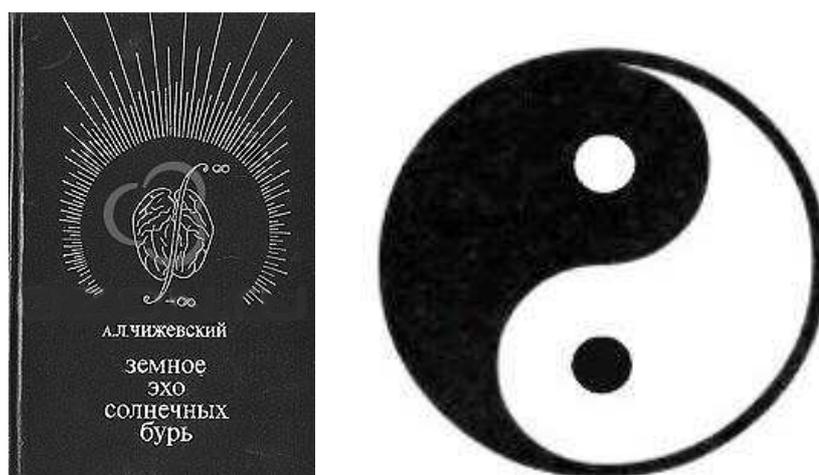

Рис. 6. S-образная кривая.

Без этого принципа мир вроде бы не познаваем. Хотя никто этого не утверждает окончательно и мы можем подвергать сомнению и это.

А попробуем помыслить из над-над-системы. В интенции – по отношению к нам, сегодняшним. Поместим себя туда, поглядим сюда, и гипотезы не заставят себя ждать. Такой же мысленный эксперимент, как у Эйнштейна с наблюдателем на кончике светового луча.

Страшновато как-то, а вдруг мы тем самым открываем еще один отсек “ящика Пандоры”. Но такая опасность – всегдашнее свойство познания. Всякое исследование в потенции открывает этот ящик, хотя это уже как раз вопрос управления, использования знаний, а не познания.

В тринитаризме есть знание, полученное не при помощи опыта, а при помощи веры, Духа. Изначально цельное знание, которое постепенно как бы заполняется локусами. Но тогда оно и свойства должно иметь особые: оно ведь исходно «нравственное», от Духа.

2.1. МНОЖЕСТВЕННОСТЬ ОТОБРАЖЕНИЙ ЕДИНОГО И КОНФИГУРАТОР

«Ромашка» А.Ф. Лосева, или принцип множественности

Еще будучи студентом я хорошо запомнил фразу, которая кочевала в то время из работы в работу: «Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования». Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостережет нас от ошибок». Цитата из Ленина, но вскоре я обнаружил, что фраза эта из разряда “бродячих” и, скорее всего, идет от Гегеля. Она выражает определенный принцип мышления, необычайно важный, прежде всего, для XX века.

В одном из своих текстов великий русский философ А.Ф. Лосев нашел для этого принципа зрительный образ “ромашки”. Одно время подобным образом рисовали символ атома, что даже точнее. Суть этого образа в том, что в центр “ромашки” помещается предмет нашего интереса (исследуемый предмет), а “лепестки” охватывают это ядро. Каждый такой “лепесток” есть отдельный взгляд на наш предмет, он имеет свой ракурс. И каждый такой ракурс отличается от всех других. Отсюда значение этого образа: предмет, отображенный во множестве разных аспектов. То, что получается в итоге такого множественного отображения, не есть просто сумма разного.

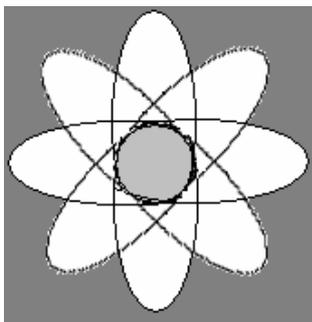

Рис. 7. Принцип множественности отображений в метафоре ромашка-атом.

Чтобы отойти от первоначального образа “ромашки-атома”, можно заметить и другие аналогичные метафоры. И они иногда точнее отображают суть дела. Например, то, что мы рассматриваем, отражено во

множестве “зеркал”, “плоскостей”, или на “экранах”. Каждый такой “экран” есть особый мир, “монастырь со своим уставом”. Иначе говоря, особая действительность.

Очень существенно, *как собрано* это множество вокруг нашего целого.

Поскольку есть наше целое, сборка как-то центрирована вокруг него. А центрированное тянет за собой три модели: плоскую ромашку-атом (круговая модель), и две объемные модели: цилиндрическую и шаровую (в основании).

Полиэкранность

Близкая по смыслу культурная “полиэкранность” более конкретна в своих моделях. Она по ассоциации тянет в кинематограф, хотя там полиэкран есть нечто совсем другое, чем в рациональных моделях.

Поясним это принцип рисунком, который отображает культуру. Вот посерединке современный человек, а вот вокруг него множество экранов. Эти экраны полностью заслонили от человека мир, и потому он в принципе не способен видеть “заэкранную” реальность.

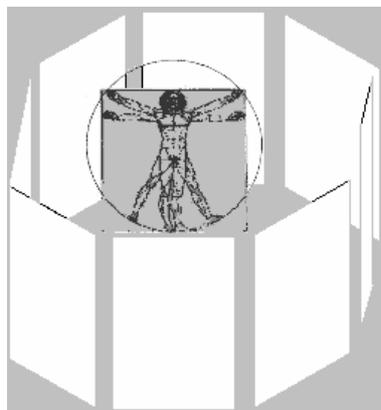

Рис. 8. “Цилиндрическая” полиэкранная картина мира вокруг человека.

Понятно, что речь здесь идет об обществе и нашей несвободе по отношению к нему. Как мы видим, от человека в этой ситуации мало что зависит, особенно если учесть, что он окружен этими экранами с момента рождения, воспитан ими. И поэтому прав в своем сарказме В. Пелевин: “Мир, где мы живем, – просто коллективная визуализация, делать которую

нас обучают с рождения. Собственно говоря, это то единственное, что одно поколение передает другому” (*Чапаяев и Пустота*).

Расположение экранов по кругу – это зрительное упрощение, необходимое для введения представления о полиэкранности. И чем ближе к человеку, тем больше эта модель превращается в *шаровую*. Мы можем вынести все экраны на шар, и как утверждают психологи школы ДЭИР, именно так выглядит наше внутреннее виртуально-психологическое пространство.

Наконец, шаровую модель полиэкранности можно сделать иерархической и тогда она превратится в “матрешечно-шаровую”. Это восточная модель. Еще у древних китайцев была такая обучающая модель-игрушка из множества вложенных шаровых скорлупок. Это прообраз нашей матрешки, идею которой привезли из Японии – в этом приняли участие как известный купец С. Мамонтов, так и художник К. Малютин, впервые ее нарисовавший.

Рис. 9. Русские Матрешки.

В моделях полиэкранности есть оригинальный вариант, идеологически прямо противоположный схеме “окружения человека экранами” и потому – внешнему общественному насилию над ним. Это уже другая метафора, известная в основном из индийской философии. В современном виде она

преподносится через “*модель планетария*”, но с переходом в “*матрешечно-шаровую*” модель («Симорон»).

В центре такого планетария находится шар с дырочками, внутри которого расположен Источник света. Шар – это “*моя личность*” и суть личности состоит в наборе узоров, вырезанных на шаре.

Когда источник света в планетарии “*включен*”, из всех дырочек шара пробиваются лучи, которые на темном куполе планетария превращаются в светящиеся точки, из которых получается “*звездное небо*”. Если мы мысленно вытянем из этого шара лучи и будем вращать их, то получим то, в чем существуем – мир вне нас.

Источник света во мне – это начало мира. А все остальное вокруг меня – это набор шаровых экранов, упакованных по образцу матрешки. Основной принцип миростроительства в этом варианте: многократное воспроизведение мною самого себя вовне: ведь шаровых экранов вокруг меня несколько, они на разном удалении от меня и потому по-разному для меня значимы.

Мы имеем не просто вложенную полиэкранную систему: внутри шара расположен источник света; далее сам шар – первый экран на пути этого света; далее купол планетария – второй экран, и т.д. Мы имеем прежде всего иную идеологию: мир этот существует только благодаря источнику света. Будет свет – оживут все экраны, а не будет света – они все погаснут.

В этом мире-театре работает и особая рефлексия, учитывающая собственную иллюзорность. Мы понимаем, что сам этот мир голографичен, иллюзорен. Мы этого не видим, поскольку сами как личности являемся голограммами.

Этот театр теней нельзя принимать всерьез, поскольку внешний мир – иллюзия. Вся сила этого мира, ее источник находится не вне меня, а – внутри. Так что “*Да пребудет с тобой Сила*” (изречение-рефрен из сериала “*Звездные войны*”) – это частичный плагиат из древнеиндийской модели мира. Частичный потому, что евроамериканцы в этом опусе превращают

источник этой Силы в нечто материальное – микроцивилизацию мидихлориан, живущую во всем живом.

В восточном варианте весь проявленный мир вне меня есть мое продолжение: все предметы видимого мира является только моей проекцией. Бросая взгляд на какой-то предмет, я выпускаю луч и “выписываю” вне себя очередное свое продолжение. Что интересно, эта идея испускаемых нами лучей есть и у Платона, но его ученые потомки так и не поняли, что он имел в виду. И сочли его ненаучным заблуждением философа.

Между тем эта модель вложенных шаров и источника очень важна. Даже если мы говорим не о человеке, а о предмете нашего исследования, в ее пределах возможны две интенции: из центра и в центр. Одна из таких интенций имеет специальное название.

Конфигуратор

Воспользуемся декартовой системой координат и моделью из начертательной геометрии. В конечном итоге это все та же шаровая модель.

Поставив нечто рассматриваемое нами (например, понятие) как точку в эту систему координат, мы отображаем его на совокупности плоскостей-действительностей (1, 2, 3). То, что они даны нам как плоскости, а не как шаровые фигуры в данном случае мало что меняет.

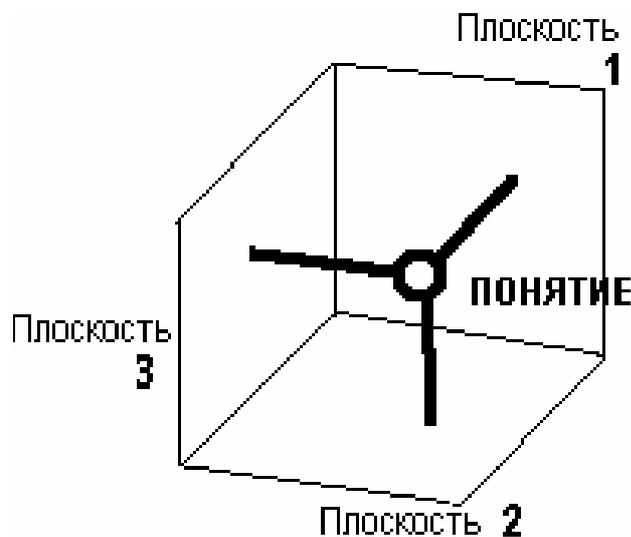

Рис. 9. Полиэкранная картина точки-понятия.

Трехмерная схема демонстрирует только принцип. “Плоскостей” отражения на самом деле может быть столько, сколько у нас выделено особых действительностей – предела нет.

Точка-понятие в этой модели – это уже совершенно особое образование с рядом новых свойств.

Во-первых, эта наша точка отображена в разном, и мы воспринимаем и понимаем ее через принцип множественности отображений (о принципе “поли-” см. Субетто А.И.). А во-вторых, само это понятие “собирается” нами как *сконфигурированное* из элементов этих многих отображений во многих действительностях (о *конфигураторе* см. Щедровицкий Г.П., Генисаретский О.И.). Конфигурирование воссоздает единое из множественного. Но главное в другом.

Конфигурирование создает единое из множественного. Но комбинаторных сборок может быть много. А если учесть разные “сценарии” сборки одного и того, то набор возможностей еще больше. Конфигурирование во многом зависит от того, в какой последовательности расположены и берутся разные плоскости и элементы на них, а также по какому алгоритму мы производим сборку. И еще: есть поле комбинаторных вариантов и есть фильтры наших целей.

Характерно, что при помощи конфигурирования создается “понятие”. А место понятия – в коммуникации. Понятия создаются под определенную цель и потому обладают очень разными сроками жизни. К ним не стоит применять критерий всеобщности, но можно измерять степень их мощности.

Противоположностью предельно текучих понятий выступают категории. Категории фигурируют не только в философии. Это особые инструменты мышления. И такая постановка вопроса значительно расширяет сферу их использования: они применимы ко всем разновидностям деятельности.

Категории и понятия по их мощности это общее и единичное. Категории предельно длиннопериодные (и потому трактуются как “вечные”),

а понятия – короткопериодные, ситуативные. Поэтому понятия связаны с конкретными целями человека (а в коммуникации служат целям группы).

Мы ищем набор всечеловеческих инвариантов-архетипов. И поэтому вопрос иерархического места между этими пределами категориальной неподвижности и понятийной подвижности для нас будет одним из первых.

По сути уже в этом описании у нас присутствует импульс, имеющий два такта: отображение единого во множественном – и воссоздание единого из множественного. В первом и втором случаях это разное единое.

Конфигурирование происходит с определенной целью. Здесь присутствует особая интенция. И разобраться с этим следует сразу.

Полиэкранность в представленных моделях имеет два варианта интенции. В пассивном случае (так называемое “отражение”) мы говорим о множественности различающихся плоскостей, экранов или зеркал в которых отображен наш предмет. В восточном варианте речь шла о множественности вложенных сфер, на поверхности которых мы и видим мир. Этот мир есть проекция из меня но следует ли считать этот случай активным?

Но ни то, ни другое не есть конфигуратор. И говорить о сборках следует в другой модели. Исходным здесь будет понятие ситуации. Конфигурирование, во-первых, происходит в некоторой ситуации, во-вторых, с некоторой целью.

Прием полиэкранности в евроамериканском варианте (куда принадлежим и мы) появился в ответ на явное ускорение процессов “социального времени”. Это, во-первых, и во-вторых, как инструмент перехода к освоению ресурса будущего, к работе с будущим как особым ресурсом («Футурошоки» А. Тоффлера).

Кстати, в конфигурировании теперь используется и принцип вложенности (прием матрешки). Хотя и не в восточном варианте.

2.2. В ПОИСКАХ ЯЗЫКА

О понятии «архетип»

Архетип с греч. – прообраз, первоначало, образец. Содержание этого древнего термина сводится к априорным формам. Оно соответствует «эйдосу», «идее» Платона. Но вот что важно: про архетипы Платон писал, опираясь на Пифагора. А истоки пифагорейства известны.

В определенном смысле архетипы всегда гипотетичны, поскольку не даны нам непосредственно.

Нельзя сказать, что содержание термина не менялось в истории, но изменения эти были обусловлены бытовавшими картинами мира, а не изменением сути термина.

Первым, кто осознал значимость и обосновал понятие, подобное архетипу, в науке Нового времени был И.-В. Гёте. Он сделал это на материале биологии. Не случаен тот факт, что он и великий поэт, и великий ученый-естествоиспытатель, хотя о последнем знают немногие.

Для нашего этапа истории понятие архетипа обычно связывают с аналитической психологией. К. Юнг это понятие применил в 1919 г. для трактовки содержания коллективного бессознательного. Суть его воззрений по вопросу архетипов коллективного бессознательного такова:

- архетипы – это врожденные образцы, выступающие регуляторами психики;
- индивидуальная психика человека находится под влиянием этих врожденных универсальных образцов;
- каждый из них – это когнитивная структура, в которой в сжатой форме записан родовой опыт,
- архетипы известны нам интуитивно из памяти человеческого рода,
- это когнитивные образцы, предшествующие действию;
- они передаются по наследству биологически (защиты в ДНК), а не посредством культуры;

- архетипы используются нами инстинктивно, а инстинкты представляют собой врожденные программы поведения.

Самое важное: в архетипах не содержание, а *чистые формы*. Юнг сравнивал эти формы с системой осей, которая формирует кристалл в растворе, будучи полем, распределяющим частицы вещества. Это *управляющее полевое* понимание архетипа очень важно для нас, поскольку по отношению к индивидуальной психике таким «управляющим полем» в нашей теории является менталитет. Архетипы не даны нам ни во внешнем, ни во внутреннем опыте, но тем не менее они управляют людьми.

Архетипы, рассмотренные иерархически – это проявленность родового в групповом и индивидуальном.

В личном проявлении это образы сознания – «архетипические образы», наделенные огромной психической энергией. Они внечеловеческие, а потому воспринимаются как жуткие и чуждые, бесконечно превосходящие человека (например, как божественное). Встреча с ними вызывает сильные эмоции, ведущие к трансформации индивидуального сознания.

В групповом, коллективном виде, архетипы проявлены в культуре. Они имеют отношение не только к искусству, где их влияние очевидно, но и к мифологиям, религиям, а также множеству идеологий.

По Юнгу, уникальность набора архетипов состоит в том, что в культуре человечества он неизменен, является своего рода алфавитом коллективного бессознательного. Значение архетипов не менялось в истории в самых разных странах и на разных континентах, что и позволяет говорить о всеисторичности архетипов.

В ходе истории архетипы выражаются в символах: их форма становится все более простой и гармоничной, а содержание – все более всеобщим. Это утверждение, которое никем не оспаривалось, несколько противоречит общему пониманию Юнга: он сам неоднократно раскрывает архетипы не только как «символы», но и как архетипические «образы». Таким образом, они имеют двойное выражение: символьное и образное.

Это символы-образы, управляющие поведением отдельных людей и групп и обладающие огромной силой.

Эти самые архетипы в виде всеобщих инвариантов науки и искусства искали в начале XX века и в содержании, и в форме, и в выражении. Одно из направлений такого поиска – семиотика и философия знаков в культуре у Э. Кассирера.

Понятие архетипа используется сегодня шире, чем это делал Юнг и его школа, применявшие его только по отношению к психическим структурам. Оно стало одним из устойчивых понятий современной культуры, наряду с понятиями система, парадигма, пассионарность и т.д.

Мы считаем, что архетипы присутствуют в менталитете и проявлены в культуре и цивилизации, и это очень важно. Об этом, собственно, вся наша книга, но это – только первый постулат.

Архетипы в нашей трактовке есть глубинные структуры, противостоящие поверхностным структурам. Точнее это даже не сами по себе глубинные структуры, а нечто в них – конструкторы, универсалии. Но какие?

Архетипы – универсалии – инварианты

Если взять ракурс мышления, то мы можем обратиться к теме содержания, где и обнаруживаются «мыслительные универсалии». Это тоже проявление отмеченных глубинных структур, но в этом, вполне конкретном ракурсе (мышления, направленного на деятельность). Мыслительные универсалии – это тоже устойчивые формы своего уровня общности.

Этот поворот темы тянет за собой обсуждение логических методов и схем в анализе «глубинных структур», что в данном случае не входит в круг наших интересов. Нас интересует прямо противоположное: наличие универсалий там, где логика не работает, а мышление еще себя не проявляет.

Стоит упомянуть, что очень похожую позицию в различении этих уровней занимал основоположник европейской философии Пифагор. Именно он понимал свои философские числа как универсалии, за которыми явно

проступали архетипы, имеющие внечеловеческую природу (трактуемую позже в нумерологии и пифагорействе как божественная сущность чисел).

Что касается более частного понятия «инвариант», то оно относится к области познания. Инвариант в познавательных процедурах есть то, что обладает признаком неизменности (неизменное к неким преобразованиям). Опять-таки, как и в случае с архетипом, это устойчивая форма. Но уже отнюдь не априорная, поскольку наука значительно более подвижное образование и то, что когда-то было в ней инвариантным, сегодня таковым не является. Нарастающий релятивизм делает инварианты подвижными.

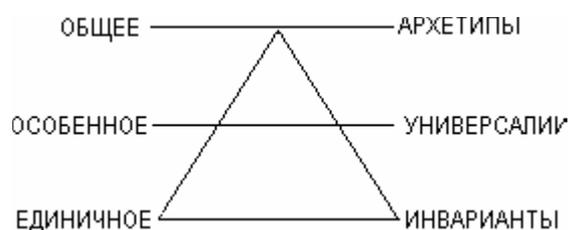

Рис. 10. Иерархическая связанность трех понятий.

Если развести эти понятия по системным уровням в пределах истории, мы получим следующее: *архетипы* константны всегда, *универсалии* константны на больших ментальных циклах, а *инварианты* константны на средних и малых парадигмальных циклах.

Архетип, универсалию и инвариант роднит признак константности. Это устойчивые, неизменные образования; но это константы, разные по степени общности. Архетипы мы относим к менталитету в целом, универсалии к мышлению, а инварианты – к познанию (парадигмальным циклам познания).

Поэтому говоря о едином образовании (архетип – универсалия – инвариант), мы удерживаем его на трех уровнях-плоскостях. В плоскости менталитета это архетипы, а в плоскости мышления (обращенного на деятельность) – универсалия, в плоскости познания – инварианты. Это разное по проявленности, и единое по сути.

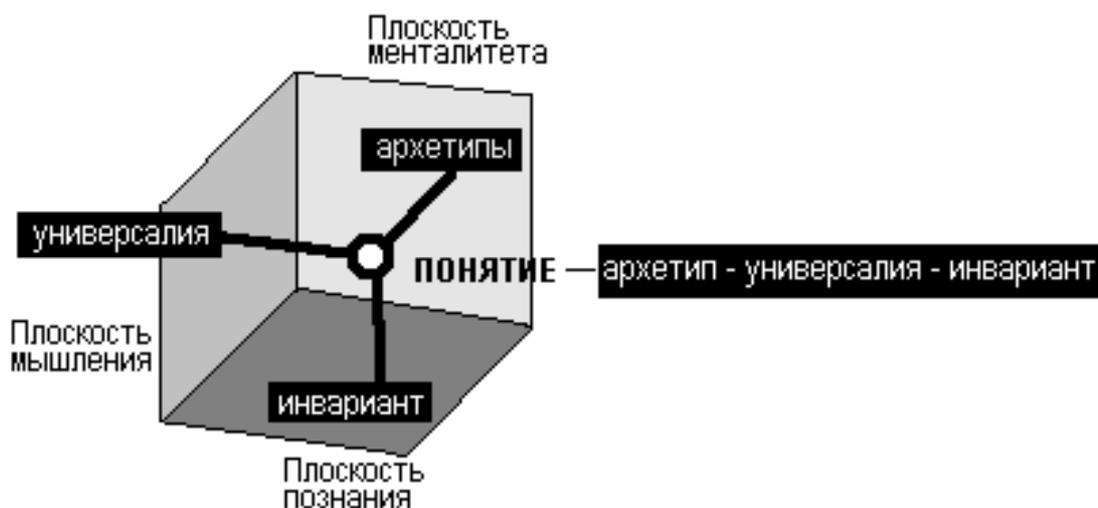

Рис. 11. Понятие «архетип» и создающие его действительности.

Ракурс Юнга, если применить нашу трактовку, точен: все, что является содержанием менталитета, проявлено в культуре, и в первую очередь посредством искусства. И как мы рассмотрим далее – это видно во всем разнообразии психических проявлений, от индивидуального поведения до социального поведения больших масс людей.

«Архетипы - универсалии - инварианты» есть как бы **сборочные «точки»** для языка, который мы здесь предлагаем. Их набор очень невелик, в чистом виде их всего четыре, остальное – их комбинаторика и особая логика оперирования с их производными.

Мы отличаем «действительность» (создаваемую особыми позициями в деятельности) от «реальности» (которая синкретична, сверсложна и лишь частично познаваема нами и вообще доступна нам).

Мы отличаем «понятия» (существующие в актах коммуникации и трансляции) и «категории» (существующие в мышлении).

Хотя в нашем случае мы к мышлению не обращаемся и работаем с понятиями, но вполне допускаем, что числа могут трактоваться и как универсальные категории (в пифагорействе). Чтобы снова не писать подряд наши иерархически связанные термины (архетипы - универсалии - инварианты), мы ограничимся тем, что далее будем употреблять преимущественно «архетипы», имея в виду их целостную трактовку в точке.

2.3. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ПОНЯТИЙ В ЧЕТЫРЕХ ЯЗЫКАХ

О понятиях

В наших текстах мы постоянно употребляем термин «понятие», но еще не определили его специфику и функции. Попробуем это сделать.

Прежде всего, *понятие* предназначено для коммуникации и трансляции между разными действительностями. Функция понятия состоит в обеспечении взаимо-понимающей коммуникации между ними.

Понятия *конституируются* (и потому «кладутся»). Это специальная и очень тонкая работа, которой когда-то занималась философия.

Они принципиально отличаются от *знаний* (чем – рассмотрим как-нибудь особо). Если опираться на наш набор схем, особенно четверок, понятия – горизонтальные (принадлежат коммуникации), знания – вертикальные.

Традиционная науковедческая трактовка к этому близка (но только в одном ракурсе), поскольку глаголит, что:

- понятие распространяется на множество объектов, обладающих признаками подобия в пределах таксономической единицы (тип, класс и т.д);
- в понятии схватываются *сущностные характеристики* таких объектов и задаются *основные формы понимания* таких определенных объектов.

О наших понятиях и языках

Мы располагаем наши понятия-архетипы между трех плоскостей и это позволяет нам интерпретировать их содержательно в этом обозначенном пространстве. У нас образуется «точка-понятие», как сборочный конструкт, опирающийся на обозначенные плоскости (действительности). Это очень важно подчеркнуть, поскольку при таком подходе мы просто игнорируем все противоречия всех картин мира и теорий друг другу.

А почему это возможно? А потому, что мы (все) на самом деле так и мыслим: берем в мысли все и отовсюду. А потому «чистота рядов» пусть

заботит других. Кроме шуток, при исторической реконструкции в мире мысли всегда оказывается, что первооткрыватель нового сделал сборку из того, что ранее было несовместимым. Но это особая тема, хотя и очень интересная.

Содержание требует выражения. И ему нужна знаковая форма. А потому далее речь пойдет о языках, которые и предоставляют нам в пользование свои знаковые формы.

Про языки у меня есть отдельная статья, я ее как-нибудь опубликую на АТ. И есть части этой темы, рассмотренные в работах «Числовые инварианты в менталитете» и «Экзистенциальная системогенетика».

Формально мы применяем отображения точек-понятий *на четырех языковых (знаковых) плоскостях*. Четырех – это с учетом речи-языка.

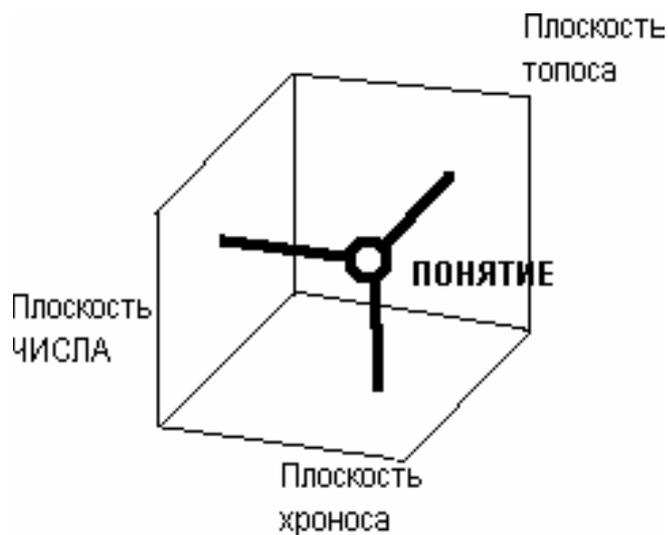

Рис. 12. Понятие в целом и в проекции на трех плоскостях.

У нас возникает совокупность *поли-понятий*, связывающих:

- а) числовую ось (натуральный ряд),
- б) простые геометрические фигуры (топос),
- в) циклический способ отображения кинетики (хронос),
- г) слово – язык, на котором написан данный текст.

Слово своеобразно конфигурирует эти отображения в целое в процессах понимания, но самое важное – все три плоскости отображений

существуют «сами по себе», тоже как особые «действительности». Только большинство из нас разучилось на этих языках разговаривать, а когда-то это были обязательные условия обучения образованности.

Если откликаться на политическую тематику, есть простейший способ превратить самый образованный в истории русский народ в сборище дебилов. Сделать его безъязыким, неспособным на коммуникацию. Надо убрать из набора школьных предметов эти языки, которые зафиксированы в предметах:

- русский и прочие языки,
- геометрия – язык для понимания пространства, география – практическая его конкретизация,
- циклы – язык для понимания времени, история как его конкретизация,
- число (арифметика, математика).

Именно это и убрано. Культуру не надо убивать, достаточно вытащить это краеугольный камень, и она сама обрушится.

Но продолжим. Работать с такой схемой многоплоскостного знания нельзя, поскольку одновременное представление точки-понятия на трех плоскостях затруднительно. Поэтому наиболее ценным в операционном отношении являются *двойные переводные варианты* из любого представленного языка в любой другой (числа-фигуры, числа-циклы, фигуры-циклы) или всё вместе. Для восстановления синтетического целого можно пройти по этим связкам – это обычный путь в методологии науки.

Этот прием уже позволяет представить наши понятия на плоскости, и такими «переводными» плоскими картинками мы и будем оперировать далее. Специалисты говорят, что плоские изображения предпочтительнее объемных в смысле доходчивости и запоминаемости.

Эти плоскости подсобные. Основной смысл выстраивается Словом, т.е. текстом, композиционно связывающим или «сшивающим» наше понимание во времени.

2.4. СИСТЕМНОСТЬ И ЧИСЛО

Язык геометрии и иконическое отображение

В начале XX века, а это почти ровно век назад, была выставлена знаменитая картина Казимира Малевича “Черный квадрат на белом фоне”. Этим актом открывается визуальный словарь *модернизма* (и значительной части постмодернизма) XX века. Он содержит набор фигур-архетипов от “1” до “4”, выраженных *в геометрической форме*: это – круг, крест, треугольник, квадрат. Такой набор численно-геометрических фигур-символов впервые был отчетливо представлен не только в визуальном “словаре” Казимира Малевича времен супрематизма, но также – параллельно и синхронно – в аналогичных “словарях” голландской группы “Стиль” того же периода, Ле Корбюзье и т.д. Вариант того же алфавита (круг, треугольник, квадрат плюс крест) берется за основу в концепции и символах школы Баухауз, а у нас ВХУТЕМАСа. Те же фигуры мы видим у множества других художников и архитекторов начала XX века.

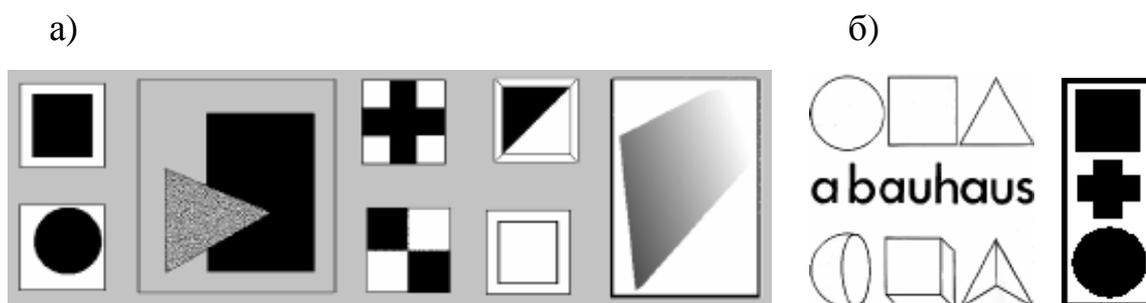

Рис. 11. Визуальный словарь раннего модернизма начала XX века.

а) Главные фигуры у Малевича; б) Основные фигуры-тела в языке школы Баухауз.

Наука и искусство XX века пронизаны всеобщими аналитическими и синтетическими устремлениями. Отсюда такой обостренный интерес к мифу, символу, архетипам и т.п.

Нельзя назвать случайным тот факт, что эти символические фигуры (и стоящие за ними числа-универсалии) присутствуют в знаках и методах философского, метанаучного и научного анализа XX века. Дело в том, что мыслители и художники этого века целенаправленно искали наиболее общие

и константные основания, некие мировые структуры, устойчивые единицы и алфавиты, фигурирующие во всей культуре.

Когда в 60-е годы XX века были предприняты попытки связаться с инопланетными цивилизациями, встал вопрос: на каком языке нам с ними общаться? А за этим стоит другой философский вопрос: что неизменно во всей Вселенной? И было осознано, что это может быть только пространство и его “конструкция”. Языком для межгалактического общения были признаны по сути эти же архетипы. И стало понятно, что это – язык Человечества.

Архетипы, выраженные через простые фигуры

Наука XX века очень интересна тем, что она как бы ступила на шаг выше всей предыдущей предметной науки. Она задалась вопросом, а что объединяет физику, химию, биологию, психологию и социологию? Что они изучают разное и разными приемами, это понятно, а вот что у них общего, объединяющего, инвариантного?

Оказалось, объединяющие понятия надо еще сконструировать. И первой появилась “система” и системный взгляд на мир – системная онтология. Система имеет свой состав и свою структуру. Система для чего-то предназначена и это основание ее целостности. Как было осознано в теории деятельности, цель создает в системе целое.

Системный взгляд – общий, он вне времени. А вот “жизнь” систем во времени исследовала “генетика систем”. Мы используем здесь несколько иной по смыслу термин – “кинетика”.

Системность плюс кинетика – это первая связка плоскостей нашего метода. Четыре представленных фигуры и числа отображают и численно выражают все, что мы только что обсуждали:

Круг – это знак-символ цикла жизни. Окружать (кругом) – означает отделять (отсюда понятие “граница” системы). Круг един, поэтому его символизирует единица. Это и целое, и цикл.

Крест символизирует пару, два противоположных взгляда на систему. Например, статический (система) и кинетический (жизнь системы).

Треугольник – это знак-символ устройства системы, ее структуры.

Квадрат – знак-символ совокупности элементов состава системы.

* * *

Теперь введем уточнения, важные трактовки нашего ряда символов, рассмотренных на разных плоскостях, в разных действительностях.

В *действительности деятельности* круг может обозначать *цель* системы (ее назначение, главную функцию). Цель здесь и есть целое.

Для изображения *пары* в культуре использовались разные варианты. Например, Инь-ян – восточный знак для символизации противоречия, а последний – примененный нами египетский вариант того же.

За *треугольником* закрепились следующая экспликация значений:

Иерархия подразумевает наличие, как минимум, трех уровней.

Это уровни как системного мира в целом (надмир, мир, подмир), так и их проявленность в рамках самой системы: они символизируют надсистему, систему, подсистемы.

Связи между уровнями могут выражаться структурно-иерархически (это значение отображено у нас упрощенным знаком тетрактиса Пифагора), и как генетические (связи порождения и развертывания). А в статике так нередко обозначают иерархическое “логическое дерево”.

Квадрат – это сгруппированный простейшим образом *спектр состава* системы, известный также как “ящик состава”. Группировка эта матричная, где по вертикали и горизонтали откладывается качественная и количественная характеристики (что и дает в совокупности понятие “мера”).

* * *

Если мы проанализируем множество статических определений системы, то все они так или иначе трактуют то, что мы здесь перечислили. Например, “система – это структурированный состав, обладающий цельностью (целостностью)”. В системно-деятельностном подходе система

обладает целью, назначением, (реже функцией). В кинетике система есть то, что разворачивается, живет свой цикл во времени. А цикл традиционно воспринимается через знак круга. И от этого мы выстраиваем кинетическую трактовку.

То, что изобразил К. Малевич и описал К. Юнг, это знаки-символы, связанные с архетипами. Они имеют общеметодологическое значение для любых наук, в том числе и для нашей темы – учения о системе. Преимущество их использования состоит в том, что они упорядочены самым простым способом: через числовой ряд. А *число* есть представление количества через порядок. Как известно, первым всеобщее понимание основных чисел, фигур и их значений в еврокультуру ввел Пифагор. Но вообще-то приведенный набор из четырех ключевых архетипов можно найти во всех классических философских школах. Не считая пифагорейцев и Платона, наиболее очевиден он в гегелевском учении.

Для системного исследования сказанного здесь уже вполне достаточно.

Но мы далеки от мысли, что этот набор покрывает все, что нужно. Хотя бы потому, что он не отображает процессы и жизнь системы. Это – статический набор, а его специальную циклическую трактовку мы дадим ниже, в соответствующем. Системокинетика выработана в основном для натуральной картины мира и требует особого “перепонимания” в деятельностной картине мира.

Числа, фигуры и объемные тела как единый язык отображения

Методологий познания существует много. Но среди них есть как бы исходная, которую применял Пифагор, основатель философии. Он решал проблему синтеза многих типов знания, для чего применил философскую математику, язык чисел, геометрии и циклов. Это знаковая система в европейской культуре не стала главной в отличие от китайской и ряда других. Но она работает и, с нашей точки зрения, именно она наиболее

удобна для представления инвариантов и архетипов. В частности, в платформах системности, кинетики и деятельности.

Обратим здесь внимание на то, что именно Пифагор задал основания образованности, которые потом превратились в четыре дисциплины: арифметику (число), геометрию (пространство), музыкальную гармонию (время в циклах) и *астрономию*. Последнее есть сборка, *конфигурирующая* все: космос во времени, пространстве и числах (пропорциях). Модель все та же: три действительности-плоскости и точка-конфигуратор (космос как целое). Эти дисциплины учености, известные как «квадриум», преподавались и в античности и в средневековье, и в Новом времени, да и в нашем.

Главные числа Пифагора привязаны к плоским фигурам (и не только к плоским). Эта связь видится следующим образом:

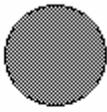
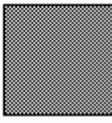
Числа	Геометрические фигуры
1	
2	
3	
4	

Рис. 12. Связь основных чисел и фигур.

Что касается восточной линии, то там изображения чисел-инвариантов даются преимущественно в радиальной системе координат, т.е. вписаны в круг. Мы связываем это с доминированием в данной картине мира динамического и циклического начала, в частности, с категорией Дао. Но, что интересно, очень похожий набор есть и в европейской готике.

		Азия	Европа
1			
2			
3			
4			

Рис. 13. Связь основных чисел и фигур в Европе и Азии.

Мы приписываем начальным этапам культурных циклов (так называемым “архаикам”) *архетипичность*. Архаика – это момент, когда имеет место ничем не замутненное влияние архетипов (т.е. человечества) в чистом виде. Основные плоские фигуры, присутствующие в эти моменты наряду с набором соответствующих объемных тел, и есть язык для выражения представленных архетипов.

Рис. 14. Основные объемные тела, применяемые в архитектуре и искусстве.

Вроде бы соответствие объемных тел плоским фигурам здесь очевидно, но не хватает трехмерного креста. Так вот интересно, что крест в объеме – это шестиосевая декартова система координат, геометрическое основание, незримая пространственная сетка европейского мышления Нового времени. Вот ее почти символьное изображение у М. Эшера:

Рис. 15. Трехмерный крест или декартова сетка координат пространства.

Моно- и поли-

Принцип единства (моно) противостоит принципу множественности (поли). Это диалектическая пара, а значит, они друг друга не только взаимоотрицают, но и взаимоподразумевают.

Мы ввели набор архетипов и осмотрели его с нескольких сторон. Теперь возникает вопрос о связанности, во-первых, самих архетипов, а во-вторых – ракурсов в которых мы их можем увидеть. Расположение в ряд натуральных чисел – это наиболее простой способ организации этого набора, построенный по признаку возрастания количества. Как мы уже говорили, число вообще есть представление количества через порядок.

Это каноническая сборка наших единиц. Но возникает вопрос: а является ли она единственно возможной. Если мы проведем разборку этой упорядоченности (декомпозицию), мы получим набор для конструктора с которым вообще-то можно делать что угодно.

“Поли”, множественность, в нашем случае означает отрицание единственности сборки единиц-компонентов, сборки по какому-то одному признаку.

Если есть некий набор единиц-компонентов, то связывание их в мысли имеет массу вариантов – от попарного, до факториала. Комбинаторика, как особая работа, создает ресурс для последующей деятельности. Но с необозримым полем комбинаторных сочетаний трудно работать, поэтому их ограничивают фильтры наших целей. Тем не менее, это очень ценная

операция и она принадлежит к особым ресурсам деятельности, в особенности аналитической и проектной.

Из всего множества комбинаций значимыми для нас являются лишь некоторые сочетания. Это – уже другой ракурс, ментальный и деятельностный, с присутствием ценностей и целей. Цели и ценности есть *фильтры отбора* определенных сочетаний и о них мы будем говорить ниже.

Выделение архетипов есть первый шаг нашей методологии. А переход к комбинациям – это второй шаг, шаг от единого к множественному. Что очень важно, он-то и обеспечивает “разворачивание” как особый процесс. Рассмотрим это на историческом примере.

Как мы выяснили, в начале XX века ранний модернизм выявил сами компоненты-единицы, которые мы называем архетипами. Потом появляются канонические сочетания этих единиц. Постмодерн дает комбинаторику сочетаний “всего со всем”. Но это не голая математика, а менталитет, поэтому на самом деле *мы имеем в цикле истории культуры разворачивание из единого (набора) во множественное*. Разворачивание, где ищутся новые смыслы, новые возможности новых связок элементов и их комбинаций. Неканонические смыслы и сочетания – вот занятие творческих людей в этот период истории.

Итого в “принципе поли” в его научно-аналитической ипостаси есть только одно пожелание: исследуй все варианты сочетаний. И это очень важная стратегия. Что она означает для нас? А то, что мы теперь все, что мы можем рассмотреть как отдельное и не связанное, так и должны рассматривать. Такая операция декомпозиции нередко напоминает «расклейку» того, что в нашем сознании исторически «склеено» (по терминологии герменевта И. Богина).

Единица как архетип целого

Различим целое и целостность. *Целое* обладает идеальной полнотой и присуще чему-либо во всем его цикле жизни. *Целостность* – всегда только ступень, этап в процессе развертывания “целого”.

Когда мы говорим о ступени или достигнутом уровне целостности, мы при этом удерживаем рамку целого и применяем структурное его видение.

“Структура” по определению есть взаимосвязанность частей целого. Именно структура и характеризуется целостностью, но это *статически трактуемая целостность*. Целостность, характеризующая структуру, есть достигнутая степень полноты в процессе развертывания целого. Каждая фаза цикла развития целого имеет свою целостность; следовательно, целостности сменяемы, а структуры в рамках цикла целого видоизменяются. Собственно, так и возникает синхронистически изучаемый состав системы в спектре – развертываясь. Развертывание фиксируется в структуре. Или, как красиво выразился Ф. Шеллинг: “Время застывает в структуре”.

Поскольку мы будем говорить о менталитете, то определить менталитет как целое можно только в отличие от качественно сходного. Что мы и делаем на сборочной схеме и путем описания его свойств и характеристик.

К менталитету, живущему в истории, применимо понятие целостности. Любое ментальное ядро проживает в истории свой *цикл доминирования* и живет в обществе как “актуальный менталитет”. В культурном цикле это ядро модифицируется. В общесистемном ракурсе важнее всего, что оно остается качественно единым, т.е. выступает как *целое* цикла.

Теряя доминирование, т.е. выходя из зоны исторической актуальности, наше ментальное ядро переходит в потенциальное состояние (начинает существовать как “потенциал культуры”). Тем самым оно превращается в часть фундамента, в слой “культурной памяти”, который со временем сжимается (“снимается”), ассимилируется новыми актуальными слоями. Ментальное время застывает в структуре культуры.

Пара как архетип противоречия

Сочетание модусных разверток по линиям сущности и существования есть применение принципа единства исторического и логического. В образной форме он был выражен у Н.Г. Чернышевского: без теории нет истории, но и без истории нет и не может быть мысли о теории. “Логико-теоретическое” предстает в науке как *статическое*, а “историческо-генетическое” – как результат *динамического* способа исследования того же предмета. Это условное разделение весьма существенное для нашей темы. Поскольку это – принципиально разное.

Одновременно архетип противоречия дает два взаимосвязанных варианта приведения множественности определений любого понятия к единству: статическую целостность и динамическое целое. Следует сказать, что их сочетание является скорее *столкновением*: общефилософский принцип единства исторического и логического в науке заявлен во всех подходах: есть теория механизмов, а есть их динамика; есть системность и генетика систем; есть теория организмов и история их жизни, онтогенез и филогенез.

Общенаучное требование, которого мы здесь придерживаемся, таково: ***логическое и кинетическое взаимопроверяемы. Связь и взаимоотображение этих ракурсов возможны везде, где мы удерживаем и статическое как целое, и кинетическую целостность, сущность и существование.***

Тройка как архетип иерархичности

В системном мире архетип иерархии отображает “вертикальное разнообразие”.

Системная вертикаль, как минимум, содержит три уровня: “надсистема – система – подсистема”. Или шире: надмир – мир – подмир.

Иерархические уровни можно трактовать в хронотопическом отражении: а) масштабной топической “тройкой”: “Макро – Мезо – Микро”;

б) “тройкой” хроно-модусов: “Будущее – Настоящее – Прошлое” (как принято считать, введено Парменидом).

В качестве пределов удерживает вертикальное разнообразие в интересующем нас ракурсе (менталитет) пара: “идеальное – материальное”.

Представим эти понятия в связке:

Рис. 16. Иерархические тройки, характеризующие систему.

Всякое целое предполагает свой способ уровневой группировки, хотя между ними всегда будут существовать некоторые параллели. Такой инструмент – *таксономия* в широком смысле – является наиболее важной частью аппарата и классической, и современной науки. Уровневое построение подобного рода иногда изображается как “таксономическое дерево”, что указывает на его иерархическое происхождение.

Таксономическое дерево содержит иерархический аспект – здесь определяются разнокачественные уровни. Чтобы можно было рассуждать о каком-либо уровне, его следует отличить от уровней, лежащих выше и ниже по степени общности. Мы говорим о нашем предмете, осматривая его иерархически: то “сверху”, то “снизу”.

Остается спросить: а что постулирует систему? Это ее “границы”: система отграничена и относительно границы построена пара “внешнее-внутреннее”. Входя внутрь системы, мы обнаруживаем один набор разнообразия (интенциональный), а выходя вовне – другой набор (экстенциональный). Отсюда два типа качеств.

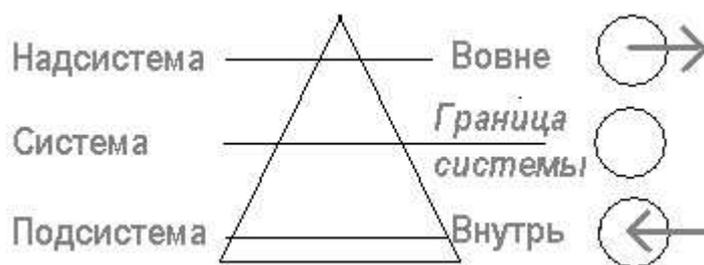

Рис. 17. Иерархические уровни и их ориентированность относительно категории “система”.

Связи, удерживающие системное целое, называются **структурой системы**. Они всегда коррелируются с этим иерархическим инвариантом, хотя это не всегда очевидно (например, через уровни системного времени).

С точки зрения управления, в структуре можно фиксировать и каузальность (аспект влияния более высокого уровня иерархии), и способ организации состава (закон развертывания более низких, чем система, уровней иерархии). Таков закон единства управления и организации.

В тексте мы нередко показываем, как накапливаются уровневые слои в составе систем. И используем для этого особый вариант треугольного знака:

 Это прямоугольный треугольник с уровнями, в данном случае двумя.

 Этот знак связан со знаком иерархической структуры, но на нем лучше видны:

а) ступени (внутренние квадраты), накопление состава; иерархические “слои” состава целого (“пакет”) отображаются на вертикали.

б) этапы развертывания целого (узловая линия мер) – по диагональной стороне. При проецировании ее на горизонталь мы имеем картину сменяемости внутреннего качества (восхождение качества).

Здесь вертикаль и горизонталь отображают количество и качество, а диагональ – картину движения по внутренним циклам. Если вынести циклы прямо на эту диагональ, мы получаем такую комбинированную схему.

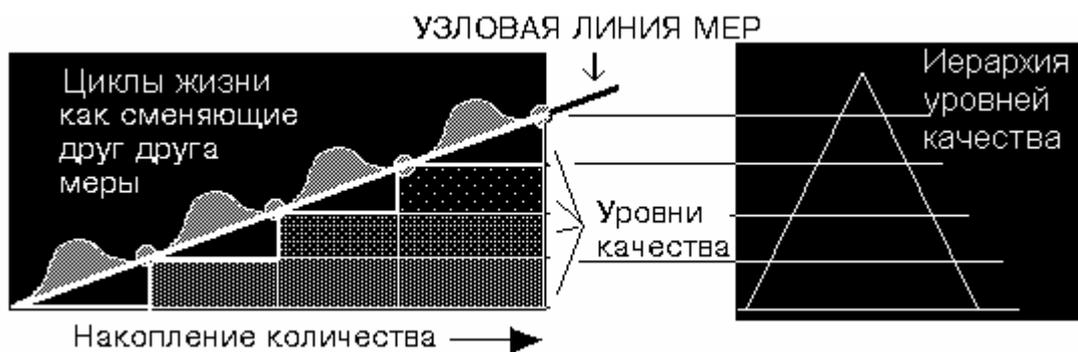

Рис. 18. Значение ступенчатого треугольника: уровни, преемственность с накоплением.

Четверка как архетип состава системы

К понятию состава приводит устойчивое *качество в границах меры*. Говорить о качестве позволяет его уровневая определенность, например системная (а не надсистемная или подсистемная).

При фиксировании системного уровня, уровнем ниже мы имеем возможность развернуть качество в *количестве*, т.е. говорить о неких единицах состава. Данный аспект обнаруживает себя во множестве определений, раскрывающих внутреннее или горизонтальное разнообразие системы, в границах данного качества. Различаются лишь названия спектра состава в разных ракурсах: “детали механизма” – в технике, “органы” – в органическом подходе, “элементы” – в системном, “фазы” – в циклическом, “компоненты” – в деятельностном, “морфологические единицы” – в проектном анализе.

Четверка возникает из сочетания пары и тройки. Четверка есть соединение пары и тройки на двух осях.

Суть:

1. Пара есть количество (+ и -).
2. Тройка есть качество. В тройке выражены три модификации качества, кстати, циклические. Поэтому их можно трактовать как *фазовые таксоны*.

Трактовка через вектор: наружу, граница системы, внутрь.

Трактовка иерархических миров: надсистема, система, подсистема.

На самом деле – это три фазовые подсистемы, и векторно ориентированные, и связанные с обозначенными уровнями.

3. Четверка как мера есть единство количества и качества.

Когда мы строим ортогональные векторы, получаем матрицу таксонов.

Это не “морфология”. Морфология – это понятие из мира исследования живого (морфология организма), применяемое в системном анализе расширительно: как учение о форме («морфализм Цвики»). Понятие морфологии тянет за собой пару: содержание – форма. Оно требует целого (типа «организм») и в нем – морфологические части.

Вот способ образования простейшей четверки состава системы :

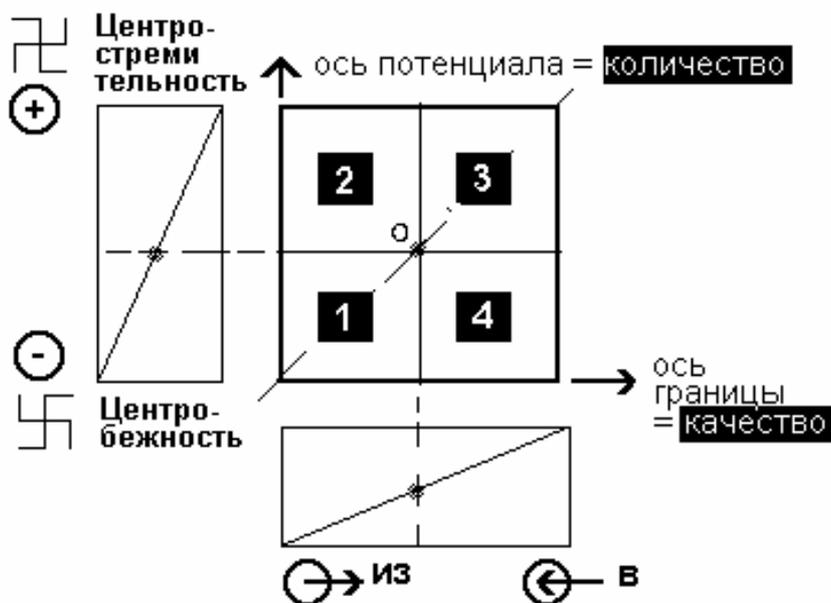

Рис.19. Спектр состава системы развертка меры по количеству и качеству.

Перед нами в четверке предстают абстрактные *таксоны состава системы*.

Получается, что таксоны у нас заданы матрично, скрещением ортогональных осей количества и качества.

И тут обязательно есть скрытое пятое: истинное для системы. Это таксон, лежащий посередине. Китайский принцип пятого элемента.

2.5. ПРИЕМ СУПЕРПОЗИЦИОННОГО ЭКРАНА

Принцип суперпозиции

Речь идет о *суммарном видении* наших четырех архетипов-понятий. Если представить их как прозрачный “пакет слайдов”, то в совокупности мы должны научиться “видеть” их *и все вместе* (как взаимосвязанное целое), *и отдельно*. Это особый способ организации понимания, требующий тренировки, но он очень эффективный. Здесь применена и разборочная аналитика (разведение по плоскостям) и сборка в едином многоплоскостном итоговом отображении. Видеть все во взаимоподдержке и взаимосвязи, воспринимать и разное, и сведенное воедино “вместе” – это *многоплоскостное конфигурирование системы*. То есть, суперпозиция.

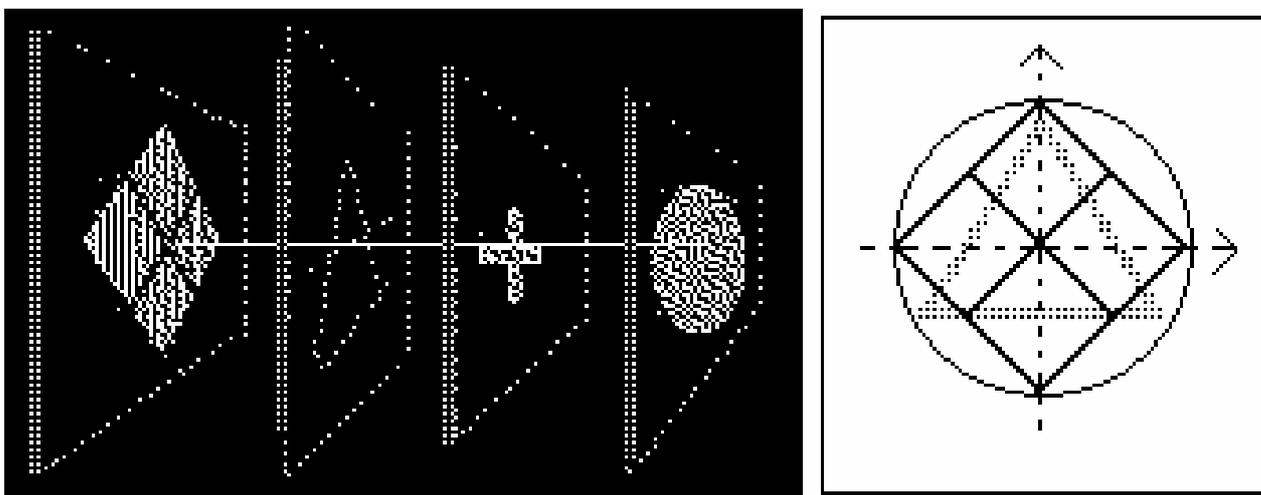

Рис. 20. И отдельно (пакет слайдов), и вместе (суперпозиция).

Онтогенетический суперпозиционный экран

Решая задачу *синтеза* многочисленных отраслей идеального мира, мы попутно хотим сделать эти действия наглядными. Возникающие сочетания дают нам огромное множество конкретных исследовательских методик. В ходе решения двойной задачи мы используем **единый экран**, куда выводятся наши основные модели. Экран содержит все четыре типа отображения. По сути, он является синтезом только что перечисленных подходов. Они объединены одним экраном, единым исследовательским приемом.

В наших работах мы освещаем несколько типов приемов из разных областей деятельности, построенных по принципу *пакета прозрачных слоев*, способных совмещаться в единство “по вертикали”. Они работают в управлении, в проектировании, в искусстве, в компьютерном мире.

Например, В.Л. Глазычев использовал в своих работах метод *"пакета слайдов"* – взгляд сквозь него достаточно всесторонним образом раскрывал проектную ситуацию. На той же идеологии построены и многие компьютерные программы со *слоями и каналами*, способными совмещаться при помощи команды в единое изображение (например, Photoshop).

По утверждению психологов, наше сознание во многом устроено аналогичным образом: существуют некие *слои подсознания*, участвующие в принятии наших интуитивных и “волевых” решений. По принципу это все те же *кальки, слайды, или каналы*. Прием “пакета слоев” статичен, между тем наше сознание живет во времени, поэтому здесь в качестве аналогии скорее подойдет не статический *“принцип пакета слайдов”*, а динамический *"принцип пакета кинопленок"*, потому что речь пойдет о синхронизации как любого одномоментного среза (онтологический взгляд, сущность), так и всей истории вместе (взгляд во времени жизни, в существовании). Соотношение сущности и существования, онтологии и экзистенции является ядром западной философии XX века.

Если довести эту мысль до *конечного состояния в качестве исследовательской методологии*, можно констатировать, что всякая работа по социальной истории должна бы представлять из себя как минимум пакет *синхронизированных* локальных историй (причем выделяемые “слои” и есть *состав социума* в данной теории). Например, в нашем ракурсе история искусства, история искусствознания, история эстетической мысли, история философии в менталитете движутся вполне синхронно (хотя и не архижестко синхронно). Представить это *и порознь, и вместе* – значит решить проблему выражения, а следовательно, и композиции.

“Пакет слайдов” – это сочетание матрицы состава и иерархии.

”Суперпозиционирование” означает “наложение” ряда слоев и их последующее суммирование на одном “экране”. Нам необходимо получить отображение на едином экране *онтологических пакетов понятий* и отображение *синхронизированного целого* через совокупность индцированных и маркированных исторических фактов. Начнем мы с более простого, статического, способа отображения.

Онтологическое суперпозиционирование

Поясим суть на примере, которым мы оперируем в книге «Эстетика».

Нам долго не удавалось привести к единому знаменателю две эстетики: статико-логическую эстетику Л.А. Зеленова и динамическую эстетику Н.И. Крюковского. Они исходят из разных посылок: Крюковский говорит об "эстетическом отношении", а Зеленов – об "эстетической деятельности". Спроецировав обе концепции на единый **онтологический экран**, мы получили удовлетворительный вариант решения.

От эстетики – к теории деятельности. Чтобы пояснить это на схемах, потребуются три действия, которые мы представим как разные “кальки” (или как “пакет трех слайдов”).

Действие первое: мы выводим на экран рисунок, проясняющий специфику “эстетического отношения” Н.И. Крюковского, **первую кальку**:

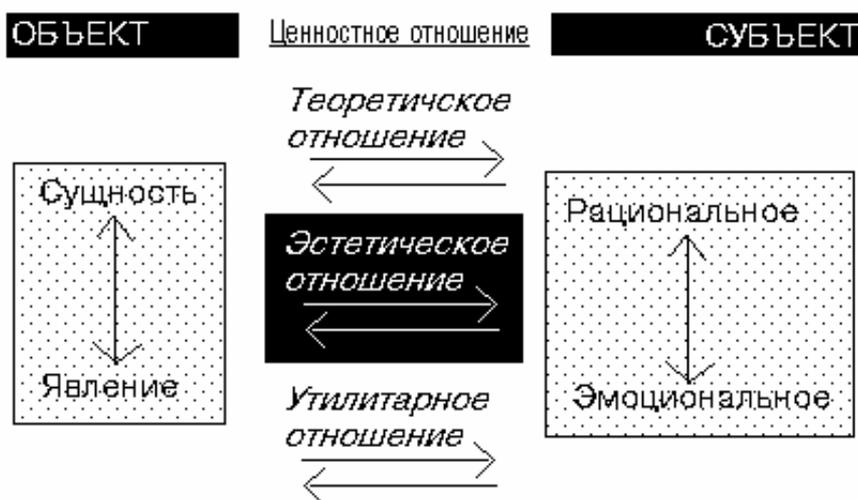

Рис. 21. Три типа отношений.

Логика построения проста: взяты *объект и субъект*, между ними установлено *ценностное отношение*. Чтобы выделить его ярусы, объект раскрывается как одно противоречие (сущность – явление), а субъект – как второе (рациональное – эмоциональное). При этом, развернутом, взгляде у двух взаимодействующих систем (объект – субъект) намечаются *три яруса* отношений (иерархическое устройство отношений). Верхний ярус, где "сущность" объекта взаимоотношается с "рациональностью" субъекта, являет собой **теоретическое отношение**. Нижний ярус, где "явление" в объекте соотносится с "эмоциональным" в субъекте, – **утилитарное отношение**. Оба эти отношения – односторонние: и объект в них участвует одной стороной, и субъект. Лишь **эстетическое отношение** целостно, потому что сам наш субъект *выступает как единое, рационально-эмоциональное, существо* и относится к объекту, *взятому в единстве сущности и явления*. Разумеется, и Крюковский говорит о том же: крайние отношения не существуют в чистом виде – это скорее такие пределы, как "робот" и "животное", т.е. данное построение устанавливает *пределы шкалы эстетического*. Основа его была намечена еще в эстетике И. Канта.

Превратим данную "кальку" в *инвариант*. Для этого от субъект-объектного отношения следует перейти к более широкому человеко-предметному. Есть **человек** и **мир** вне его, между внешним миром и человеком (как биосоциальным субстратом) стоит общество, с его культурой и деятельностью, и без общества нет человека по определению. Противоречие "общество – человек" подразумевает третье – двусторонний "**канал связи**" человека с обществом. Раскрывая первую и вторую стороны противоречия как собственные дополнения, мы тем самым раскрываем и это третье, оно предстает как трехъярусная иерархия.

То, что в схеме Крюковского обозначено как *эстетическое отношение*, на самом деле есть *вообще любое деятельностное отношение*. И у такого отношения есть естественные пределы в виде рационально *отражающей* деятельности человека и его материально-производящей

деятельности. В середине мы получим деятельностно отраженный канал связи. Та же иерархия, но “наоборот”, содержится в известной психологической тройке: “**труд, общение, познание**”.

Само наше среднее – коммуникация – может получить как минимум два деятельностных проявления. Раздваивая середину, мы совершаем **переход от тройной иерархии к модели четверки**. И тут вступают в силу все известные нам общественные и прочие сущностные четверки, способные работать в *инвариантном режиме*.

Например, из единой коммуникационной деятельности (**деятельности общения**), по М.С. Кагану, мы получаем *ценностно-ориентационную и коммуникативную деятельности*. М.С. Каган изначально базируется на аксиологии, а если говорить о ценностях, то можно увидеть здесь сократовские (по происхождению) **четыре типа ценностей**. Исходное *ценностное отношение* переведено в деятельностное и предъявлено как типологическая четверка. Поместим ее в середину рисунка:

Рис. 22. Основная аксиологическая типология: четыре типа ценностей.

Итак, поместив на исходную *кальку 1* (эстетическое отношение, по Крюковскому) *кальку 2* (типы ценностей), мы обнаружим, что за "эстетическим отношением" скрываются **два аксиологических отношения**: эстетическое и этическое.

Говоря об инвариантах метода, отметим, что Крюковский применил иерархическую тройку, а Каган – типологическую четверку. И в первом, и во втором случаях для расширения смыслов можно воспользоваться уже известным нам набором инвариантов тройки или инвариантов четверки, их не много. Так, в инварианте *повернутого квадрата* фигурирует несколько моделей, готовых к содержательному сопоставлению: четыре первостихии, четверка ценностей и четыре вида деятельности (по М.С. Кагану):

Рис. 23. Сопоставление трех типологических четверок.

Мы ставим здесь чисто иллюстративную задачу – продемонстрировать **структурный инвариант**. С позиции средств идеальной деятельности, пары, тройки и четверки имеют одинаковое назначение – это все инварианты. Применение тех или иных числовых закономерностей обладает своей логикой. Мы совершили (вместе с Гегелем и Крюковским) переход от *единичного* к *удвоенному* (субъект – объект, общество – человек) и далее – к *троичности* (общество – канал связи – человек), которая сама по себе иерархична. Уже здесь можно применить для расширения значений множество инвариантных троек из других областей, но мы этот шаг опускаем. Раздвоив третье, мы вышли на совокупность инвариантных **четверок** и рассмотрели некоторый ряд.

Далее можно пойти по пути *модификации* четверки. Например, в своей теории деятельности Л.А. Зеленев исходит из того, что четверка типов бедна как всякая универсальность и что *родовые деятельности* имеют аспект

изменени и сохранения. При этом он *модифицирует* типологическую четверку *дополнительностью* (двойкой):

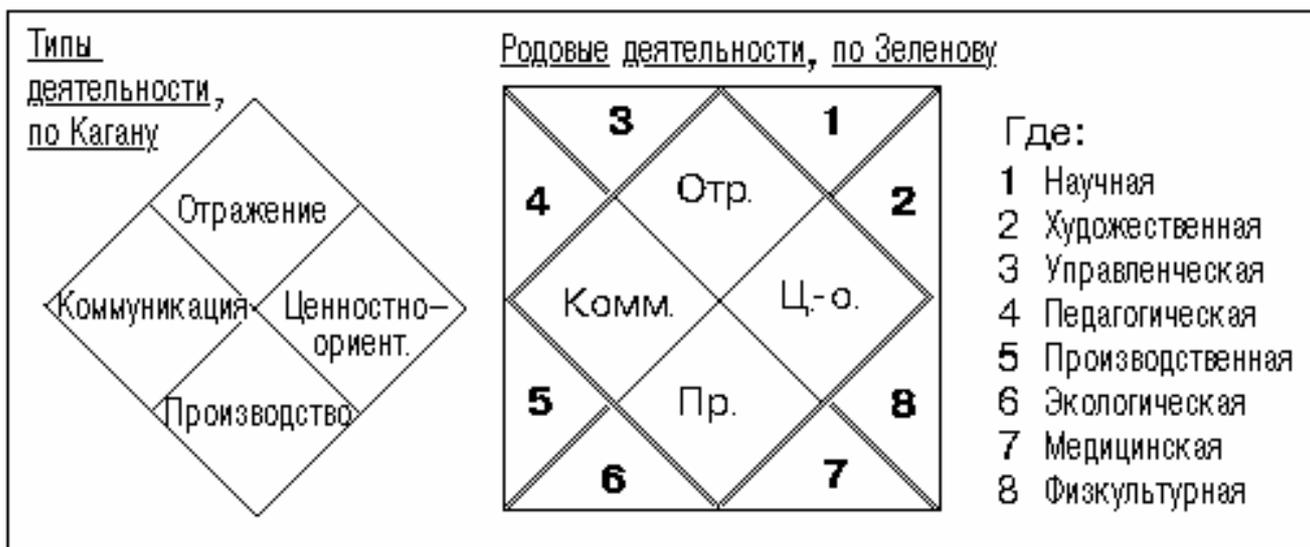

Рис. 24. Развертка из четырех типов восьми родов деятельности.

Действие по удвоению добавило новый уровень таксонов, образующих наружное охватывающее кольцо на плоскости, или новый уровень модусов. В образовании восьмерки родовых деятельностей Л.А. Зеленова участвуют три пары противоположностей: "человек – общество", "духовное – материальное", "изменение – сохранение". Инвариантная восьмерка получена как удвоение инвариантной типологической четверки.

Изучим подробнее оси, на которых мы расположили противоречия. Продолжая исходную линию размышлений, возвратимся к схеме "эстетического отношения" Н.И. Крюковского. Обе пары Крюковского расположены на горизонтальной оси – ее мы можем идентифицировать с *осью текущего времени* (экзистенции). А соединение Человека и Общества сущностно: оно носит всеобщий *онтологический характер*. Перед нами – два отдельных **акта наложения слайдов**, или, по нашей терминологии, **“суперпозиционирования”** (1+2=3; 2+3=5):

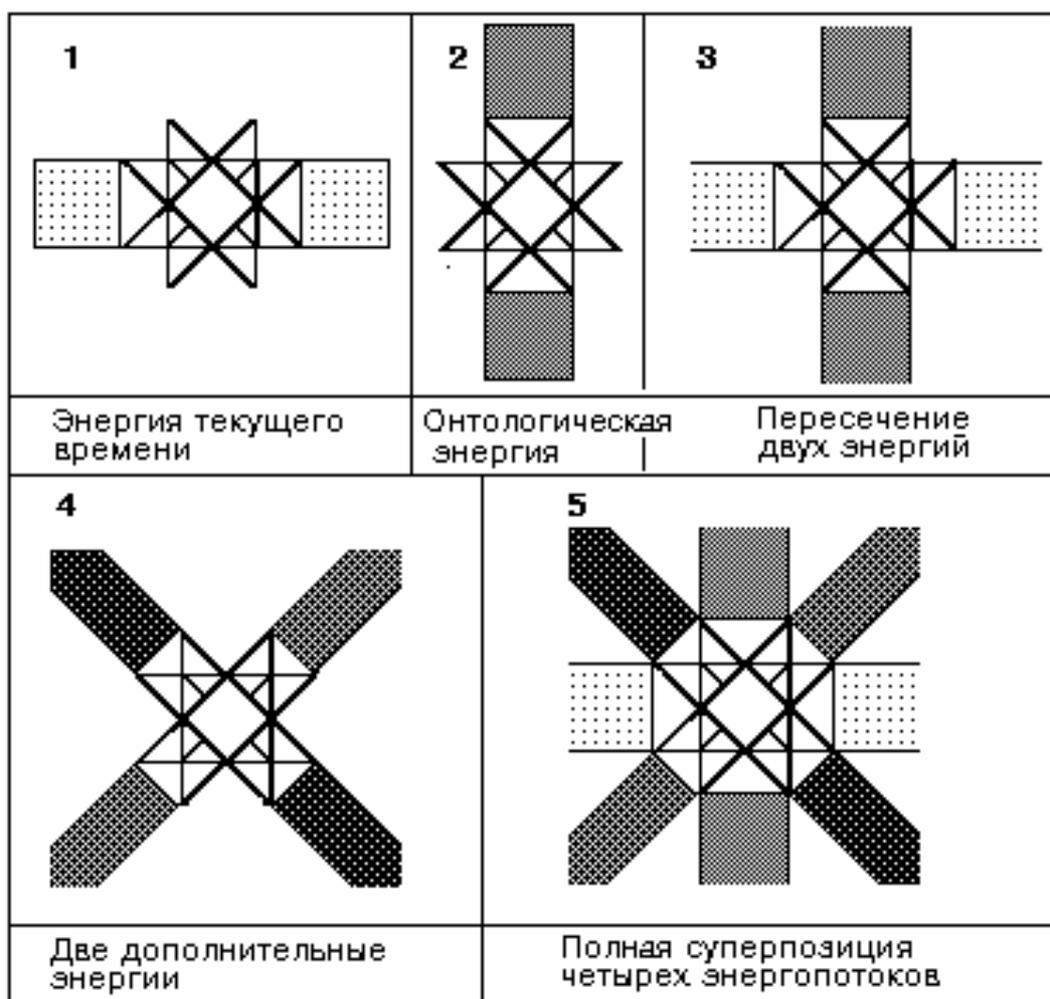

Рис. 25. Суперпозиция основных и дополнительных энергопотоков.

Мы явно перешли на более высокий уровень абстрактности. На суммирующем экране предстает *одно изображение*, а под ним как минимум четыре слоя “калек”, или “слайдов” (1, 2, 4а, 4в). Каждая модель, и суммарная – тоже, может быть рассмотрена и как *совокупность таксонов*, и как *морфологическая конструкция целого*, и как *набор связанных функций*, и как *набор разновидностей информации* (связанной с той или иной функцией).

Роды деятельности мы описали на основе восьмиугольной суперпозиционной схемы – “звезды деятельности”. Наиболее общий смысл представленной в центре *“звезды деятельности”* выражен универсальным экраном, где установлена связь Вещества, Энергии и Информации. Но если отвлечься от таксонов деятельности и прояснить *логику* образования подобной восьмерки, то мы увидим древнейший инвариант, известный в истории

классической китайской философии как **мандала** "Порядок внутреннего мира".

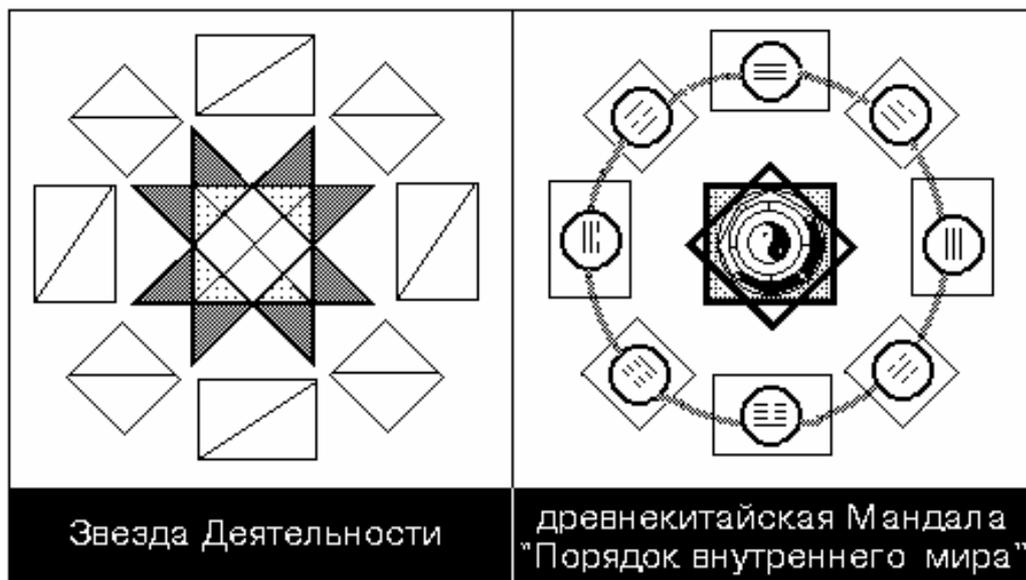

Рис. 26. Инвариант из восьми сцепленных противоречий и его проявления.

При раздвоении **четверки стихий** в древнекитайской системе возникает дополнительность в виде еще одной характерной четверки:

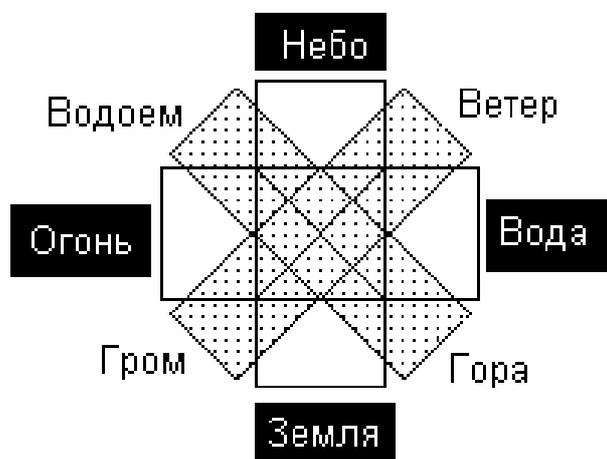

Рис. 27. Восьмерка стихий в китайской классической философии.

Восемь типов, отраженных в китайской мандале, состоят из так называемых триграмм. Триграмма построена на основе своеобразного двоичного кода, в котором представлены два универсальных начала: *непрерывность* Ян и *дискретность* Инь (в графическом плане это – *непрерывный* и *разорванный* посередине отрезки, что весьма напоминает принцип азбуки

Морзе). При переводе на язык европейской логики получим три шага по раздвоению, где в качестве оснований избрана пара Ян и Инь, “противоположность” вообще. Непрерывность и дискретность (хронотоп) – значения, которые выражены графически-символьно: *непрерывность в пределе* – это время, а дискретность, соответственно, пространство.

Интересно отметить, что внутри самой классической китайской философии есть два аналогичных по смыслу начала: Лао Цзы основал даосизм, а Конфуций – нумерологию; Дао есть *путь*, то есть непрерывность, а нумерологическое Число – предельно простая абстракция дискретности (кстати, ряд исследователей доказывает, что даосизм возник позднее конфуцианства и как реакция на него). В Греции на месте этой диалектической пары – Платон и его ученик Аристотель (как на фреске Рафаэля).

В случае с выведением видов и родов деятельности мы прослеживаем *три содержательных шага по раздвоению на противоположности*. В теории деятельности Л.А. Зеленова (и НФК) все эти три шага к тому же описаны достаточно разнообразно.

Сопоставим, так сказать, еврологику трех раздвоений и мандально-центрическую восточную логику:

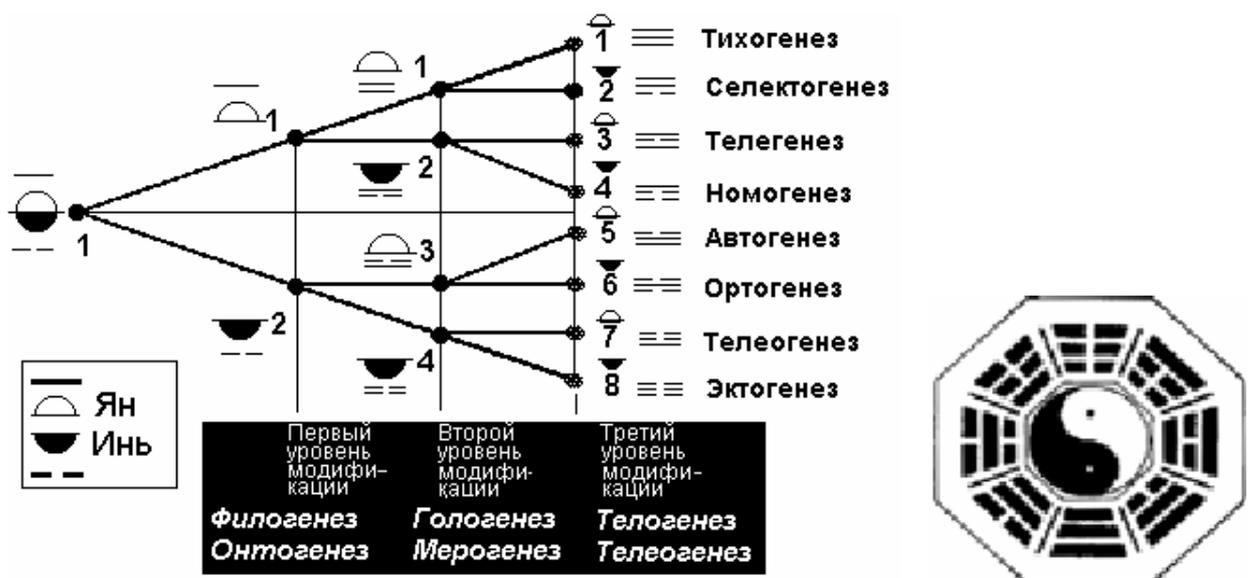

Рис. 28. Представление восьми основных типов в двух логиках.

Восемь триграмм в мандале, как легко убедиться, образуются как комбинаторный перебор *всех вариантов* на трех уровнях модификации. Это – очень важный момент, потому что и сам прием **трех уровней модификации** имеет содержательное наполнение. Это как минимум все те значения, которые мы выстраивали при связывании основных иерархических и циклических троек.

Получен набор модусов с некими парными контркачествами, повторенными на трех уровнях иерархии. Причем те предельные значения, которые содержатся в китайской мандале, не существуют в чистом виде в европейском варианте философии. Смысл китайского приема “триграмм”, если возможно вообще их соотнести, состоит в трех шагах европейской логики парных модификаций.

Тот факт, что перед нами – столь глубокий мировоззренческий инвариант, позволяет надеяться, что мы получим дополнительные возможности в трактовке свойств имеющихся схем на основе восьмерки. Это уже некий ***инвариантный ракурс суперпозиционирования***, скажем, очень важная “дельта плюс” самого нашего метода, позволяющая *переносить свойства, если инвариант структурно един*.

Здесь следует уточнить содержание применяемого нами понятия “инвариант”. В Европе ***понятие закона*** было выработано на границе Нового времени, а в Китае уже в XI веке неоконфуцианцы использовали ***универсальный моделирующий принцип*** – “ли”, единый и в то же время присущий каждой вещи. Именно такое понимание ближе к графико-числовому инварианту, который является наиболее важной частью, ядром нашей системы четырех типов отображения. Нумерология китайского образца – “особая теория символизационных пространственно-числовых структур” (учение о символах и числах) – схожа с пифагорейско-платонической *аритмологией* или, в терминах А.Ф. Лосева, *структурологией*. Для структурологии центральными являются категории Символа (образа) и Числа.

Дальнейшие шаги могут исходить из какой-либо цели. Наиболее близка для нас тема модусов деятельности, ее внутреннего системного строения и ее таксономии. Но эта тема уже рассмотрена в нашей монографии «Звезда деятельности». Основные инвариантные модели здесь целочисленны, и они детально проанализированы нами в другой монографии о численности инварианте. В обществоведческом плане это проделано в монографии «Формуле истории». И потому эту тему мы вынуждены в данном тексте опустить.

Далее постараемся осветить, что можно извлечь из полученного пакета в плане методологии.

Перекрестный перенос внутри суперпозиционной схемы

Мы рассматривали пока три чужие схемы (три исходных слайда): схему эстетического отношения Крюковского, схему деятельностных модусов Кагана – Зеленова и инварианты, связанные с типологической четверкой. Все дополнительные сведения мы получили методом "перекрестного опыления" этих трех главных схем-слайдов. В итоге мы вышли на инвариант, на котором построены и древнекитайская мандала "Порядок внутреннего мира", и наша "звезда деятельности".

Такой способ суперпозиционирования мы называем прямым, потому что никакого особого вскрытия структурного инварианта и его дополнительного анализа мы здесь не проводили. Зато вполне очевидно, что мы свободно переносили *свойства* с одной схемы на другую, а в сумме – на итоговую. Прием переноса свойств состоит в том, что *перенос произведен по осям*. Его можно раскрыть в вариантах: как горизонтально-осевой, вертикально-осевой, перенос по восходящей диагонали, по нисходящей диагонали, а также послыйный комплексный. Все это – разные исследовательские приемы.

Прямой перенос – очень эффективная методика: это – готовая исследовательская и педагогическая *технология*. Способ переноса здесь

напоминает "перекрестное опыление". Мы помещаем содержательно разное рядом на основе **геометрического сходства схем**.

Так, если мы вернемся к исходным трем "слайдам", то обнаружим, что проделали здесь уже целый ряд *операций перекрестного переноса*:

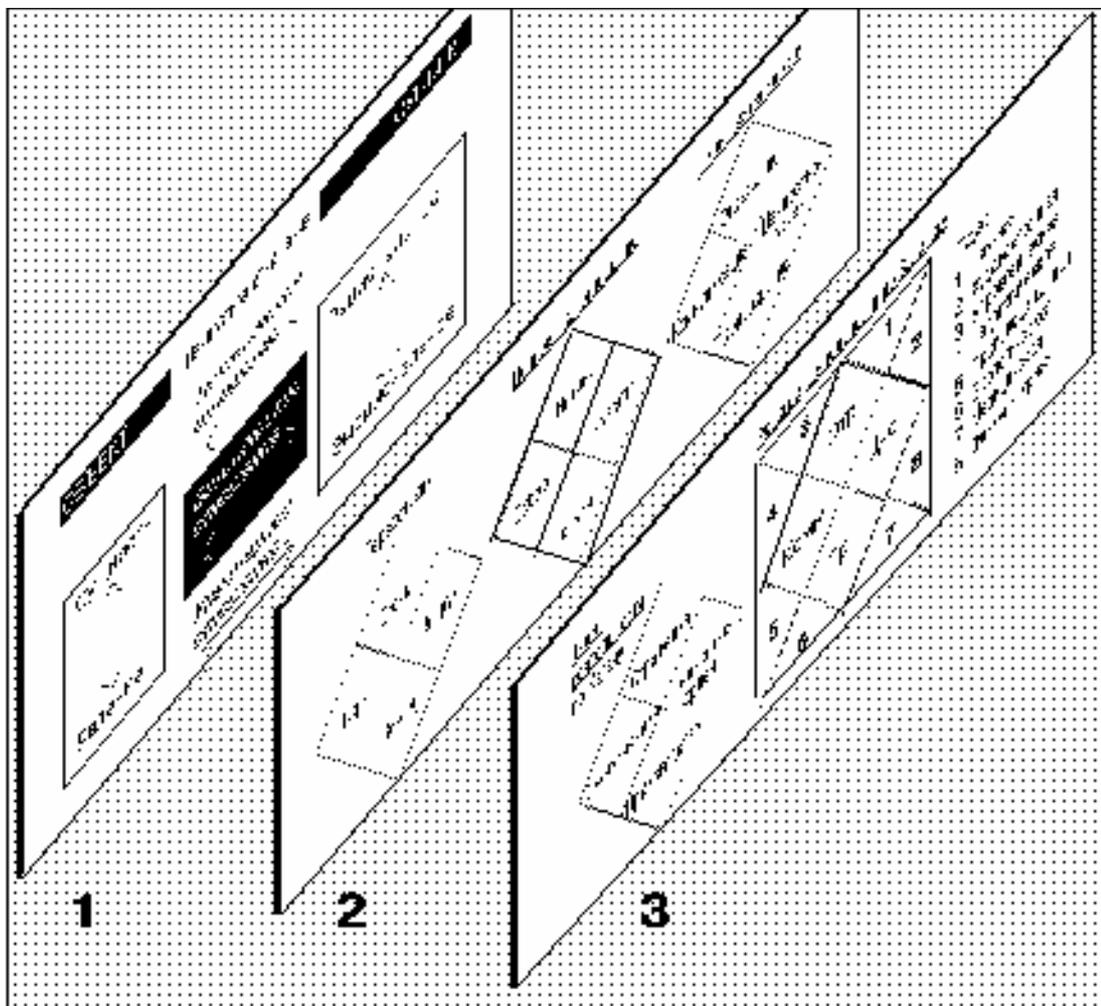

Рис. 29. Представление суперпозиционных схем как "пакета слайдов".

С первой схемы на обе другие мы перенесли идею "раздвоения и познания противоположных сторон" – *раздвоенного как дважды раздвоенного*. Со второй схемы мы перенесли идею существования не только горизонтального, но и вертикального *раздвоения раздвоенного* – здесь возникла модель тройной иерархии, а далее – *четверка*. С третьей схемы мы перенесли на все прочие идею *третьего раздвоения* – и тогда появились четыре оси и восемь противоречий. Вернувшись назад, мы говорим: все это присутствует и в первой, и во второй схемах, но невидимым, неявным

образом. Такой, обратный, ход мыслей не из чего не вытекает, его можно назвать почти интуитивным, хотя на самом деле перед нами нечто вроде эффекта “герменевтического круга”, где есть предзнание, заданное контекстом целого.

В итоге нашей суперпозиции, когда мы вышли на инвариант мандалы "Порядок внутреннего мира", был сделан весьма значительный шаг вперед. Мы ввели такую плоскость рассмотрения, которой нет ни в одном первоисточнике, включая и древнекитайский.

Проделав многоступенчатый *дивергентный анализ*, усложняющийся по ярусам, мы произвели и обратный, *конвергентный синтез*, в результате которого **приписали простому свойства более сложного**. Этот ход можно изобразить двояко, на плоскости и в объеме, но суть будет одна:

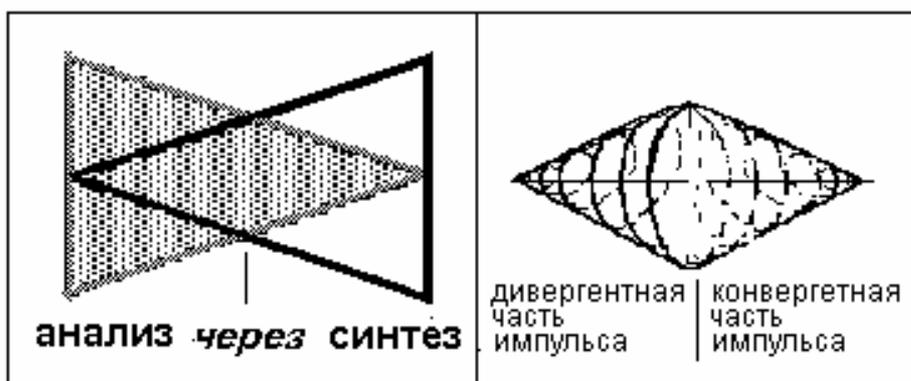

Рис. 30. Единство инварианта в плоском и объемном виде.

Мы получили в итоге простой геометрический инвариант, несущий на себе **многозначный пакет инвариантных смыслов**.

Когда мы будем переходить к более сложным (уровневым, альтитудным) образованиям, принцип суперпозиционирования в онтологической форме будет все так же сохраняться.

Он является чем-то немного иным, чем толерантность и "*вложенность*" систем разного уровня друг в друга хотя бы потому, что мы завязываем связи на наших вложено-наложенных схемах иными способами. Суперпозиционирование открывает нам путь и к *мерогенезу*, но тоже не сводится к нему.

Генетическая проверка онтологических схем

Нам остается осветить еще один ход, который раскроет весь генезис, и, таким образом, кроме принципа онтологического суперпозиционирования на схеме предстанет второй важнейший принцип: *всякая онтологическая модель достоверна только тогда, когда ее можно проверить как генетическую последовательность*. Следовательно, принцип "онтологического" связывается в пространстве единой схемы с "генетическим суперпозиционированием".

Если мы учтем генетический аспект восьмерки (в виде Звезды Деятельности), то нам необходимо будет мысленно вернуться к той схеме, на которой мы развели во времени и пространстве Человека и мир Социума. При этом в генетическом плане мы обнаружим удивительную вещь – не только “звезду деятельности” (или древнекитайскую мандалу “Порядок внутреннего мира”), но и все шаги известного нам генезиса биологического и социального миров (а если "вторую природу" социального мира воспринимать как *некромир*, – то и более ранние, зеркально отображенные, стадии генезиса мира). Пока мы не ввели подробно спиральное и дискретно-спиральное представления, оставив наши интерпретации на плоскости. Но даже из формы разворачивания "лепестков" восьмерки во времени видно, что перед нами происходит развешивание этих лепестков по некоему пространственному витку цилиндрической спирали.

Сами системы, сходящиеся в человеке, возникают в процессе биологической эволюции и антропогенеза в последовательности от простого (тело) ко все более сложному (органы чувств – мозг). В момент, когда началась социализация человека, включился процесс функциональной асимметризации полушарий его мозга. Если мы посмотрим на технику (выступающую пока точным отображением и компенсатором недостаточности основных функций человека – телесной, чувственной и рациональной), то увидим ту же эволюцию, в той же последовательности, – от “вещественной”, через “энергетическую” к “информационной” технике. У

техноса пока нет единственного – асимметрии полушарий мозга. Нет машинных систем, идентичных по функциям и сложности “старому” полушарию мозга человека.

Представим все этапы этой эволюции на одной схеме:

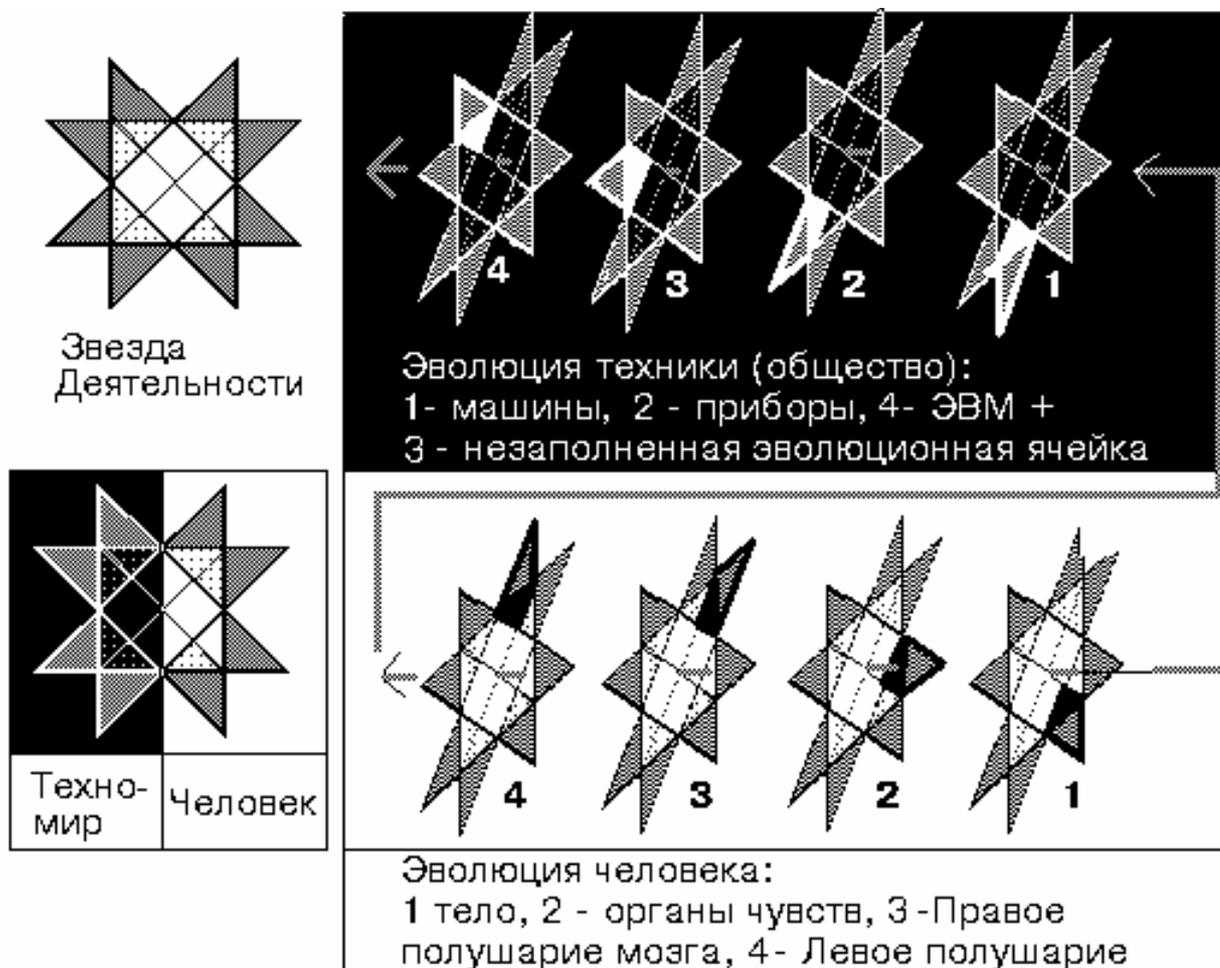

Рис. 31. “Звезда деятельности” в двух эволюционных линиях.

Нам кажется, что тут есть и какая-то загадка, и даже эволюционный закон. Брошенная вперед, в авангард эволюции, левополушарная рациональность структурно проще, чем упакованная неизвестно каким количеством слоев предшествующих этапов эволюции правополушарная сверхсложность иррационального типа. Ее действительный эволюционный резерв обнаруживается в моменты кризисов (архаика), когда включаются старые, проверенные эволюцией программы. Таким образом, старое, предшествующее, содержит гораздо больший эволюционный резерв, чем новое. Это находит проявление в поведении человека: в моменты рацио-

нального кризиса он склоняется к мистике, а на самом деле обращается к более устойчивой сверхсложности иррационального. Это же находит проявление в динамике общественно развития: эволюция “общественного сознания” (а точнее – всех уровней менталитета) направлена от рационального все к тому же иррациональному. Может быть, в этом и состоит загадка странной, “рваной”, эволюции: вбрасывая новое, как щуп, далее она постепенно отступает к испытанным временем эволюционным механизмам. Но это новое не исчезает, а апробируется и создает еще один потенциальный слой в пакете накоплений, в резерве эволюционной выживаемости общественной системы. Данный процесс отражен и в языке: “добрые старые времена”, “новое – это хорошо забытое старое”, “дедовские способы понадежнее новых будут” и т.д.

Если посмотреть на складывающиеся части “звезды деятельности”, то перед нами последовательно предстанут четыре типа систем: абиотические системы, биосистемы (до человека), технические системы, социальные системы. Они расположены на разных уровнях разных слоев, то есть пока “склеены” в пары внутри важных для нас слоев. Но их можно и развести, и это даст генетическую последовательность в типах. Мы их наложили и сцепили друг с другом на схеме Звезды Деятельности. Это дает нам ответ на вопрос о содержательном аспекте суперпозиционирования на наших предыдущих схемах:

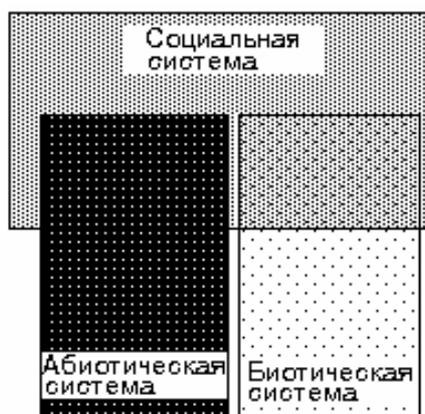

Рис. 32. Социальная система как суперпозиционная система “второго слоя”.

Как ни парадоксально, но общество как система устроено комбинированно-разорванным образом: абиотическое – общественная, "вторая", природа и биотическое – человек. Если же понадобится ввести сюда еще и естественный мир, то он будет просто зеркально отраженным в пространстве относительно человека:

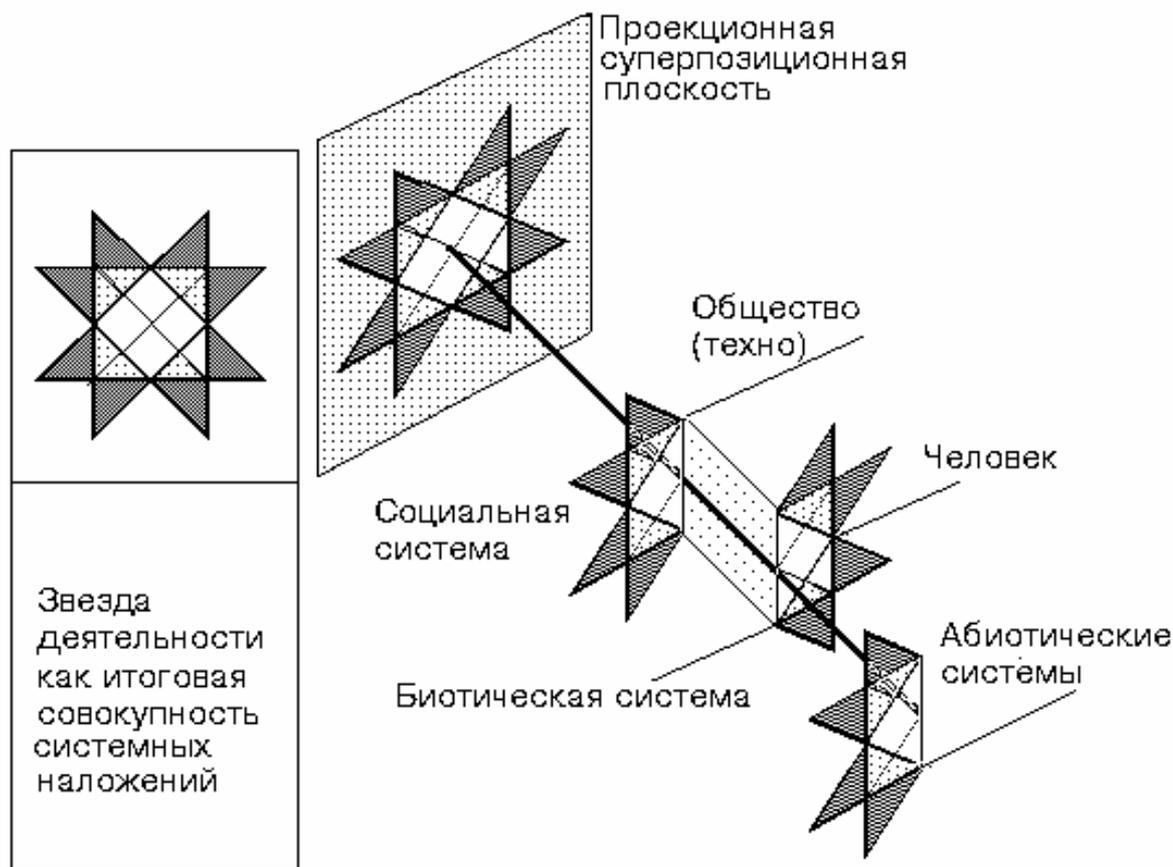

Рис. 33. “Звезда деятельности” как суперпозиционное наложение трех систем.

Мы, по сути, ввели не совсем традиционный тип "наложения слоев": провели *генетическое суперпозиционирование систем*, входящих в такое единство, как “общественная система”. Она выступает как *невидимая конструкция*, которая базируется (функционирует, живет и т.п.) на абиотических (техника как особая и изменяющаяся телесность общества) и одновременно на биотических системах (морфологически неизменные люди как особое суммарное “биотело” общества): это – формула “**технос + социос**”. Остальное принадлежит человеку (от геноса и выше) и природным системам.

В духовном отношении (культура общества) этот особый организм есть нечто, произрастающее посредством людей как "дельта плюс системы". Социум "ведет себя" в некоторых отношениях как организм (обладает "психикой") и даже "мыслит" (коллективный разум), а конкретные люди и человеко-машинные системы ("клетки" этого организма) играют в нем не большую роль, чем клетки нашего организма в нашей жизни. Эволюционирование тела техники обеспечено при помощи идеальных накоплений, производимых в культуре людьми. На эти две эволюции направлено устройство западного общества и иже с ним. Что же касается человечества в целом, то заметим: тут есть разнообразие вариантов общественного устройства: не все типы развития общества детерминированы техносом. Впрочем, это выходит за пределы данной темы и будет рассмотрено в свое время.

* * *

Мы применили на суперпозиционных схемах два приема: соединили компонентный анализ со структурным (*онто*отображения), а затем – со спирально-генетическим. Причем мы ввели жесткий принцип взаимодносзначного соответствия: все построенное на *онто*плоскости должно проверяться и подтверждаться в генезисе.

На этом наш разговор о методе завершается. Мы пока не осветили такую его важную особенность, как **внутреннее дополнение инварианта до полноты в пределах той же онтологической плоскости**. Это – достаточно сложная тема, ее не раскрыть сразу. Мы к ней будем подходить по частям в других наших публикациях, вводя для рассмотрения то один, то другой, то третий ракурс и только потом объединяя их в одном изображении. Если мы начнем это делать немедленно, то при общей принципиальной обедненности самих схем может возникнуть эффект излишне глубоких трактовок слишком простого изображения-символа.

Если говорить о новизне, то в современной философии ничего похожего на полученный синтез в области метода пока нет.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ СИСТЕМНЫХ И ГЕНЕТИЧЕСКИХ ИДЕЙ

Термин “социальная генетика” впервые был введен в научный оборот П.А. Сорокиным в 1918 году. Содержание термина близко представлениям О. Конта о социальной динамике, отражающей исторические тенденции или линии развития.

У Н.Д. Кондратьева, в схеме его теоретического обобщения, формируются представления о “синтетической теории социально-экономической генетики или развития”, разработку которой он поставил как цель, но ему не дали ее осуществить: шел 1937 год. Сохранившиеся материалы этого грандиозного замысла составляют объемистый том.

Можно рассмотреть в данном ряду и особую ветку психологии на грани социологии, известную как **социогенетизм** (его представляли: во Франции – Э. Дюркгейм, а у нас – Л.С. Выготский и А.Н. Леонтьев). Изучая изменения личности в цикле жизни, психологи пришли к генетической идее, исходя из потребностей самой своей науки. Модификация психического мира в процессе жизни, конечно, имеет и внутренние генетические закономерности. Но объяснить генезис психики *только изнутри* нельзя, поэтому психогенетические взгляды всегда сопровождались каузальными ракурсами. С точки зрения Л.С. Выготского, есть два рода влияния на поведение личности: с одной стороны, общество «овладевает» человеком, а с другой – и у личности есть возможность самоовладения своим поведением. Точкой концентрации здесь стала проблематика деятельности и самодеятельности. “Психология ищет в истории происхождения ряда деятельностей” , – пишет Л.С. Выготский. Эти взгляды интересны прежде всего своим **учением об управлении поведением человека при помощи знаковых систем** (тот факт, что у А.Н. Леонтьева знаковая сторона за-

меняется *производственной схемой деятельности*, мало что меняет в самом принципе).

Социогенетизмом в таком известном смысле можно назвать *социологическую причинную трактовку* модификаций психической структуры личности. Социализация, социальное программирование человека, семиотическое управление поведением личности и прочие весьма актуальные ныне положения базируются на известном тезисе *о человеке как продукте общества*. Психологов интересовало совсем не то, что найдут в их работах социологи и историки: “исторические построения создавались психологами для нужд собственной науки, но получили более широкое распространение,” – резонно пишет об этом В.А. Шкуратов. В частности, *проблема генезиса знаковых систем*, функционирующих в обществе, интересовала психологов в ракурсе управляющих воздействий на человеческое поведение. Это был важнейший вопрос для XX века.

Человечество должно было пройти довольно сложный путь развития ментальных представлений о времени и о глобальном устройстве мира, чтобы в науке утвердился, с одной стороны, системный взгляд и с другой – дополняющий его эволюционный (интересующий нас в его циклическом проявлении). Принято считать, что осмысление системности и цикличности исторического развития восходит еще к первым древнегреческим историкам Геродоту и Фукидиду, впервые отметившим ***повторяемость общественных явлений***. В частности, Фукидиду принадлежит одна из самых оригинальных идей относительно движущих сил истории: в качестве таковых он рассматривал как ***рациональное***, так ***и иррациональное*** начала, признавая тем самым ***биполярность оснований*** истории.

В истории науки классификационно-генетические работы появлялись всегда, и именно они составляют ее классику: достаточно вспомнить “Происхождение видов” Ч. Дарвина. К научным представлениям первой половины XIX века восходят и начала будущей *теории систем*. Новый

подход к познанию системности и генезису общества во многом был продемонстрирован в работах К. Маркса. В его книгах сконцентрирован комплекс научных представлений нового типа, который можно назвать *протосистемным*. Они были не каким-то исключением – целая плеяда “классических” ученых XIX века широким фронтом продвигалась в направлении нового качественного перехода, который произошел на рубеже XIX-XX веков.

На этом переходе можно было наблюдать целую совокупность новых *системных и генетически ориентированных* теорий. Их взлет приходится на 20-30-е годы XX века. Момент исторического перелома – 1920 год, ознаменовался появлением двух *мировых центров пассионарности* – советской России и Германии. В недрах немецкой традиции родилась принципиально новая по содержанию работа О. Шпенглера, которую, по нашему убеждению, до сих пор так и не осмыслили ученые именно в силу ее *эссеистической формы*, в чем-то предвосхитившей постмодерн.

Зато тектологические взгляды А.А. Богданова, в значительной мере определившие весь комплекс последующих системных идей, стали учебником не только Пролеткульта, но и множества серьезных ученых всего мира. Сама “тектология” есть как бы отрицание философии через призму организованности (*тектология как всеобщая организационная наука*), но по прошествии времени обнаружило себя и ее глубоко оригинальное философско-методологическое начало. Это прежде всего *принцип системности мира*, провозглашенный в данной книге, и ряд идей, намного опередивших широко известный впоследствии “кибернетический подход”. Кроме того, А.А. Богданов в той же “Тектологии” впервые выдвинул системную теорию кризисов (теорию системных кризисов). Следует отметить, что *теория кризисов* вообще имела большое значение для продвижения комплекса системогенетических и циклических идей (еще К. Маркс высказывал оригинальные мысли о периодических кризисах

капитализма и даже ставил задачу математического моделирования этого явления).

Дальнейшее развитие эта концепция получила в учении о “длинных” экономических циклах конъюнктуры Н.Д. Кондратьева. Интересу к ней способствовал мировой экономический кризис конца 20-х – начала 30-х годов, после которого на Западе появился ряд научных школ, ускоренно развивавших эти кондратьевские идеи.

Можно упомянуть и близкую по смыслу *теорию катастроф*, известную по концепции “эпидемических катастроф” А.Л. Чижевского (1930). Он связывал цикличность очень многих важных для нас явлений на Земле с периодичностью деятельности Солнца и космическими ритмами. Еще раньше (1924) А.Л. Чижевский опубликовал фундаментальную и *системогенетическую по духу* работу “Физические факторы исторического процесса”, где заложил основы новой историометрии и выделил два уровня активных солнечных циклов, формирующих циклическую динамику исторического процесса. Мы используем их в наших работах.

Становление комплекса системных и системно-генетических идей шло как бы параллельными путями в естественном комплексе наук, в философских и гуманитарных науках. Но основной была объективная ориентация, у того же А.Л. Чижевского причины исторической динамики ищутся в естественных детерминантах. Аналогичными были установки в и гуманитарной сфере.

Так, *в психологии*, в 20-е годы XX века комплекс четко выраженных системных идей был развит П.К. Анохиным в *теории функциональных систем*. Его идеи, по содержанию близкие к богдановским, задают *системную основу психологии*. Достояния упоминания в этом плане также *концепция творческой эволюции* А. Бергсона. Она оказала несомненное влияние на современное естествознание – физику, и особенно на теории времени.

В период между двумя мировыми войнами появились обобщающие естественнонаучные труды В.И. Вернадского, развернулись системные и классиологические исследования Л. фон Берталанфи. Можно констатировать, что исследования в интересующей нас области разворачиваются в плане **универсального осознания системности мира**.

В послевоенное время от широких идей А.А. Богданова (организованность) эстафета перешла к *кибернетике* (науке об управлении), где ее продолжили Н. Винер и фон Нейман. Популярность кибернетики в послевоенном мире способствовала формированию общих и прикладных теорий систем, концепции системного подхода. Буквально до начала 60-х развитие этой сферы идет по восходящей и определяет собой общую ориентацию мировой науки.

Что касается нашей страны, то в этот же плодотворный период происходит синтез системных и системогенетических идей, с одной стороны, с советским вариантом марксизма, а с другой (пройдя через ту же попытку) – с идеями структурализма, кибернетики и новых видов логики. Это происходит там, где идеология представляла такие возможности, – под эгидой НОТовского движения, под вывеской логических и лингвистических исследований, в теории дизайна и архитектуры и прочих явных научных нишах. От генетики и кибернетики, еще недавно “псевдонаук”, если не хуже, уже нельзя было просто так отмахнуться.

Сложные системные объекты и необходимость управления ими (например, в военной и космической отраслях) диктовали необходимость использования системных представлений и развития новых методов. В условиях гонки вооружений идеологическими заклинаниями обойтись было уже невозможно.

В общих чертах системная концепция сформировалась к середине XX века. Различные версии *общей теории систем* предложили К. Боулдинг, М. Месарович, Л. фон Берталанфи и у нас – А.И. Уемов, Ю.А. Урманцев. В это же время развивается **системология** (термин был введен в оборот

В.Т. Куликом) – проблемно ориентированный научный комплекс, изучающий развитие систем. В.Т. Кулик, В.В. Дружинин и Д.С. Конторов, Г.П. Мельников, во многом параллельно со своими коллегами Дж. Клиром и Б.С. Флейшман предприняли попытку синтеза *системологии* как междисциплинарной науки о системах. Внутри системной парадигмы, в *системологии*, зародилась и интересующая нас *системогенетика* как учение о динамике систем. Она по-разному называлась в разных подходах и теориях и к своему современному общему виду пришла постепенно.

Генетические взгляды в науке (в синтезе с системными) переживали в нашем веке и подъемы, и спады. Драматически сложилась судьба советской генетики: это касалось не только генетических идей в науке о живом мире, но в той или иной мере затронуло весь генетический подход в целом. Мы подробно пишем о причинах этого явления в истории ниже.

Невзирая на временно воцарившееся в советской науке мракобесие лысенковщины, история все расставила на свои места уже в 60-е годы.

Сегодня *теорию гомологических рядов* Н.И. Вавилова во всем мире ставят на один уровень с дарвиновской теорией естественного отбора и классификационными работами К. Линнея.

Термин “*социальная генетика*” впервые ввел П.А. Сорокин в 1918 г., хотя само это направление и не было доведено Сорокиным до уровня развитого учения. Содержательно и фундаментально *теория социальной и экономической генетики* была осмыслена его другом Н.Д. Кондратьевым. Он опирался на свое учение о “длинных” экономических циклах конъюнктуры – “волнах Кондратьева”. К сожалению, судьба не дала ему возможности превратить свой грандиозный замысел в развитую науку, многое осталось только в набросках, но даже они значительно опережают наше время. Работы Н.Д. Кондратьева раннего периода нашли продолжение у таких зарубежных ученых, как И. Шумпетер, А. Алхиан, Р. Нельсон,

С. Винтер, но вплоть до последнего времени эти авторы были мало известны в России.

Если вначале генетика ориентировалась преимущественно на изучение живых систем, то в 30-е годы произошла *экстраполяция генетических идей*. В это время у нас в стране были высказаны идеи о необходимости *биосоциальной генетики*. Генетическая идея проникла и в лингвистику (*лингвистическая генетика*), в язык, ставший предметом особого интереса философов и герменевтов. Мы отдельно рассматриваем и эту ветку, поскольку ее влияние представляется нам пока явно недооцененным.

В 60-е годы возродился (на новом витке хрущевской оттепели) генетический взгляд на экономику. Не очень много, но в этот момент заговорили и о генетических закономерностях общественного развития. В совершенно ином научном контексте, чем у П. Сорокина, возникло понятие “социогенетики” у Н.П. Дубинина. Так что впервые возврат к термину **социогенетика** в нашей стране произошел почти через полвека после П. Сорокина. Причем, что интересно, это обнаружилось сразу в целом ряде теорий, близких к психологизму. Центральной стала проблема механизмов наследования и общественной памяти.

Сначала в работе Р.К. Баландина (1973) были выделены *три типа социальной памяти* – индивидуальная, общественная и техногенная. Затем в Э.Г. Гушин обратился к *социально-экономическому генотипу и социальной памяти*. В 1977 году в работе академика Н.П. Дубинина был сформулирован *принцип социальной наследственности*.

Интересно, что возврат генетических идей произошел не только в социогенетике. В работе Г.П. Мельникова (1978) были использованы понятия *онтогенеза и филогенеза для языковых систем*. Они базировались на взглядах Т.Г. Моргана (1936). Это имеет прямое отношение к социогенетике в том смысле, что генезис письменности и речи не только отображает прогресс социальных наследственных механизмов, но и входит в них.

Ряд важных разделов: *социально-экономический генотип, социальная память* – анализировали Э.Й. Вилкас, Е.З. Майманис (1981).

Я.К. Ребане (1982) обнаружил, что *культура удерживает функцию социальной памяти, а в социальное наследование закладывается "программирование человека"*.

Эволюционная экономика расцветает в конце 80-х. В книгах Р. Нельсона и С.Дж. Уинтера по эволюционной теории экономики изложена конкурентная модель поведения экономической системы в селекционирующей надсистеме. Мы достаточно подробно рассмотрели эту линию в статье «Институционализм и эволюционная экономика» (/ «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.17179, 05.01.2012).

Эволюционная экономика по сути – прикладная разновидность общей системогенетики. Она очень близка по смыслу к такому разделу *социогенетики*, как *экономическая генетика*, где описывает *рыночный этап развития экономики*. Рынок и отрасль выступают как специальный тип селекционной среды, задающий поведение экономических агентов и осуществляющий их отбор. Селекционная среда организации содержит ансамбль факторов. Эволюционные модели могут “предсказывать” при каких обстоятельствах можно ожидать тех или иных реакций среды.

Базисное для эволюционной экономики выступает понятие “*рутины*” – оно играет роль генов, это принципы поведения фирм, воплотившие их навыки, приемы и методы. Рутинны содержат нормативное понимание системного инварианта: норма, эволюционный опыт, руководит поведением фирмы (агента).

Изменения в окружающей среде модифицируют рутины. В отличие от генофонда, которым наделяет биологические особи природа, экономическая особь *свободна в выборе набора рутин*. Люди имеют свободу выбора: если понятны внешние условия, остается *подобрать* наиболее подходящие для выживания в них *нормы поведения фирмы*. Экономические агенты могут

имитировать чужие правила, а также обучаться и создавать новые правила. Это процессы имитации и инноваций.

Системное описание поведения фирм здесь содержит две группы факторов: внешнее (эндогенное) давление и внутреннее (экзогенное), где важнейшим является индивидуальный выбор, трактуемый через знание. На языке системогенетики, это – надсистемные (селекционная среда организации) и подсистемные (функциональные и морфологические изменения) группы факторов. Эволюционная экономика стремится рассматривать *результаты индивидуального выбора и системного взаимодействия как равнозначные и взаимосвязанные*. В итоге “рациональный выбор индивидов и давление системы вступают во взаимодействие и порождают необратимый динамический процесс развития”.

Начала интенсивно развиваться **техногенетика**. В частности, в конце 70-х – начале 80-х годов Б.И. Кудрин, изучая проблемы техники, вводит понятие *техноценоза*, затем понятие *популяции технических систем* и обнаруживает *наличие информационного отбора в техноэволюции*. В теории Б.И. Кудрина получило развитие очень важное генетическое понятие “*вариация*” (по отношению к популяции технических систем). Техническая генетика в конце 70-х годов дает ряд интересных инвариантных обобщений, например в поле интересов исследователей попадают проблемы *взаимозаменяемости и размерного ряда машин*. Появляется **понятие оператора селекции** в технике, рассматривается **проект как генетический код техники**. Можно констатировать, что после появления классических работ в биологической и социальной генетике доминирование перешло в тот момент именно в эту новую область знания. Самое важное состояло в том, что работы по техногенетике значительно расширили представления не только о специфике эволюции технического мира, но и о совокупности законов эволюции в целом.

Определенное оживление наблюдалось в середине XX века в сфере *теории культуры*, где достаточно неожиданно заявил о себе книгой по

социодинамике культуры А. Моль. Появились работы, развивающие оригинальные взгляды на цикличность искусства, в том числе – и у нас в стране. С начала 80-х годов начинает публиковаться В.М. Петров, который развивает идею существования циклов в искусстве, близких к кондратьевским. Во многом он основывается на теории Ю. Маслова, кроме того, аналогичный взгляд с оригинальной трактовкой феномена цикличности в искусстве присутствует у Ю. Лотмана. Примерно в то же время написаны все наши работы по циклам в искусстве, изданные спустя десять лет. Это позволяет констатировать наличие определенной “тематической волны” в рассматриваемый период именно в области *генетики культуры и искусства*.

Культурогенетика во многом подхватила и развила идеи о цикличности искусства и культуры, высказанные в России в начале века Ф.И. Шмитом. Само это обращение к началу века и 20-м годам (которые часто называют “модернизмом”) очень характерно для 70-80-х (“постмодернизм”). Мы этот феномен связываем с наличием полувековой цикличности в культуре.

Мы рассмотрели эти и многие другие линии в монографии «Генезис ментального хронотопа». (Книга 1. Генезис представлений о времени // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16795, 29.08.2011).

В том же направлении разворачиваются и некоторые другие современные системогенетические взгляды ученых. Э.Н. Елисеев выпустил целую серию работ о *“потоке идей” в науке* и культуре. Его работы направлены на формирование оснований, на базе которых в этой сфере обеспечивается системогенез. Это – сильная гипотеза генетического типа, в которой рассматривается механизм развития науки и культуры.

Далее происходит постепенный поворот к человеку. В центр интересов попадают теории *биоритмологии*, медицинские аспекты связи ритмов космоса и здоровья, циклы в эстетотерапии, исходящие из недр гелиобиологии. Названные темы начинают развиваться как в фундаментальной науке, так и в прикладной сфере.

На рубеже 80-х и 90-х годов заметны попытки выйти на уровень достаточно широких обобщений в области социогенеза как в фундаментальной науке, так и в прикладной. В ряду самых обсуждаемых работ данного периода можно назвать **концепцию циклической эволюции технологических укладов экономики** С.Ю. Глазьева (здесь были выдвинуты такие понятия, как “холодная экономика” и “горячая экономика” и т.д.).

В ходе поисков в самых разных сферах отшлифовывалось представление о системном генезисе и его разновидностях – системообразовании, системоразвитии, системной эволюции. Системное движение проживает как бы *свой цикл саморефлексии*: в системной картине мира один за другим открываются **законы развития систем**. Ю.А. Урманцев и его группа развивают понятие “эволюционики” как научного направления, изучающего любые типы эволюции как *систему всех теорий эволюции*. Сейчас в этой сфере существуют как минимум три термина: “эволюционика” – в трактовке Ю.А. Урманцева и его школы, “теория системной эволюции” (выступающая как теория системной трансформации) в *концепции систем гибридного интеллекта* В.Ф. Венды, а также “эволюционная теория проектирования” Е.П. Балашова.

Сюда же, к саморефлексии системогенетики, во многом примыкают “общая теория гармонии систем” Э.М. Сороко и понятия о гармонии систем Ю.А. Урманцева. В этих теориях осмыслиется механизм действия системогенетических законов через законы симметрии и квантовой организации. Мир предстает в них как поделенный на уровни и квантированный. **Понятие кванта в системном мире** теперь многообразно: это – *кванты организации* И.В. Крутя и Э.М. Сороко, *системный квант* Э.М. Сороко, *квант действия* К.В. Судакова. Квантовые и генетические взгляды соединяются в концепции “**квантовой эволюции**” Дж. Г. Симсона. Р. Фостер и Д. Сахал применяют *понятие технологических пределов*; близкое по смыслу понятие формируют также В.И. Кузьмин и А.В. Жирмунский.

Если говорить о социальной философии и ее соотношении с системогенетикой и социальной генетикой, то можно сказать, что здесь обнаруживается ряд полностью совпадающих точек зрения. Особенно это касается циклических представлений, развиваемых в общей системогенетике и в социальной философии.

В определенном смысле циклическими являются все известные социально-исторические теории: циклическими являются и *формационная теория* К. Маркса, и *культурологические теории типов* Н.Я. Данилевского, и теория типов О. Шпенглера, и *теория истории* (“Вопрошаний и Ответов”) А. Дж. Тойнби, и подход к социальному генезису П. Сорокина. Среди современных циклических воззрений особо выделяется *теория этногенеза* Л.Н. Гумилева.

Говоря о философии и системогенетике, невозможно пройти мимо синтетических эволюционных взглядов ряда выдающихся ученых XX-го века, которые творили как бы “на перекрестке” многих наук. Это и всемирно известная ныне естественнонаучная, а точнее – межнаучная, ноосферная (полисферная) теория В.И. Вернадского; именно она стала фундаментальной основой для этногенетической концепции Л.Н. Гумилева. В этом же ряду находится и “ось эволюции, осознавшая самую себя”, по Тейяру де Шардену; его взгляды мы также разбираем ниже достаточно подробно.

Мы рассмотрели и эту линию в монографии «Генезис ментального хронотопа». (Книга 1. Генезис представлений о времени // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16795, 29.08.2011).

Работы названных авторов легли в основание такого развивающегося научного направления последнего времени, как *социогенетика*. Появился ряд публикаций А.И. Субетто и Ю.В. Яковца, где решается задача определения границ и специфики этой новой науки.

Вторично социогенетика была заново воссоздана А.И. Субетто (в 1979 - 1982 г.г., когда в России почти не были известны работы П.А. Сорокина и Н.Д. Кондратьева). Он исходил из законов разработанной им *общей*

системогенетики. В триаде "наследственность, изменчивость, отбор", *наследственность* выступает у него более общим понятием, включая в себя процессы изменчивости и отбора. Поэтому социогенетика определена им как *наука, изучающая процессы социального наследования*. В главе, посвященной перспективам развития социогенетики, он пишет: "Неклассическая история – это история человека, управляющего своим будущим... на уровне общества, мировой цивилизации, всей социобиосферной системы. Однако при этом меняется социокультурный архетип представлений об управлении." И далее: "Классический тип причинно-следственных зависимостей как направленной зависимости от прошлого к будущему сменяется неклассическим типом "причинения": не только от прошлого к будущему, но и от будущего к будущему". Авторская концепция "служит основанием трактовки онтологии мира как креативной онтологии", где появляется "онтологическое творчество."

Ю.В. Яковец дает определение социогенетики на основе *дарвиновской парадигмы теории эволюции* как общественной науки, изучающей процессы, закономерности и механизмы взаимодействия наследственности, изменчивости и отбора в обществе в целом и в его основных элементах. Он выделяет семь вложенных сфер соционаследования своими масштабами. К кругу его интересов относится также учение о цивилизациях и кризисологии.

Сейчас становится особенно заметно: современная социальная философия и социогенетика обнаруживают множество зон пересечения, что заставляет системогенетиков осмысливать свои методы и понятия с философских позиций. В этом смысле мы выполняем специфическую рефлексивную работу по отношению к большинству изложенных линий. Даже само по себе удержание и упаковка компендиума знаний по этому направлению имеет смысл, а попытка осознания тех или иных тенденций (даже если она не будет удачной) тем более представляется ценной для нашего этапа развития научного знания.

Итак, XX век стал веком расцвета системного и генетического движений и их объединения в единое представление – системогенетику. Концептуальная база *системогенетики* была подготовлена ранее упоминавшимися работами А.А. Богданова, А.Д. Адо, Ю.Д. Амирова, Б.В. Ахлибинского, Е.П. Балашова, Н.П. Дубинина, В.И. Кудрина, В.П. Кузьмина, И.В. Крутя, Ю.И. Кулакова, И.С. Ладенко, В.П. Лозовского, Е.З.Майминаса, А.И. Половинкина, А.И. Ракитова, Я.К. Ребане, Д.В. Рундквиста, М.И. Сетрова, Э.М. Сороко, А.И. Субетто, Ю.В. Яковца и других исследователей, которых мы не упоминаем только ввиду краткости нашего обзора. Не за горами время, когда будут детально рассмотрены все линии и течения в этом гигантском потоке, но пока мы лишь обозначим его общие контуры и самые основные вехи.

Системогенетика как межпредметный научный комплекс еще только становится, хотя назвать ее юной уже нельзя. О ее зрелости свидетельствует хотя бы то, что внутри системогенетического подхода появился *собственный ряд понятий и терминов*, интегрирующих частнонаучные понятия и термины, выработан *свой ряд законов*. Это вполне серьезная заявка на новую науку, у которой есть и своя предметология, и своя методология, и свой понятийно-терминологический аппарат, и даже своя семиология и праксеология. Современный системогенетический подход в его лучших проявлениях нацелен на выделение уже не частных, а всеобщих, инвариантных моделей, распространяющихся и на абиотические, и на биотические системы, на проблемы социума и человека. У системогенетики появился первый Манифест, который получает постепенное развитие в процессе саморефлексии его автора.

Мы тоже предлагаем в рамках данной темы своеобразную рефлексию, но она у нас носит характер циклической группировки ранее рассмотренных тем. С позиций развиваемой нами трехуровневой модели столетнего цикла, можно отметить интересную *тенденцию в становлении* самих же *системогенетических идей*. Эта своеобразная рефлексия показывает, что перед

нами прошло как минимум два 33-х летних цикла со своей спецификой и начинается третий. То есть речь идет о трех исторических циклах (1920-1953; 1953-1986; 1986-2019) различающихся прежде всего степенью общности в постановке вопросов. Движение идет *от общего и интегрированного к частному и дифференцированному*.

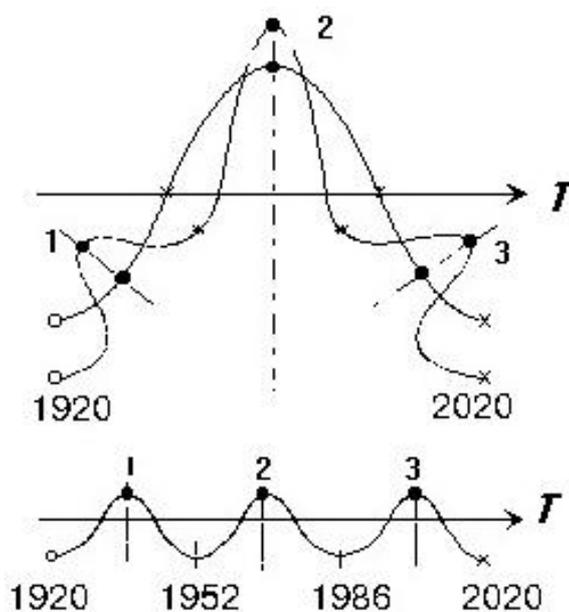

Рис. 34. Три цикла в вековом цикле культуры.

В первом цикле (1920-1953) ставятся проблемы *предельного* философского уровня (Хайдеггер, Вернадский и т.д.), выдвигаются идеи *глобальные* (типа тектологии Богданова) или обобщающие целую отрасль или сферу знания (Чижевский, Кондратьев, Сорокин, Вавилов, Анохин, Винер);

Во втором цикле (1953-1986) происходит новое обращение к этим первоосновам, но уже с функционалистической и другой, скорее целостной (*рацио + иррацио*), точки зрения, учитывающей и всеобщий, и локально-прикладной аспекты (культурогенез, техногенез и т.д.);

В третьем цикле (1986-2019) происходит как бы подведение итогов (общая системогенетика) в области теоретического знания и осмысление сложных *инвариантных составляющих* этого знания (Сороко, Шмелев, Субетто, весь наш цикл книг).

Появляются также как бы две противоположные тенденции: с одной стороны, *глобальные утопии* (куда мы относим и теорию информационного общества), с другой – голый *инструментальный рационализм* (где ценны только средства и их прикладная эффективность). Основная ориентация западных исследований находится в пределах ментальности нашего последнего цикла – преобладают попытки приспособить это знание для практики, развиваются прикладные аспекты.

Такой цикл, в принципе, присущ всякому знанию вообще и системогенетика здесь не исключение. Точно так же в XIX веке в аналогичный период времени Вл. Соловьев подвел итоги всей мировой философии, а Н. Федоров выдвинул глобальную утопию – “теорию общего дела”, немецкие авторы подводили базис под свою мировую экспансию, а большевики искали в рациональном знании инструментальное политическое оружие и таки нашли его там.

Зафиксировав в истории системогенетики в нашем веке три цикла по 33 года, можно спуститься и уровнем ниже. Здесь мы будем иметь дело с **тремя 11-летними циклами** в пределах каждого 33-хлетнего цикла. Тенденция *логики развития* в трех микроциклах (по 11 лет) также развивалась в пределах *от всеобщего к особенному и к единичному*. Это позволяет дифференцировать историю системогенетики еще детальнее.

В первом 33-хлетнем цикле такая логика вполне очевидна (от Богданова – к Анохину и многим другим, далее – к Винеру: от всеобщих идей – к конкретным наукам – и одному общему аспекту).

В среднем цикле движение идет *от глобальных идей социогенетики и экономической генетики* – в начале (Дубинин) – к *частным генетикам* – в середине (Кудрин, Петров) и *прикладной* тематике (типа биоритмологии) – в конце. Хотя, может быть, здесь общая логика и не выражена столь же отчетливо, как в первом цикле, но она та же.

Видимо, подобная участь ожидает и наш начавшийся цикл: *предельные обобщения* Субетто, Сороко, Глазьева и т.д. постепенно меняются на более прагматичные "кризисологии" (например, в работах Яковца) и могут вскоре перейти в совершенно безликие прикладные методики в рамках "политических технологий".

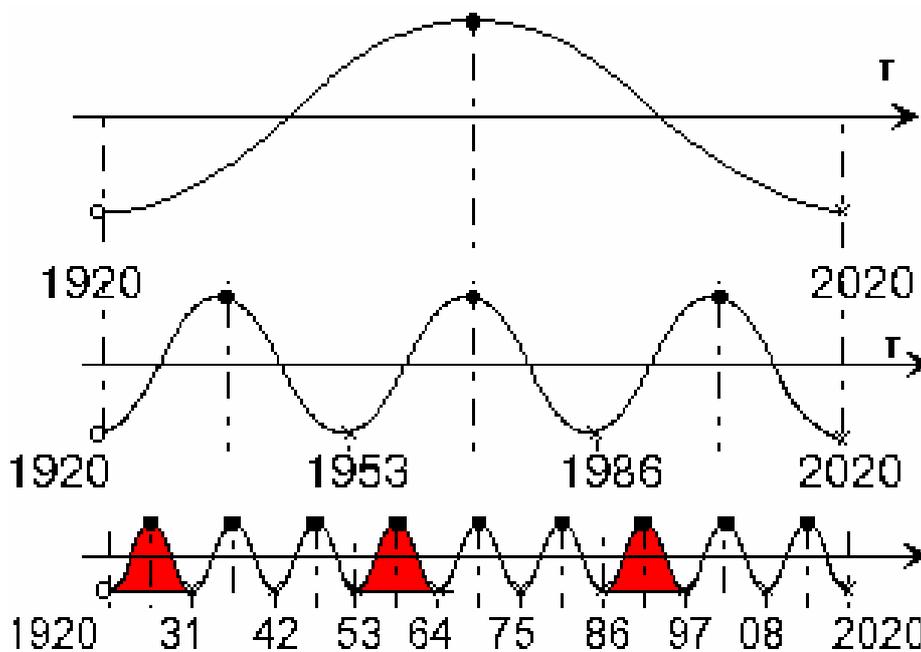

Рис. 35. Три фазы внутри трех микроциклов.

* * *

В кратком обзоре мы стремились показать в самых общих чертах, как в науке XX века была сформирована *системогенетика в качестве общей теории преемственности и обновления в развитии систем*. Это был взгляд на нее как бы снаружи, из мира науки и истории, конечно, не во всем его многообразии. А теперь наша задача – попытаться раскрыть метод системогенетики изнутри, как мы его понимаем сегодня.

Это сопряжено с определенными трудностями, суть которых можно уяснить из исторического обзора: большинство "системогенетик" несет на себе отпечаток той или иной фазы развития самой идеологии системогенетики. Можно подразделить взгляды в наиболее крупных блоках на *конструктивные* тенденции начала 20-х – 40-х годов, на *функциональные* подходы 50-х – 80-х и на *преимущественно инструментальные* тенденции

нашего времени. Некоторые считают, что это вообще три разные системогенетики, но мы видим здесь *явные фазы одного и того же явления*.

Исторически движение в вековом цикле идет от общего – через особенное – к единичному, но в конце века всегда приходят интеграторы. Что касается общей системогенетики в традициях "естественной школы", то интеграцию в ней осуществил А.И. Субетто. Наша концепция также принадлежит к разряду интеграционных: это – одна из синтетических ветвей, лежащих на пересечении социогенетики, теории человека (человековедения), философии истории, аксиологии (в частности, эстетики), теории и истории эстетической деятельности (в частности, искусства), исторической психологии. Ее специфика состоит в том, что мы рассматриваем неклассические инварианты, не относящиеся к традициям "естественной школы". Материал, который мы привлекаем, – искусствоведческий, гуманитарный, – во многом синтетический и наррадигмальный, но мы не проходим и мимо научности в естественно-математической форме – парадигмального знания.

Генетика, политика и власть. Как только обращаешься к этой теме, вспоминается страшная судьба, доставшаяся в нашей стране гениальным и универсальным ученым-генетикам – Н.Д. Кондратьеву, А.Л. Чижевскому, Н.И. Вавилову и многим другим. Мрачная закономерность – генетика целенаправленно истребляется, и происходит это не по злему умыслу отдельных людей, а как естественная реакция *антигенетического управления*, таково устройство самого нашего социума. Социальные генетические учения оказались опасными для любой волонтаристской политики. Причины ясны: политики мыслят в пределах четырех-пяти лет, даже всемогущие транснациональные корпорации и их объединения редко выходят за горизонт 10–12 лет. Максимальная по длительности международная программа идеологической экспансии США, начавшаяся в 1946 году и завершившаяся поражением советского коммунизма, длилась 50 лет. Такая же цифра была у советской коммунистической экспансии

(примерно 1931–1981). Видимо, это – программный предел наиболее организованных имперски ориентированных правительств и т.п. управленческих ядер, имеющих устойчивую идеологию и преемственность в ее воплощении. Вся остальная политика носит настолько *короткопериодный* и потому явно волюнтаристский, по определению, характер, что говорить о социальной генетике здесь просто не с кем. Поэтому напрашивается вывод, что уничтожение генетиков, продиктованное таким устройством политики, есть *самоуничтожение слепого общества*: "Слепые – поводыри слепых!" Кантовская идея мирового правительства как была, так и остается благим пожеланием. Попытки собраться и что-то осмыслить на уровне объединенных наций пока превращаются в свару, где идет дележка и торг. Перед человечеством встал вопрос выживаемости мировой цивилизации в XXI веке: *связанность всех* такова, что развитие может быть реализовано только в форме *управляемой социоприродной эволюции*. Эти слова звучат из России – и ниоткуда больше вы их не услышите. Не хочу превозносить соборный характер русского менталитета, говорить об особой роли России в истории наций – все это фразы, требующие исторических и философско-логических доказательств. Сегодня и эти фразы уже затерты (и даже уже можно наблюдать их усиленное целенаправленное “затирание”).

Знаю только то, что российская наука всегда была *интернаукой*, в лучших своих образцах она никогда не прислуживала ни правительствам, ни партиям, ни корпорациям, оттого её опасались в прошлом и явно опасаются сегодня. А если уж нам надо у кого учиться широте и фундаментальности, так это у русской научной школы.

БИБЛИОГРАФИЯ:

1. Александров Н.Н. Циклические закономерности развития образных систем в дизайне. // В сб.: “Футуро-дизайн, 89”. Материалы первой Всесоюзной конференции по проблемам проектного прогнозирования. — М.: Изд-во ВНИИТЭ, 1990. С. 110-112.
2. Альтшуллер Г.С. Творчество как точная наука. Теория решения изобретательских задач. — М.: Сов. радио, 1979. — 174 с.
3. Американская социологическая мысль: Тексты. / Под ред. В.И. Добренькова. — М.: Издание Международного Университета Бизнеса и Управления, 1996. — 560 с.
4. Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретация культуры. — Санкт-Петербург: Университетская книга, 1997. — 728 с. — (Культурология. XX век).
5. Аристотель. Сочинения в четырех томах. — М.: Мысль. Т. 1. (1975) — 550 с.; т. 2. (1978) — 587 с.; т. 3. (1981) — 613 с.; т. 4. (1984) — 830 с. — (Философское наследие). — В надзаг.: АН СССР. Ин-т философии.
6. Асмус В.Ф. Античная философия. — М.: Высшая школа, 1976. — 543 с.
7. Балашов Е.П. Эволюционный синтез систем. — М.: Радио и связь, 1985. — 328 с.
8. Балашов Ю.В., Казютинский В.В. Антропный принцип в космологии: естественнонаучные и мировоззренческие аспекты. // Логика, методология и философия науки. Материалы к VIII Международному конгрессу по логике, методологии и философии науки. Вып. 2. — М.: АН СССР, 1987. С. 89-123.
9. Барг М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма. — М.: Мысль, 1987. — 348 с.
10. 45. Безмоздин Л.Н. Художественно-конструктивная деятельность человека. — Ташкент: Изд-во “ФАН”, 1975. — 244 с.

11. Л. фон Берталанфи. Общая теория систем — критический обзор. // Исследования по общей теории систем. — М.: Прогресс, 1969. С. 23-82.
12. Богданов А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука. — В 2 кн. — М.: Экономика, 1989. — (Кн. 1. — 304 с. Кн. 2 — 304 с.).
13. Боулдинг К. Общая теория систем — скелет науки. // Исследования по общей теории систем. — М.: Прогресс, 1969. С. 106-142.
14. Васильева Л. Открой чело века! // “Литературная газета”, от 27 июля 1988 г. N 30. С. 12.
15. Васютинский Н.А. Золотая пропорция. — М.: Молодая гвардия, 1990. — 238 с. (Эврика).
16. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. — М.: Наука, 1988. — 520 с.
17. Вико Джамбаттиста. Основания новой науки об общей природе наций. Пер. с итал. — Москва – Киев: “REFL-воос”-”ИСА”, 1994. — 656 с.
18. Волновые процессы в общественном развитии (под ред. В.В. Василькова, И.П. Яковлева, И.Н. Барыгина и др.). — Новосибирск: Изд-во НГУ, 1992. — 229 с.
19. Волошинов А.В. Пифагор: союз истины, добра и красоты. — М.: Просвещение, 1993. — 224 с.
20. Воронцов Н.Н., Сухорукова Л.Н. Эволюция органического мира: Факультатив. курс. Учеб. пособие. — М.: Просвещение, 1991. — 223 с., ил.
21. Выготский Л.С. Психология искусства. Изд. 3-е. — М.: Искусство, 1986. — 573 с.
22. Гегель Г. Энциклопедия философских наук. В 2-х тт. — М.: “Мысль”, 1975. Т. 1. — 350 с. Т. 2. — 695 с.
23. Гегель Г. Философия духа // Энциклопедия философских наук. / Отв. ред. Е.П. Ситковский. — М.: Мысль, 1977. Т. 3. — 471 с.
24. Гегель Г. Лекции по философии истории. — СПб.: Наука, 1993. — 480 с.

25. Геодакян В.А. О структуре эволюционирующих систем. // Проблемы кибернетики. Вып. 2. — М., 1972.
26. Геодакян В.А. Половой диморфизм и “отцовский эффект”. // Журнал общей биологии. Т. 42. 1981. N 5.
27. Геоцикличность. Сб. науч. тр. — Новосибирск: ин-т геологии и геофизики СО АН СССР, 1976. — 123 с.
28. Гердер И.-Г. Идеи к философии истории человечества. — М.: Наука, 1977. — 704 с. — (Памятники исторической мысли).
29. Глазычев В.Л. О дизайне. — М.: Искусство, 1970. — 192 с.
30. Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. — М.: ВладДар, 1993. — 310 с.
31. Гобозов И.А. Введение в философию истории. — Изд. 2-е, переработанное и дополненное. — М.: ТЕИС, 1999. — 363 с.
32. Гражданников Е.Д. Экстаполяционная прогностика. — Новосибирск: Наука, 1988. — 144 с.
33. Гражданников Е.Д., Холюшкин Ю.П. Системная классификация социологических и археологических понятий. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. — 183 с.
34. Григорьева Т.П. Дао и логос (встреча культур). — М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1992. — 424 с.
35. Губман Б.Л. Западная философия культуры XX века. — Тверь. Леан, 1997. — 288 с.
36. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. 3-е изд., стереотипное. — Л.: Гидрометеиздат, 1990. — 528 с.
37. Дарвин Ч. Происхождение видов путем естественного отбора, или сохранение благоприятных рас в борьбе за жизнь. — Л.: Наука, 1991. — 539 с. — (Серия “Классики науки”).
38. Декарт Р. Сочинения в 2-х тт. / Пер. с лат. и франц. Сост., ред., вст. статья В.В. Соколова. — М.: Мысль. Т. I — 654 с., 1989.; Т. II — 633 с., 1994. — (Философское наследие).

39. Дж. К. Джонс. Инженерное и художественное конструирование. Современные методы проектного анализа. / Пер. с англ. — М.: Мир, 1977. — 375 с.
40. Диалектическое противоречие. Сб. — М.: Политиздат, 1979. — 343 с. — (Над чем работают, о чем спорят философы).
41. Дмитриев Ю.Я. Категории качества, количества и меры в историко-философском процессе. Генезис. Закономерности развития. Функции./ Отв. ред. И.И. Головин. — М.: Наука, 1995. — 159 с.
42. Доскин В.А. Лаврентьева Н.А. Ритмы жизни. 2-е изд, перераб. и доп. — М.: Медицина, 1991. — 176 с.
43. Дружинин В.В., Конторов Д.С. Проблемы системологии. — М.: Советское радио, 1976. — 296 с.
44. Дубинин Н.П. Биологические и социальные факторы в развитии человека. // Вопросы философии, 1977. N 2. С. 46-57.
45. Елисеев Э.Н., Сачков Ю.В., Белов Н.В. Потоки идей и закономерности развития естествознания. — Л.: Наука, 1982. — 300 с.
46. Жмудь Л.Я. Пифагор и его школа. — Л.: Наука. 1990. — 192 с.
47. Зеленов Л.А. Процесс эстетического отражения. — М.: Искусство, 1969. — 168 с.
48. Зеленов Л.А., Куликов Г.И. Методологические проблемы эстетики. — М.: Высшая школа, 1982. — 176 с.
49. Зеленов Л.А. Методология человековедения. — Нижний Новгород: НТО, 1991. — 76 с.
50. Зотов А.Ф. Мельвиль Ю.К. Западная философия XX века. Учебное пособие. — М.: “ПРОСПЕКТ”, 1998. — 432 с.
51. Ивин А.А. Ведение в философию истории. Учеб. пособие. — М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997. — 288 с.
52. История философии в кратком изложении. / Пер. с чеш. И.И. Богута. — М.: Мысль, 1991. — 590 с.

53. Каган М.С. Человеческая деятельность. Опыт системного анализа. — М.: Изд-во политической литературы, 1974. — 328 с. — (Над чем работают, о чем спорят философы).
54. Каган М.С. Философская теория ценности. — СПб.: ТОО ТК “Петрополис”, 1997. — 205 с.
55. Каган М.С. Философия культуры. — СПб.: ТОО ТК “Петрополис”, 1997. — 416 с.
56. Каган М.С. Эстетика как философская наука. Университетский курс лекций. — СПб.: ТОО ТК “Петрополис”, 1997. — 544 с.
57. Казаринова В.И. Товароведу о красоте и композиции. — М.: Экономика, 1973. — 151 с.
58. Казначеев В.П., Спириин Е.А. Космопланетарный феномен человека. Проблемы комплексного изучения. — Новосибирск: Наука, 1991. — 304 с.
59. Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н. Лосского. — М.: Мысль, 1994. — 951 с. — (Философское наследие, том 118).
60. Кант И. Критика способности суждения / Пер. с нем. — М.: Искусство, 1994. — 367 с. — (История эстетики в памятниках и документах.)
61. Кантор К.М. Красота и польза. Социологические вопросы материально-художественной культуры — М.: Искусство, 1990. — 280 с.
62. Каримский А.Н. Философия истории Гегеля. — М.: Изд-во МГУ, 1988. — 270 с.
63. Квейд Э. Анализ сложных систем. — М.: Советское радио, 1969. — 127 с.
64. Кедров Б.М. О творчестве в науке и технике. — М.: Молодая гвардия, 1987. — 192 с. (Эврика).
65. Клир Дж. Системология. Алгоритмизация решения системных задач. — М.: Радио и связь, 1990. — 539 с.
66. Кобзев А.И. Учение о символах и числах в китайской философии. — М.: Восточная литература, 1994. — 432 с.

67. Коллин Р. Теория небесных влияний. Человек, вселенная и тайны космоса. Пер. с англ. — СПб.: Издательство Чернышева, 1997. — 432 с.
68. Комаров В. Куда впадает река времени? // Знание - сила. 1979, № 4. С. 17-19.
69. Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. — М.: Экономика, 1989. — 528 с.
70. Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. — М.: Наука, 1991. — 487.
71. Кондратьев Н.Д. Основные проблемы экономической статики и динамики. Предварительный эскиз. / Авт. статей о Кондратьеве и его творчестве: Ю.В. Давыдов, Ю.Б. Кочеврин, В.В. Симонов. — М.: Наука, 1991. — 567 с. — (Серия “Социологическое наследие”).
72. Круть И.В. Введение в общую теорию Земли. — М.: Мысль, 1978. — 368 с.
73. Крюковский Н.И. Кибернетика и законы красоты. — Минск: Изд-во БГУ, 1977. — 256 с.
74. Кудрин Б.И. Введение в технику. — Томск: Изд-во Томского университета, 1993. — 552 с.
75. Кузнецов В.Г. Герменевтика: эволюция идей и современное состояние. / Вестник МГУ. Философия, 1992. N 2. С. 64-75.
76. Кузнецов Б. Экономическая синергетика: эволюция и революция. // Бизнес-класс, 1997. № 17, № 19.
77. Кузьмин В.П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. — М.: Политиздат, 1976. — 247 с.
78. Кулаев К.В. Теория Ф.И. Шмита о циклическом развитии искусства. // Педагогика. 1992. №№ 7-8. С. 87-90.
79. Кун Т. Структура научных революций. — Благовещенск: БГК им. А.И. Бодуэна де Куртенэ, 1998. — 296 с.

80. Леви-Строс К. Первобытное мышление. / Пер., вступ. статья и прим. А.Б. Островского. — М.: Республика, 1994. — 384 с. — (Мыслители XX века).
81. Левитин К.Е. Геометрическая рапсодия. — 2-е изд., переработ. и доп. — М.: Знание, 1984. — 176 с.
82. Ленин В.И. Философские тетради. — М.: Политиздат, 1978. — 752 с.
83. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. — М.: Смысл, 1997 — 287 с.
84. Леонтьев А.Н. Философия психологии. Из научного наследия. / Под ред. А.А. Леонтьева и Д.А. Леонтьева. — М.: Изд-во Московского университета, 1994. — 228 с.
85. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. — М.: Смысл, 1999. — 487 с.
86. Локк Д. Собрание сочинений в 3-х томах. — М., 1960. Т. 1, с. 129.
87. Ломов Б.Ф. Системность в психологии. Под ред. В.А. Барабанщикова, Д.Н. Завалишиной и В.А. Пономаренко. — М.: Изд-во “Институт практической психологии”, Воронеж: НПО “МОДЭК”, 1996. — 384 с.
88. Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. — М.: Политиздат, 1991. — 525 с. — (Мыслители XX века).
89. Лосев А.Ф. Миф. Число. Сущность. /Сост. А.А. Тахо-Годи. — М.: Мысль, 1993. — 959 с.
90. Лотман Ю., Николаенко Н. “Золотое сечение” и проблемы внутримозгового диалога. // ДИ СССР, 1983. № 9. С. 31-34.
91. Лукьянов А.Е. Истоки Дао. — М.: ИНСАН РМФК, 1992. — 208 с.
92. Лукьянов А.Е. Становление философии на Востоке (Древний Китай и Индия). — М.: ИНСАН РМФК, 1992. — 160 с.
93. Лэмберт Л. Ритмы тела. Здоровье человека и его биологические часы / Пер. с англ. — М.: Вече, АСТ, 1998. — 416 с. — (Ваше здоровье).

94. Маевский В.И. Кондратьевские циклы, экономическая эволюция и экономическая генетика. — М.: ИЭРАН, МФ Н.Д. Кондратьева, 1994. — 39 с.
95. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию / 2-е изд., изм. и доп. Сост. и общ ред. Ю.П. Сенокосова. — М. Изд. группа “Прогресс”, “Культура”, 1992. — 416 с.
96. Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука. (Логико-методологический анализ). — М.: Мысль, 1983. — 284 с.
97. Маслов С.Ю. Асимметрия познавательных процессов и ее следствия. — М.: Искусство, 1975. — 246 с.
98. Мейен С.В. Таксономия и мерономия. // Вопросы методологии в геологических науках. — Киев: Наукова думка, 1977. С. 25-33.
99. Мельников Г.П. Системология и языковые основы кибернетики. — М.: Советское радио, 1978. — 368 с.
100. Месарович М., Мако Д., Такахара И. Теория иерархических многоуровневых систем. — М.: Мир, 1973. — 344 с.
101. Месарович М., Такахара И. Общая теория систем: математические основы. — М.: Мир, 1978. — 311 с.
102. Методологические рекомендации по прогнозированию кризисов и путей выхода из них. // М-лы к II Междисциплин. дискуссии “Прогнозирование кризисов в ритме цикличного развития”. — Москва, 1991. / Проект. — М.: Изд-во фонда Н.Д. Кондратьева, 1991. — 58 с.
103. Мечников Л.И. Цивилизации и великие исторические реки. — М.: Просвещение, 1998. — 434 с.
104. Мизун Ю.Г., Мизун П.Г. Космос и здоровье. — М.: Знание, 1984. — 144 с.
105. Миклин А.М., Подольский В.А. Категория развития в марксистской диалектике. — М.: Мысль, 1980. — 166 с.
106. Мир человека. / Отв. ред. Зеленов Л.А., науч. ред. Кутырев В.А. Вып 1. — Нижний Новгород: НАСА, 1993. — 144 с.

107. Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера. — М.: Молодая гвардия, 1990. — 351 с., ил.
108. Моисеев Н.Н. Палитра цивилизаций: разнообразие и единство. // Человек, № 3, 1992. С. 5-13.
109. Молевич Е.Ф. Круговорот и необратимость в мировом движении. — Саратов: Изд-во СГУ, 1976. — 108 с.
110. Петров В.М. Прогнозирование художественной культуры: вопросы методологии и методики. — М.: Наука, 1991. — 152 с.
111. Печчеи А. Человеческие качества. Пер. с англ. О.В. Захаровой. Общ ред. и послесл. ак. Д.М. Гвишиани. — М.: Прогресс, 1980. — 304 с.
112. 204. Платон. Собрание сочинений в 4-х т. — М.: “Мысль”. Т. 1 (1990) — 860 с. Т. 2 (1993) — 528 с. Т. 3 (1994) — 654 с. Т. 4 (1994) — 830 с.
113. Подольный Р.Г. Освоение времени. — М.: Политиздат, 1989. — 143 с. — (Филос. б-чка для юношества).
114. Пригожин И. От существующего к возникающему. Время и сложность в физических науках / Пер. с англ., под ред. Ю.Л. Климонтовича. — М.: Наука, 1985. — 327 с.
115. Развитие учения о времени в геологии (Оноприенко В.И., Симаков К.В., Мейен С.В. и др.). — Киев: Наукова думка, 1982. — 416 с.
116. Ракитов А.И. Историческое познание. — М.: Политическая литература, 1982. — 303 с.
117. Рапопорт И.А. Гены, эволюция, селекция: Избранные труды. — М.: Наука, 1996. — 249 с.
118. Рашковский Е.Б. На оси времени. Очерки по философии истории. — М.: Прогресс-Традиция, 1999. — 208 с.
119. Ребане Я.К. Информация и социальная память: к проблеме социальной детерминации познания. // Вопросы философии, 1982. № 8. С. 41-47.

120. Режабек Е.Я. Становление понятия организации. — Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-тета, 1991. — 131 с.
121. Рерих Н.К. Культура и цивилизация. — М.: Международный центр Рерихов, 1997. — 200 с.
122. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. — СПб.: Питер Ком, 1998. — 688 с. — (Серия “Мастера психологии”).
123. Русский космизм: Антология философской мысли / Сост. С.Г. Семенов, А.Г. Гачевой; Вст. ст. С.Г. Семенов; предисл. к текстам С.Г. Семенов, А.Г. Гачевой; Прим. А.Г. Гачевой. — М.: Педагогика-Пресс, 1993. — 368 с. ил.
124. Русский позитивизм. Лесевич. Юшкевич. Богданов. Составитель, автор предисловия, обзорной статьи и указателя С.С. Гусев. Отв. ред.: А.Ф. Замалеев, А.И. Новиков. — СПб.: “Наука”. 1995. — 363 с. — (Истоки отечественной мысли).
125. Садовский В.Н. Основания общей теории систем. — М.: Наука, 1974. — 279 с.
126. Сахал Д. Технический прогресс: концепции, модели, оценки. — М.: Финансы и статистика, 1985. — 366.
127. Семиотика. / Сб. (в 2-х т). Сост., вступ. статья и общ. ред Ю.С. Степанова. — Благовещенск: БГК им. А.И. Бодуэна, 1999. — (Т. 1 — с., Т. 2. — 304 с.).
128. Система. Симметрия. Гармония (под ред. В.С. Тюхтина, Ю.А. Уральцева). — М: Мысль, 1988. — 315 с.
129. Смолина Н.И. Традиции симметрии в архитектуре. — М.: Стройиздат, 1990. — 344 с.
130. Сонин А.С. Постигание совершенства. Симметрия, асимметрия, диссимметрия, антисимметрия. — М.: Знание, 1987. — 208 с.
131. Сороко Э.М. Концепция уровней, отношение, структура (к методологии социологического исследования). — Минск: Наука и техника, 1978. — 160 с.

132. Сороко Э.М. Самоорганизация систем: проблемы меры и гармонии (автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук.). — Минск, 1991. — 442 с.

133. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. Исследования изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. / Пер. с англ. В.В. Сапова. — С-Пб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного Института, 2000. — 1054 с.

134. Спенсер Г. Синтетическая философия. — Киев: “Ника-Центр”, 1997. — 512 с. — (Серия “Познание”; Вып. 2).

135. Субетто А.И. Дуальность управления и организации как фундаментальный объяснительный принцип механизма цикличности развития // Всесоюзн. научн.-теор. конф. по фундамент. междисципл. пробл. “Организация и управление” I. Секция общих теор.-методолог. проблем. (Минск, 13-15 ноября 1989 г.). — Минск: Изд-во МДНТП, 1989. С.16-32.

136. Субетто А.И. Закон инвариантности и цикличности развития и функционирования систем и проблемы “цикловой” методологии прогнозирования НТП // Теория и практика прогнозирования научно-технического прогресса в условиях экономической самостоятельности предприятий и организаций. — Л.: ЛДНТП, 1989. С. 3-34.

137. Субетто А.И. “Русский космизм” и грядущая “четвертая волна” развития человеческой цивилизации. // “На страже Родины”, №№ 131, 132, 135, 138 ; от 8, 9, 13, 15 июня 1990 г.

138. Субетто А.И. Теория системного времени и проблема системного прогнозирования. // V Сибирская науч.-практ. конф. по надежности науч.-техн. прогнозов. — Новосибирск: НТЦ, 1990. С. 256-258.

139. Субетто А.И. Феномен пост-футуристического диморфизма систем как возможная гипотеза построения прогнозов. // Прогнозирование научно-технического и экономического развития основных звеньев народного хозяйства. — Л: ЛДНТП, 1990. С. 60-65.

140. Субетто А.И. Новая парадигма исторического развития и общественный интеллект (Эскиз теории общественного интеллекта). // Современная высшая школа (международный журнал). — 1991 — № 2. С. 81-96.
141. Субетто А.И. Творчество, жизнь, здоровье и гармония (Этюды креативной онтологии). — М.: изд-во “Логос”, 1992. — 204 с.
142. Субетто А.И. Закон роста идеальной детерминации в истории и философии образования. // В сб.: “Проблемы становления системы наук и теорий об образовании”. — СПб., 1993. С. 1-12.
143. Субетто А.И. Социогенетика: системогенетика, общественный интеллект, образовательная генетика и мировое развитие. — СПб-М: ИЦ ПКПС, 1993. — 172 с.
144. Субетто А.И. Манифест системогенетического и циклического мировоззрения и Креативной Онтологии (в форме постулатов). — Тольятти: Изд-во Международной Академии Бизнеса и Банковского Дела, 1994. — 50 с.
145. Субетто А.И. “Метаклассификация” как наука о механизмах и закономерностях классифицирования. Опыт обобщения. / В 2-х частях. — СПб.-М.: ИЦ ПКПС, 1994. Ч.1 — 254 с. Ч.2 — 80 с.
146. Субетто А.И. Новая парадигма цикличности // Системогенетика и учение о цикличности развития. — Тольятти: Изд-во Международной Академии Бизнеса и Банковского Дела, 1994. С. 256-275.
147. Субетто А.И. Рефлексивная квалиметрия и рефлексосистемогенетика // Квалиметрия человека и образования. Методология и практика. Сб. науч. статей. Части 1-2. Под ред. А.И. Субетто и Н.А. Селезневой. — М.: ИЦ ПКПС Госкомвуза РФ, 1994. — С. 118-138.
148. Субетто А.И. Системная парадигма и системогенетика. // Системогенетика и учение о цикличности развития. — Тольятти: Изд-во Международной Академии Бизнеса и Банковского Дела, 1994. С. 229-255.
149. Субетто А.И. Системогенетика и теория циклов. / В 2-х книгах. — М.: ИЦ ПКПС, 1994. Часть I — 284 с; часть II — 321 с.

150. Субетто А.И. Системогенетические основы образовательных систем. / В 2-х книгах. — М.: ИЦ ПК ПС, 1994. Часть I — 284 с; часть II — 321 с.

151. Субетто А.И. Закон спиральной фрактальности системного времени как базис нового осмысления взаимосвязей циклов эволюции и циклов онтогенеза систем. // Четвертая международная конференция “Циклы природы и общества” (г. Ставрополь, 13-20 октября 1996 г.). Программа-приглашение. — Ставрополь: СтавГУ, 1996. — С. 10.

152. Субетто А.И. Проблемы фундаментализации источников содержания высшего образования: грани национальной политики. — Кострома-М.: КГПУ, ИЦ, 1995. — 336 с.

153. Субетто А.И. Управляемая социоприродная эволюция на базе общественного интеллекта. Неклассическая парадигма устойчивости развития и ноосферы. Материалы первой международной конференции. С.Петербург, 9-15 сентября 1996 года. — СПб.: СПбГУ, 1996. С. 311-313.

154. Субетто А.И. Введение в квалиметрию высшей школы. Книги 1-4. — М.: ИЦ гособразования СССР. — Кн. 1 — 96 с., кн. 2 — 122 с., кн. 3 — 170 с., кн. 4 — 162 с.

155. Субетто А.И. Россия и человечество на “перевале” истории в преддверии третьего тысячелетия (избранное). — СПб.: ПАНИ, 1999. — 828 с.

156. Тайлор Э.Б. Первобытная культура. Пер. с англ. — 2-е изд. — М.: Издательство политической литературы, 1989. — 573 с.

157. Тард Г. Социальная логика / Пер. с фр. М. Цейтлин. СПб.: Изд-во “Социально-психологический центр”, 1996. — 554 с. (Библиотека практической психологии).

158. Теория познания. В 4 т. Т. 3. Познание как исторический процесс. / РАН. Ин-т философии; Под ред. В.А. Лекторского, Т.И. Ойзермана. — М.: Мысль, 1993. — 397 с.

159. Теория функциональных систем в физиологии и психологии./ Под ред. Б.Ф. Ломова и др. — М.: Наука, 1978. — 370 с.
160. Тоффлер А. Футурошок. СПб.: Лань, 1997. — 464 с.
161. Трёлч Э. Историзм и его проблемы.: Пер. с нем. — М.: Юрист, 1994. — 719 с. — (Лики культуры).
162. Уемов А.И. Системный подход и общая теория систем. — М.: Мысль, 1978. — 272 с.
163. Урманцев Ю.В. Опыт аксиоматического построения общей теории систем // Системные исследования. — М.: Наука, 1972. С. 128-152.
164. Философия истории: Учеб. пособие. / Под ред. проф. А.С. Панарина. — М.: Гардарики, 1999. — 434 с.
165. Философия русского космизма. Сборник научных статей. Ред. Пирожкова Л.Ф. — М.: Фонд “Новое тысячелетие”, 1996. — 376 с.
166. Флейшман Б.С. Основы системологии. — М.: Радио и связь, 1982. — 368 с.
167. Флоренский П.А., священник. Сочинения в 4 -х т. — М.: Мысль. — Т. 1., 1994. — 797 с.; Т. 3(1), 1999 — 621с.; Т. 3(2), 1999, — 624с.; Т. 4., 1999. — 795с. — (Филос. наследие).
168. Фоменко А.Т. Глобальная хронология. — М.: Изд-во МГУ, 1993. — 408 с.
169. Фрезер Д.Д. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. Пер. с англ. — 2-е изд. — М.: Издательство политической литературы, 1986. — 703 с.
170. Фрейд З. “Я” и “Оно”. Труды разных лет. — Тбилиси.: Издательство “Мерани”, 1991. — 400 с. (Книга 1); — 430 с. (Книга 2).
171. Фурман А.Е., Ливанова Г.С. Круговороты и прогресс в развитии материальных систем. — М.: Изд-во МГУ, 1978. — 206 с.
172. Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. Пер. с нем. — М.: Республика, 1993. — 447 с. — (серия “Мыслители XX века”).

173. Хомский Н. Язык и мышление. Язык и проблемы знания. — Благовещенск: БГК им. А.И. Бодуэна де Куртенэ, 1999. — 252 с.
174. Хренов Л.С., Голуб И.Я. Время и календарь. — М.: Наука, Гл. ред. физ.-мат. лит., 1989. — 128 с.
175. Циклические процессы в природе и обществе. Материалы Первой междунар. конференции “Циклические процессы в природе и обществе”, 18-21 октября, г. Ставрополь. Под ред. Чурсина В.Д. — Ставрополь: Изд-во СПИ, 1993. — 272 с.
176. Чатерджи С., Датта Д. Индийская философия. Пер. с англ. — М.: Селена, 1994. — 426 с.
177. Чижевский А.Л. Земное эхо солнечных бурь. — М.: Мысль, 1973. — 351 с.
178. Чижевский А.Л. Космический пульс жизни. Земля в объятиях Солнца. Гелиотараксия. — М.: Мысль, 1995. — 768 с.
179. Тейяр де Шарден. Феномен человека. — М.: Наука, 1987. — 240 с.
180. Шеллинг Ф.В.Й. Сочинения в 2-х т.: Пер с нем. /Сост. и ред. А.В. Гулыга — М. : Мысль. — Т. 1., 1987. — 637 с.; Т. 2.. 1989. — 636 с. — (Филос. наследие).
181. Шкуратов В.А. Историческая психология. — 2-е, переработанное, издание. — М.: Смысл, 1997. — 505 с.
182. Шлезингер-младший А.М. Циклы американской истории. / Пер. с англ. и заключительная статья Терехова В.И. — М.: Издательская группа “Прогресс”, “Прогресс-Академия”, 1992. — 688 с.
183. Шмелев И.П. Третья сигнальная система. // В кн. “Золотое сечение. Три взгляда на природу гармонии”. — М.: Стройиздат, 1990. С. 234-337.
184. Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1. Очерки морфологии мировой истории. — М.: Мысль, 1993. — 663 (1) с.; Т. 2. Всемирно-исторические

перспективы / Пер с нем. и примеч. И.И. Маханькова. — М.: Мысль, 1998. — 606 с., ил. порт.

185. Щедровицкий Г.П. Избранные труды. — М.: Школа культурной политики, 1995. — 800 с.

186. Эсаулов А.Ф. Диалектика творческой мысли. — Красноярск: Изд-во КГУ, 1989. — 164 с.

187. Юдин Э.Г. Методология науки. Системность. Деятельность. — М.: Эдиториал УРСС, 1997. — 445 с. (Философы России XX века).

188. Юнг. К.Г. Феномен духа в искусстве и науке. — М.: Ренессанс, 1992. — 320 с.

189. Ягодинский В.Н. Ритм, ритм, ритм! Этюды хронобиологии. — М.: Знание, 1985. — 192 с.

190. Яковец Ю.В. Предвидение будущего: парадигма цикличности. — М.: АП и Ц, 1992. — 110 с.

191. Яковец Ю.В. Социогенетика: содержание, закономерности, перспективы. — М.: ИЭРАН, 1992. — 58 с.

192. Яковец Ю.В. Ритм смены цивилизаций и исторические судьбы России. — М.: Междунар. фонд Н.Д. Кондратьева, 1994. — 150 С.

193. Ясперс К. Смысл и назначение истории. Пер. с нем. — М.: Политиздат, 1991. — 527 с. — (Серия “Мыслители XX века”).

Сведения об авторе:

Александров Николай Николаевич

Доктор философских наук,

Член Союза дизайнеров РФ

АВТОР СЛЕДУЮЩИХ МОНОГРАФИЙ:

1. Н.Н. Александров, Эволюция перспективы. Ментальные модели пространства // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.17208, 12.01.2012
2. Н.Н. Александров, Анализ картины Питера Брейгеля «Зима» (Охотники на снегу) // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.17167, 02.01.2012
3. Н.Н. Александров, Проблемы инновационного менеджмента // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16924, 31.10.2011
4. Н.Н. Александров, Философские вопросы брендинга // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16866, 02.10.2011
5. Н.Н. Александров, Три цикла развития скульптуры в искусстве XX века // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16838, 25.09.2011
6. Н.Н. Александров, Генезис ментального хронотопа. Книга 2. Генезис представлений о пространстве // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16806, 01.09.2011
7. Н.Н. Александров, Генезис ментального хронотопа. Книга 1. Генезис представлений о времени // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16795, 29.08.2011
8. Н.Н. Александров, Структура и динамика многоуровневых образных систем. Монография / В сб. Системогенетика, 94. Раздел 2 // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16720, 03.08.2011
9. Н.Н. Александров, Моделирование индикаторов качества в эстетической системогенетике / В сб., Системогенетика, 94. Раздел 1 // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16703, 31.07.2011

10. Н.Н. Александров, Понимание времени. Культура и циклы. Избранные статьи. // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16682, 27.07.2011
11. Н.Н. Александров, Дизайн как предтеча бренда // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16658, 21.07.2011
12. Н.Н. Александров, Методология системно-генетического исследования общества // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16633, 13.07.2011
13. Н.Н. Александров, Философия экономики. Рыночный период // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16624, 09.07.2011.
14. Н.Н. Александров, Платформа философии. Философия, менталитет, цикличность // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16617, 06.07.2011
15. Н.Н. Александров, Философские вопросы теории менеджмента // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16554, 09.06.2011.
16. Н.Н. Александров, Числовые инварианты в менталитете // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16542, 02.06.2011
17. Н.Н. Александров, Стагнация, или Декаданс // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16532, 28.05.2011
18. Н.Н. Александров, Деятельностная антропология // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16521, 21.05.2011
19. Н.Н. Александров, Эстетика (курс лекций) // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16518, 16.05.2011
20. Н.Н. Александров, Звезда деятельности // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16510, 14.05.2011
21. Н.Н. Александров, Формула истории // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16506, 07.05.2011
22. Н.Н. Александров, Системогенетика ментосферы // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16449, 25.03.2011

23. Н.Н. Александров, Генезис пространствоощущения в истории
// «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16425, 09.03.2011
24. Н.Н. Александров, Экзистенциальная системогенетика
// «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16416, 06.03.2011
25. Н.Н. Александров, Эволюция симметрии в искусстве
// «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16294, 15.01.2011
26. Н.Н. Александров, Менталитет и эгрегор // «Академия
Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16213, 11.12.2010
27. Конкуренция и конкурентоспособность. Основные понятия и
история их становления. — Нижний Новгород: изд-во ВВАГС, 2004. — 176
с. (в соавторстве).

Александров Н.Н.

МЕТОД СИСТЕМОКИНЕТИКИ. СТАТИКА. Книга первая. – М.:
Издательство Академии Тринитаризма, 2012. – 152 с.

Н.Н. Александров **МЕТОД СИСТЕМОКИНЕТИКИ** Том 1 СТАТИКА

Н.Н. Александров

КНИГА 1

СТАТИКА

Москва, 2012

**МЕТОД
СИСТЕМОКИНЕТИКИ**